

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. П. ОГАРЕВА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РЕГИОНОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
«НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА»

ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ
I СУХАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
23—24 декабря 2011 года

Саранск

В двух томах

Т о м 1

Саранск 2012

УДК 316.47(470.345)
ББК С5
Г206

Ответственный редактор — С. М. Вдовин

Редакционная коллегия:

С. М. Вдовин (председатель), С. В. Полутин (зам. председателя),
Н. М. Арсентьев, О. А. Богатова, Т. М. Дадаева, Е. И. Долгаева, В. В. Ко-
зин, В. В. Конаков, В. В. Маркин, В. П. Миничкина, И. А. Пакшина,
В. М. Сидоркина, П. В. Сенин, И. М. Фадеева

Гармонизация социальных отношений в полиэтническом
Г206 регионе : I Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-
практ. конф. с междунар. участием, Саранск, 23—24 дек.
2011 г. : в 2 т. / отв. ред. С. М. Вдовин ; Науч. центр соц.-
экон. мониторинга. — Саранск, 2012. — Т. 1. — 176 с.
ISBN 978-5-88608-122-0

В сборнике рассмотрены вопросы философского и социологиче-
ского наследия А. И. Сухарева, теоретико-методологические аспек-
ты гармонизации социальных отношений в российском социуме,
проблемы межэтнических, межконфессиональных и межкультур-
ных отношений в полиэтнических регионах РФ.

Предназначен для всех интересующихся проблемами региональ-
ного развития.

УДК 316.47(470.345)
ББК С5

ISBN 978-5-88608-122-0

© ГКУ РМ «НЦСЭМ», 2012
© Коллектив авторов, 2012

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПИСЬМА УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Учреждение Российской академии наук
«Институт социологии РАН»

Оргкомитету и участникам
Всероссийской научно-практической
конференции «Гармонизация социальных
отношений в полиэтническом регионе»
(I Сухаревские чтения)

От имени Ученого совета и дирекции Института социологии РАН приветствую участников научно-практической конференции «Гармонизация социальных отношений в полиэтническом регионе» (I Сухаревские чтения). Конференция посвящена памяти Александра Ивановича Сухарева — видного ученого-философа, социолога, педагога, организатора науки и образования, общественно-го и политического деятеля.

Нам еще предстоит в полной мере оценить многогранную лич-
ность Александра Ивановича. Но одно не подлежит сомнению —
для науки, образования, культуры, социальной сферы и экономи-
ки Республики Мордовия и страны в целом его идеи и дела были,
действительно, значимыми.

А. И. Сухарев явился одним из основателей нового междисцип-
линарного направления в отечественной науке — «регионология»,
а также отраслевого социологического направления «Социология
региона» и признанной научной социологической школы «Гармо-
низация социальных отношений». Его заслуги были отмечены мно-
гочисленными правительственными наградами и высшей социоло-
гической наградой — серебряной медалью Питирима Сорокина Рос-
сийской академии наук.

А. И. Сухарев выступал интегратором социологической науки
и социологического образования, укреплял тесные рабочие связи
с Институтом социологии РАН. Благодаря его поддержке в 2010 г.

на базе кафедры социологии Мордовского университета был создан научно-образовательный центр «Социология модернизации региона», учредителями которого стали Мордовский университет и Институт социологии РАН. Сегодня в Институте социологии проходят научную стажировку преподаватели кафедры социологии, обучаются аспиранты — выпускники Мордовского университета. В наших ближайших планах — проведение совместных научных социологических исследований, публикации.

Приветствуя участников конференции, выражаю уверенность, что Сухаревские чтения станут традиционными, обретут международный масштаб, а созидательные идеи А. И. Сухарева будут развивать его ученики и последователи.

Директор ИС РАН,
академик РАН

М. К. Горшков

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С. П. Королева
(Национальный исследовательский университет)» (СГАУ)**

Факультет экономики и управления

Оргкомитету Всероссийской
научно-практической конференции
«Гармонизация социальных отношений
в полиэтническом регионе»
(I Сухаревские чтения)

Уважаемые коллеги!

Проблема управления региональным развитием является одной из наиболее значимых для современной России. Среди мер сбалансированной региональной политики важное место занимает преодоление социальных противоречий, находящее свое отражение в управленческих решениях.

Особенно актуально найти приемлемые управленческие подходы в полиэтнических регионах России, в которых жизненно необходимы и социальная стабильность, и добрососедские межэтнические отношения. Поэтому изучение оптимальных форм социальных взаимодействий важно не только с научной, но и с практической точки зрения.

Научная школа А. И. Сухарева — это уникальный опыт сотрудничества высшей школы и специалистов в области регионального управления, координации усилий и средств для решения приоритетных задач в области социального управления. Несомненно, что конференция послужит более глубокому пониманию всего комплекса проблем полиэтнических регионов России, а материалы конференции помогут в разработке и реализации эффективных программ по решению актуальных социальных проблем российских регионов.

Желаем участникам конференции плодотворной работы и осуществления творческих планов. Со своей стороны надеемся на долговременное и взаимовыгодное сотрудничество.

Декан факультета экономики и управления,
кандидат технических наук

О. В. Павлов

Преподаватели факультета

**Академия наук Татарстана
Институт истории им. М. Марджани**

Уважаемые организаторы и участники конференции
«Гармонизация социальных отношений
в полиэтническом регионе» (I Сухаревские чтения)!

Вопросы интеграции российского общества при сохранении относительной социально-политической, экономической самостоятельности и социокультурной самобытности регионов, необходимости достижения межэтнического и межкультурного согласия в полиэтническом социуме продолжают оставаться актуальными. Конференция, предполагающая обсуждение названных проблем в рамках школы видного отечественного философа и социолога, общественного и политического деятеля, организатора науки и образования А. И. Сухарева, — это замечательная возможность для социологического, философского, политологического сообщества обменяться опытом, презентовать научной общественности результаты своей работы и развить научные контакты в данном направлении.

Совместными усилиями участникам конференции, несомненно, удастся определить пути успешного решения стоящих перед нашим обществом задач, обсудить проблемы координации исследований в области регионологии.

От имени ученых Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан от всей души желаю успеха в этой важной и ценной работе!

Директор Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
академик АН РТ,
доктор исторических наук

Р. С. Хакимов

**Р а з д е л 1
ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
ПРОФЕССОРА А. И. СУХАРЕВА**

С. М. Вдовин
(г. Саранск)

**ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО
И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ А. И. СУХАРЕВА**

Доктор философских наук профессор Александр Иванович Сухарев относится к той плеяде людей, которых называют созидателями. Коллеги, соратники и ученики Александра Ивановича заслуженно считают его легендой и олицетворением целой эпохи, выдающейся личностью, с которой нам повезло вместе жить и работать.

Александр Иванович родился 12 октября 1931 г. в с. Белогорское Лямбирского района Мордовской АССР. Выходец из крестьянской семьи, он в полной мере познал тяжести военного и послевоенного «лихолетья».

Учился Александр Иванович в Саранской 1-й мужской средней школе. По свидетельству его одноклассников, уже в те годы он выделялся среди других учеников: был более собран, целеустремлен, серьезнее относился к учебе. В школьные годы увлекался лыжным спортом и гимнастикой. Будучи десятиклассником, стал победителем в первенстве республики по лыжному спорту в 10-километровой гонке.

В старших классах Александр Сухарев всерьез решал дилемму: по какой стезе идти — ядерной физики или социальной философии. Устранить колебания помог случай — в 1947 г. открылась всесоюзная философская дискуссия, которая широко освещалась в прессе. 16-летний школьник осмелился послать в Москву свой реферат. Этот реферат был первым публичным проблеском данного природой таланта ученого, который с годами обещал принести замечательные плоды. Сухарев поступил на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

После окончания университета по путевке московской партийной организации в числе «тридцатитысячников» он оказался на Орловщине, возглавил отстающий колхоз «Прогресс» Хотынецкого района. Под его началом колхоз добился значительных успехов. Через три года Александра Ивановича избрали секретарем Хотынецкого райкома партии, а еще через два года направили на учебу в Москву, в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию.

После академии Сухареву предложили важную и ответственную должность в центральном аппарате партии, но перспектива превратиться в большого аппаратного чиновника его не прельстила. Александр Иванович вернулся в Орел, где в то время в местном педагогическом институте формировалась кафедра научного коммунизма. Он возглавил ее. Высокий интеллект, преподавательский динамизм Сухарева сразу почувствовали коллеги и студенты.

В 1967 г. траектория жизни Сухарева вновь пересеклась с Мордовией: сначала он доцент, потом заведующий кафедрой научного коммунизма университета, а в 1969 г. становится ректором Мордовского государственного университета. С первых дней ректорства Александр Иванович проявил себя как теоретик и практик, «генератор» идей и их реализатор. Опираясь на традиции своего предшественника Г. Я. Меркушкина, он выдвигает политехническую модель университета. Она позволяла оперативно реагировать на весь комплекс потребностей материального и духовного производства республики. Новые заводы, стройтресты, школы, профтехучилища и техникумы ощущали «нехватку» специалистов. И университет, как неиссякаемый источник, ежегодно вводил в народное хозяйство, образование, науку, культуру агрономов и строителей, светотехников и химиков, математиков и историков, врачей и филологов и медленно, но верно сокращал «импорт» в республику тех специалистов, которых раньше приходилось готовить в Москве, Ленинграде, Казани, Ульяновске, Пензе.

Ректорство Сухарева — два десятилетия активного роста. За эти годы университет добился значительных результатов в повышении качества подготовки специалистов, совершенствовании учебного процесса, улучшении воспитания студенческой молодежи, развитии актуальных научных исследований. Вуз установил связи с учебными заведениями страны и зарубежья. По его инициативе в 1970 г. ему присваивается имя Н. П. Огарева.

Огромное значение имело формирование профессорско-преподавательского состава, а также совершенствование научно-педагогических кадров для того, чтобы они могли обеспечить высокий уровень общетеоретической и профессиональной подготовки спе-

циалистов. Число докторов и кандидатов наук, профессоров, доцентов с 1969 по 1991 г. увеличилось в 3 раза. С середины 1970-х гг. в вузе начинается подготовка собственных научно-педагогических кадров.

Но «венец» всему — материально-техническая база университета, созданная практически с нуля. Александр Иванович строил вуз в буквальном смысле слова: открывались новые факультеты, возводились новые корпуса, общежития, жилье для преподавателей и аспирантов. В структуру университета вошли издательство с типографией, библиотека, Дом культуры, одиннадцать музеев, оркестр, футбольная команда и др. Уже не будучи ректором, он снова возвел в центре города корпус Института регионологии.

Александр Иванович Сухарев как организатор науки и образования в республике был непревзойденным лидером. Умение подчинять личные интересы интересам вуза и работы его отличало всегда. Всем он прививал работоспособность, энергичный и ответственный подход к любому делу. Любой вопрос был на контроле у ректора: учебный процесс, строительство корпусов и общежитий, внеучебная деятельность, социальное обеспечение преподавателей, сотрудников и студентов университета.

Весьма значителен его вклад в развитие социального знания в Мордовии. Становление профессиональной социологии в республике связано именно с его именем, когда в 1968 г. при кафедре научного коммунизма была создана лаборатория социально-экономических исследований. В период 1960—1970-х гг. в республике под руководством А. И. Сухарева развивалась «заводская социология»: на предприятиях были созданы и активно функционировали лаборатории социально-экономических или социально-психологических исследований трудовых коллективов.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. начался процесс интеграции различных направлений региональных исследований, результатом которого явилось рождение нового направления — регионологии. Родоначальником этого термина является А. И. Сухарев. Им была проведена огромная разъяснительная и организационная работа, в результате которой в 1991 г. создан НИИ регионологии. Под руководством Александра Ивановича специалисты НИИ разработали десятки программ социального-экономического, политического и культурного развития региона, одна из них стала настоящим «спасением» для республики в тяжелые 1990-е гг. Это была Программа социально-экономического развития Республики Мордовия на 1996—2000 гг. Она послужила основой для разработки аналогичных схем по всей стране.

Следует отметить, что Александр Иванович был видным общественным и политическим деятелем республиканского и российского уровней. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета МАССР, Государственного Собрания Республики Мордовия, несколько лет был Председателем Политсовета регионального отделения партии «Единая Россия».

При всей своей загруженности Сухарев всегда вел активную преподавательскую и творческую деятельность. Он был главным редактором журнала «Регионология», заведующим кафедрой социологии, председателем диссертационного совета. Четкая логика изложения, интеллект, отточенные формулировки превращали любое общение со слушателями в блестящий монолог о проблемах развития общества, личности. На его лекциях невозможно было скучать, настолько увлекательными, со множеством примеров из жизни и практики социолога они были. Более того, он заставлял слушателей думать, анализировать, делать выводы.

Вся жизнь Александра Ивановича была связана с молодым поколением. Он всегда близко и всерьез воспринимал проблемы молодежи, старался помочь и словом, и делом, стремился к тому, чтобы молодой специалист мог максимально раскрыть способности. Он был удивительным человеком. Казалось, что после общения с ним любой был способен «своротить гору». Личным примером он настраивал на упорство, энергичность, дисциплину и оптимизм в достижении целей.

Сейчас, пожалуй, уже невозможно назвать точное количество кандидатских и докторских диссертаций, успешно защищенных под его научным руководством. Для аспирантов и молодых ученых Александр Иванович Сухарев был руководителем с большой буквы. Он не только помогал им в работе над проектами и диссертациями, но и вводил их в сферу научной работы, где представлял высокую степень самостоятельности. При этом в нем не было назидательного пафоса. Юмор, с которым он встречал идеи учеников, помогал раскрепоститься и поверить в свои силы. Александр Иванович обладал особой аурой, харизмой, которая зажигала и других. Он был открыт новым идеям, даже тем, которые ему, как человеку советской эпохи, сначала казались чрезмерно острыми и запретными. Он всегда старался узнать от молодежи что-то новое, и этот интерес был для аспирантов и соискателей, делающих первые шаги в науке, немалым стимулом.

Об этой масштабной, сложной, иногда противоречивой личности можно говорить бесконечно. Все мы — люди своей эпохи. И очень редко встречается человек-эпоха. Александр Иванович, несомненно, из таких.

А. А. Гагаев, П. А. Гагаев
(г. Саранск)

ЖИЗНЬ КАК ДОЛГ: АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ

I. За что нужно оценивать человека?! Не за то, что он делал плохо, а за то, что остается после него и продолжает жить, само воспроизводя новую жизнь.

Жизнь человеческая скоротечна, и не многие успевают в ней сделать нечто такое, что переживает нас.

Александр Иванович Сухарев сумел сделать то, что, во-первых, имеет чисто материальную жизнь — это и развитие Мордовского университета, и организация культурного процесса в Мордовии, оказав влияние именно на весь мордовский народ через ту интеллигенцию, которую он готовил как учитель и ректор, и это воспроизводит уже само себя; во-вторых, повлиял на ум и чувства людей, молодежи, с которыми вместе работал на благо русского народа, воспитания и образования в России. Он был русским государственным человеком со своими достоинствами и недостатками.

II. Характер А. И. Сухарева.

1. В своем метафизическом характере Сухарев мыслил всеобщим образом, сообразно всеобщему, но вероятностному закону, умея специфицировать всеобщее в особенное и единичное в рабочих ситуациях. Особенное он понимал как качество, как пространственно-временную характеристику, определенное количество, траекторию и направление движения, как комплекс уникальных свойств, отношений, функций. Но сам вероятностный закон мыслился в кондициональной форме, как совокупность условия для практического действия.

2. Эмпирический характер А. И. Сухарева предполагал:

- а) вероятностную модель закона;
- б) его долг и ответственность, Решение;
- в) создание оргмоделей действия, конструктивное отношение к миру;
- г) отношение совместимости, выводимости, следования;
- д) волю и способность к необходимому изменению Решения.

В своем эмпирическом характере А. И. Сухарев был децизионист — человек волевого Решения и его выполнения, организует людей на выполнение Решения. Недостаток русского человека — неопределенность в решении и неспособность довести его до конца. А. И. Сухарев всегда доводил свои решения до результата.

3. Приобретенный характер. В своем приобретенном характере Сухарев умел руководствоваться прагматической и инструментальной моделью истины, в целом исходя из классической модели истины Аристотеля, умел быть необходимо компромиссен и отделять себя от тех, кто не способен был к Делу.

4. Теологический характер. Вера состоит не в акте принятия религии, а в акте выполнения заповедей и долга, в служении своему народу и человечеству. Пожалуй, Александр Иванович имел характер апостола Иакова — имел нормативную ориентацию в организации жизни, прежде всего авторитет, дисциплину, быстроту, надежность и удовольствие в деле, руководстве, творчестве.

5.1. Культурно-типический русский характер. А. И. Сухарев стремился совместить, вывести, промоделировать следование всеобщих и частных суждений, имея интенцию к антиномичной логике, но особенное он все же понимал дедуктивно — как спецификацию всеобщего, а единичное — как дополнение всеобщего закона. Тем не менее именно интенция к определению частным общего и воплотилась в его модели региональной социологии.

5.2. Моральный характер. Жизнь А. И. Сухарева — «Жизнь как долг» и ответственность, один порыв, так как он свой долг понимал, и он служил не власти, а именно Традиции русского образования при любых формах власти, умея реализовывать истину образования и воспитания при любых условиях и любой мере невежества и «тупости» российской власти. У Сухарева, сотрудничавшего с властью, был плод его оправдания — развиваемый и создаваемый им европейский по качеству русско-мордовский университет. Поэтому я всем, кто бросает камень в недостатки Александра Ивановича Сухарева или его ошибки, которые, конечно, были, скажу так: «Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф. 3:85).

Ответственность ректора:

а) за судьбу детей, помня, что мозг актуализирует лишь 4 % нейронов, а остальные — нет; задача университета в том и состоит, чтобы задействовать оставшиеся 96 % и из детей «сформировать» таланты!

б) за развитие способностей расы и этноса в соответствующем качестве и количестве изучаемых наук, их программ синтетического характера;

в) за развитие способностей особенных этносов, в частности угро-финских — мокши и эрзи, развитие которых в форме бакалавриата прекращается, ибо свертываются теоретические дисциплины и нарушено необходимое соотношение между естественными

и техническими, техническими и естественными, гуманитарными и социальными науками. Открытия делает не химик, не физик, не математик, а целостная этнокультурная личность!

5.3. Социальный характер. А. И. Сухарев был советским коммунистическим коллективистским человеком. Его модель мотивации жизни: общее благо образования русского советского народа, общее благо коллектива университета, государственный интерес, личное управленческое творчество как часть дела государства. Он принадлежал к человеку-победителю — советскому человеку и коммунисту.

5.4. Масочный характер. Во-первых, Александр Иванович никаких особенных масок не имел, он имел простую суть — быть человеком долга в том деле, которое он делал всю жизнь — организовывал образование и науку в Мордовии. Во-вторых, Сухарев имел маску нормы адаптации к власти, которая невежественно вмешивалась в процесс образования и воспитания, осуществляя развитие университета.

5.5. Греховный характер. Конечно, никто не благ. И мы все совершаем свои грехи, свои ошибки. Но он принадлежал к людям, которые умели учиться на своих ошибках и более их не повторять. Именно поэтому эффективность его труда и творчества в его жизни только нарастала.

III. Мессианская роль, миссия, целевая функция, судьба и предназначение А. И. Сухарева в истории.

1. Мессианскую роль Сухарев осуществлял через формирование поколения ученых и профессоров университета, подбор кадров, а также формирование коллективного европейского научно-исследовательского мышления в университете и мордовском этносе, осуществлял своего рода культурную закваску, которая в дальнейшем начала сама себя воспроизводить как уровень культуры в Мордовии. Эта работа А. И. Сухарева была незаметна, но принесла свои плоды в современности.

Александр Иванович стремился готовить молодых кандидатов и докторов наук в возрасте до 30 лет, которые получали научные степени в Московском государственном университете совместно с Мордовским университетом. Сейчас, к сожалению, большинство кандидатов и докторов наук готовится внутри своего университета, не получая необходимого глобального образования. Средний возраст кандидатов наук в России — 52 года, докторов — 63 года. А между тем научные открытия и изобретения делаются в возрасте 20—30 лет.

В университете подготовлены такие прекрасные глубокие ученые, как В. Писачкин, М. Романов, С. Полутин.

2. Миссия А. И. Сухарева. Александр Иванович — основатель социологического движения и развития мордовской школы региональной социологии или типично русского направления науки, в котором взгляд именно из особенности стремится определить всеобщую форму научной истины. И это самовоспроизводящая система в рамках возникшей и функционирующей научно-исследовательской традиции Совета по защите диссертаций.

3. Целевая функция жизни А. И. Сухарева. Суть ее — организация университетской формы жизни и превращение университета и кадров, которые он готовит, в субъект культурной жизни Мордовии в целом. Суть ее — типично русский подход — комплексный подход к синтезу наук и интенция к развитию этнокультурной модели как университета, так и воспитания и образования, науки. Хотя эта вторая сторона его целевой функции не реализована. Тем не менее возникло направление в науке, которое именно я и осуществляю, — этнокультурная модель науки, образования вообще, математики, естественных наук, философии, технических, гуманитарных, социальных наук, искусства и религии. Придет время, и это направление в науке будет основным в мире.

Университет в естественно-научном смысле.

Флуктуация разума, психофизиологии, институциональных структур и эмоциональной конституции расы, этноса или случайность немарковского типа, в которой эволюция функции плотности вероятности распределения случайной координаты зависит и от закона эволюции, и от особенности случайности, которая есть информация о предыдущем состоянии случайного процесса; это форма памяти или последствие случайного процесса в законе эволюции, зависящая от выделенного пространства-времени.

Университет — уникальный индивидуальный естественный организм.

Университет есть рефлексия этнорасового человека в своем самопознании и самоформировании, совершенствовании.

Университет имеет свой расово-этнокультурный закон эволюции, содержащий большие числа как безразмерные комбинации микробиопсихофизиологических и макросоциальных параметров развития рас и этносов в выделенном пространстве-времени. В этом смысле вуз есть движущаяся память и изменение в Традиции по ее сохранению, продолжению и развитию.

Университет — индивидуальный самоорганизующийся организм, исключающий детерминизм и обосновывающий тип действия по истине и свободе, справедливости.

Университет есть форма полидиалога расы и этноса с собой, материей и миром, проводящая отождествления и различения.

Университет — коллективный акцептор действия расы и этноса, формулируя цели будущего из которого определяется настоящее, прежде всего цель расширенного воспроизводства расы и этноса.

Университет эволюционирует согласно циклам развития расы и этноса, НТП, экономики, вызывая регенерацию разума и эмоциональной конституции, порождая циклы регенерации рас и этносов, форм жизни.

Университет есть форма тектологии и праксиологии разумного, здравомыслящего коллективно-личного действия расы и этноса, отрицающего агрессию и насилие.

Понятие университета как социального организма.

Университет — юридическое лицо, а не корпорация, имеющая целью прибыль. Если цель университета — прибыль, то это приводит к деградации функций воспитания, образования, научных открытий и изобретений.

Университет — учреждение, имеющее целью воспитание и образование, научные открытия и изобретения; это сословие сильнейших выпускников своего народа; рефлексия познания истины и справедливости; организация системы наук (теоретических, фундаментальных, эмпирических, прикладных, разработочных); самоорганизующаяся система; коллектив, в котором осуществляется идентификация и идентичность людей с научным и профессиональным творчеством, расой и этносом с целью развития своих способностей и инновации, обсуждения проблем жизни, развития способностей научного и коллективного действия в традиции.

В университете, как и в обществе, республике, необходимо до 70 % финансирования направлять в гуманитарные науки, а 30 % — в естественные и технические. В области естественных и технических наук 70 % средств следует направлять в теоретические, а 30 % — в технические.

В реальности 70 % получают технические науки, 17 % — теоретические. Финансирование естественных и технических наук осуществляется в размере 70 %, сельскохозяйственных — лишь 2 %, медицинских — 2 %, социальных — 2 %, гуманитарных — меньше 2 %.

4. Судьба А. И. Сухарева. Быть учителем — судьба А. И. Сухарева. «Лишь тот, кто хранит тепло древности и открывает новое, способен быть учителем»¹. Именно это учение воспринимали студенты — «аромат» традиции философии и творчества, в том числе Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, А. Богданова и т. п., они учились искать новое, дерзать и бороться. Александр Иванович был учителем, который любил своего ближнего и помогал (насколько мог)

всякому творческому человеку. Как А. И. Сухарев был требователен к себе, так он был требователен и к другим и ненавидел бездельников. Сухарев видел, как разрушается в конце XX — начале XXI в. система образования в России, необратимо деградируя в «дикий» программе бакалавриата.

5. Предназначение А. И. Сухарева. Александр Иванович умел вести диалог с властью и в любых условиях развивал и совершенствовал систему воспитания и образования. Власти и идеологии приходят и уходят, но общее служение русскому воспитанию и образованию, развитию русского и мордовского народов должно быть абсолютным. Это основной урок жизни А. И. Сухарева для всех, кому пришлось с ним вместе работать и творить!

IV. Проблема факторов динамики открытий и изобретений университета.

Относительно открытий и изобретений в МГУ им. Н. П. Огарева следует отметить следующее.

А. Интернальные параметры.

1. Невозможно административными методами открывать и изобретать. Процесс открытий и изобретений — естественный биолого-социальный не формализуемый процесс стохастического характера, который осуществляет класс инноваторов и идеационального типа личность.

Необходимо формирование: а) класса инноваторов-бизнесменов, как это справедливо отмечает И. Шумпетер. Без них — изобретателей и организаторов наукоемкого бизнеса — открытий и изобретений и НТП не может быть; б) класса открывателей и изобретателей. Психология класса открывателей и изобретателей: скепсис, димензиальная психология, преодоление инерции терминов, содержательно-открывающие силлогизмы, мыслительный эксперимент, литературный язык, модель мотивации (истина, новизна, сомнение, алиенативность), досуг и свободное время.

2. Необходимо формирование среднего класса, а также создание системы, которая может финансировать венчурный бизнес. Но ни этого слоя, ни венчурного бизнеса в России, Мордовии и в университете нет.

3. Возраст открывающих и изобретающих — 20—30 лет. Именно в этом возрасте в основном люди активны и делают открытия, изобретения. В РФ средний возраст кандидатов наук — 53 года, докторов наук — 62. Средний возраст группы — 59 лет. Люди в этом возрасте не могут быть активными и делать открытия, изобретения.

В университете средний возраст кандидатов наук — 44 года, докторов — 55 лет. Средний возраст группы — 49 лет. Эти

люди не могут делать открытия и изобретения по ограничению возраста.

4. Необходимо статусное положение тех, кто делает открытия и изобретения. Статус кандидатов и докторов наук рассогласован у 67 % кандидатов и 50—70 % докторов наук.

Ученые не имеют доступа к власти и ресурсам, а также не могут влиять на принятие решений, то есть в производственной функции не соединяются научная и рабочая сила и капитал.

5. Выделение денежных средств не оптимально в соотношении естественно-технических и гуманитарных наук; преобладает финансирование первых, а вторых — почти нулевое, хотя вторые являются вложением в человеческий капитал.

Финансирование теоретических (60 %) и эмпирических (40 %) дисциплин обусловило масштаб и максимум научных открытий нобелевского уровня к началу XX в. — 1920 г., а сокращение вложений до 53 % — это уже форма деградации, вызывавшая снижение масштаба и числа открытий во второй половине — конце XX столетия!

Аналогично, вероятно, в условиях отсутствия специализированного знания доля вложений в гуманитарные науки в XIX в. составляла до 60 %, а в естественные и технические — 40 %, поэтому в этот период активно формировался открывающий человек.

Д. И. Менделеев отмечал, что по окончании гимназии 5 из 10 человек становились учеными, а по окончании специализированных учебных заведений — уже только 1. СССР, вероятно, тратил на теоретические дисциплины до 70 % средств, на технические — до 30 %, гуманитарные — до 70 %, естественные и технические — до 30 %, поэтому и повторил 80 % мирового объема научных открытий, делая до 10 % открытий в год.

Современная Россия проводит ошибочную научную и образовательную политику: до 90 % средств поступает в технические дисциплины, ничтожно мало (не более 10 %) — в теоретические. Аналогичная ситуация складывается и в соотношении естественных, технических и гуманитарных наук. В гуманитарных науках объем финансирования составляет не более 10 %, в технических — 70 %.

В 1997 г. 73 % ассигнований приходилось на технические науки, 18,5 % — на естественные, 2,6 % — сельскохозяйственные, 2,6 % — медицинские, 2,1 % — общественные, 1,8 % — гуманитарные. Доля вложений РФ в философию — 3,4 %, а США — 50 %².

Итог — 2,5 % мирового объема научных открытий в год!

Д. Белл справедливо отмечает, что именно развитие теоретических, фундаментальных наук открывает новые онтологии, реальности, которые и осваиваются прикладными, разработочными и эмпирическими науками.

Неграмотное руководство наукой и образованием в РФ со стороны правительства, учитывая реформы в образовании и «дику» политику концентрации науки и университетов, приведет к «коллапсу» российской этнической науки.

Для того чтобы делать открытия, надо сформировать открывающего человека, то есть необходимо значительное увеличение финансирования: а) в гуманитарные и социальные науки, б) теоретические науки, а также изменение соотношения вложений в технические и гуманитарные, социальные и теоретические науки в пользу последних — лишь тогда начнет расти число открытий.

Открытия делают не институты и не деньги, а открывающий человек, но именно его современная власть «убила» и изгоняет из страны, поэтому подлинные ученые, такие как А. Гейм, К. Новоселов, Г. Перельман, работать в России не будут.

6. В Российской Федерации все внимание сосредоточено на прикладных и разработочных знаниях, а теоретическая и фундаментальная наука не развивается.

7. Смешивается понятие университета как корпорации (прибыльность) и учреждения (услуга образования и воспитания), отсюда уровень требований, который предполагает, что корпорация не свертывает образовательно-воспитательную деятельность, а учреждение не осуществляет эту деятельность, которая становится непосильной и вторичной. Статус учреждения, а не корпорации предполагает, что университет развивает теоретическую и фундаментальную науку, а эмпирическая, прикладная и разработочная наука сосредоточивается в фирмах, имеющих свои научно-исследовательские системы, и в венчурном капитале. Так формируется разделение труда между университетами, венчурным капиталом и фирмами.

Статус учреждения предполагает и независимость университета от власти — местной и центральной, их невмешательство и нецентрализованность определения образовательных и научных программ. Централизация в этой области ведет к деградации университета.

8. Утрачена этнокультурность творчества и специализация в мировом и российском научном разделении труда.

9. Нет подготовки кадров в университетах Москвы и мира. «Коренизация» кадров снижает качество подготовки ученых. 25 % из них следует подготавливать в местных советах, 50 % — в про-

фильных институтах, 25 % — в ведущих университетах мира. Необходим обмен кадрами (преподавателями с ученой степенью) с другими университетами (до 25 %), а также систематическое обучение значительной части студентов Мордовии как в ведущих российских, так и зарубежных университетах, и на это должны быть ассигнованы необходимые средства.

В XIX в. кадровый состав университета состоял в основном из мужчин, в XX в. увеличилась доля женщин. Все образование — и начальное, и высшее — более женская отрасль с руководством из мужчин. Однако в высшей школе, вероятно, имеется небольшое преобладание численности мужчин. У женщин-ученых, имеющих детей и семью, рабочий день в неделю на 48 часов больше, чем у мужчин. Поэтому от них, естественно, отдача в области науки будет меньше, чем от мужчин.

10. Нет доступа к реферируемой литературе и научной коммуникации, публикациям. Интернет не заменяет живого общения ученых.

11. Несмотря на то, что после защиты диссертации человеку присваивается степень кандидата или доктора наук, уровень его работы исключает качество быть ученым. Поэтому когда говорят о молодых ученых — кандидатах наук до 35 лет и докторам наук до 40 лет, этот критерий даже не вводят. К тому же требования ВАКа к диссертациям в реальности не научны, а бюрократичны, поэтому такие ученые, как М. Хайдеггер, М. Вебер или К. Юнг, в нашей стране не смогли бы защитить даже степень кандидата наук.

12. Само открытие не понимается как открытие в теоретических дисциплинах, а изобретение — только как технико-технологическая интерпретация теоретического принципа.

Это свертывает научно-исследовательскую квалификацию и активность, ибо ученые, работающие в прикладных науках, оказываются неграмотными в теоретических и фундаментальных дисциплинах и поэтому не могут делать изобретения. Университет должен делать открытия из первых принципов, а прикладная наука их интерпретирует технико-технологически.

13. Структура корпораций не содержит внутри себя науку и не формулирует реальной потребности в науке в условиях инсайдерской формы частной собственности. Современная форма частной собственности противоречит науке.

Производственная функция должна иметь вид:

$$Y = ANIK^{\alpha}L^{\beta},$$

в ней I — избыточная информация, но не излишняя, которая не входит в суть дела — изобретение и открытие; Y — валовой про-

дукт фирмы; A — форма собственности, предполагающая аутсайдерскую форму, а не инсайдерскую, как в России, и венчурный капитал, система прав собственности, адекватных НТП, открытие и изобретению; N — изобретатель и открыватель, вместе с тем бизнесмен, создающий оргфункцию и изменяющий структуру корпорации согласно НТП и рыночной ситуации; K — капитал; L — дорогая рабочая сила (квалификация, а не дешевая, как в России); α — рост K для увеличения на 1 % прибыли, β — рост квалификации и численности сложной дорогой рабочей силы для увеличения на 1 % прибыли.

В России собственность в основном инсайдерская, капитал не финансирует долгосрочным образом, отсутствует венчурный капитал, нет изобретателей-бизнесменов, таких как Б. Гейтс и С. Джобс, рабочая сила — дешевая, а не дорогая и не квалифицированная.

В условиях дешевой рабочей силы фирмы не нуждаются в НТП, ибо решают проблему прибыли путем увеличения ее нормы, а также нормы эксплуатации, роста цен и монополизации, удешевляя рабочую силу еще больше, особенно в условиях кризиса, добиваясь роста прибыли.

Этому же способствует инсайдерская собственность и отсутствие множества собственников, замещаемых одним лицом, владеющим контрольным пакетом.

14. Необходим подход в воспитании и образовании с позиций избыточной информации, которая создает простор для творчества, а также потенциал открытий и изобретений.

Избыточность — это не излишняя информация, а та информация, например у математика из области логики или физики, которая создает разнообразие, порождающее творчество в математике, преодолевая его специализацию, то же относится к физическому, имеющему избыточную математическую информацию. Избыточность информации создает инновационную бизнес-активность. Так готовили кадры в СССР, так их готовили и в XIX в.

Избыточная информация — та, которая не относится к профессии и специальности, но входит в суть дела открытия и изобретения естественных тел, которые не подпадают под понятие специализированных объектов и предметов познания, изменяя результат, форму и содержание деятельности. Излишняя информация — узкоспециализированная информация, увеличение которой слабо влияет на точность принимаемого решения и не влияет на вероятность изменений в сути дела в положительном или отрицательном смысле.

В условиях избыточной информации открытия и изобретения делаются из первых принципов, а не путем интерпретации.

15. Отсутствует соответствующий тип научной культуры как субъект инновационного мотивирования деятельности творчества. Эти вышеперечисленные параметры в субстанции расово-этнокультурного космо-психо-логоса и ментальности и есть инновационная культура.

В этой культуре в истории ни один параметр не исчезает, но все они флуктуируют, обеспечивая взаимодействие и развитие.

МГУ им. Н. П. Огарева не удовлетворяет этим факторам.

Во-первых, мы не имеем ученых, способных делать открытия. Во-вторых, необходима политика (и она проводится) по кардинальной смене кадрового корпуса, подготовке именно ученых, которые способны делать открытия, но эта деятельность должна сопровождаться проведением политики согласования, а не рассогласования статусов ученых.

Б. Экстерналильные параметры.

1. Социальные отношения основаны на исключении ученых из доступа к власти, ресурсам, статусу в обществе, излишне заорганизованы общие отношения.

2. Форма собственности не содержит необходимой формы венчурного капитала и разделения труда между университетом, фирмой и венчурным капиталом. Необходимо аутсайдерская, а не инсайдерская форма собственности. Нет необходимой производственной функции формы $Y = ANIK^{\alpha}L^{\beta}$.

3. Рост в мере революционной активности заставляет капитал отказываться от повышения нормы эксплуатации и нормы прибыли, но увеличивать вложения в науку и открытия для сокращения переменного капитала и экономии на нем. В XX в. капитал увеличивает норму прибыли и эксплуатации, но не вкладывается необходимым образом в науку, образование, открытия и изобретения.

4. Мера госконтроля и самостоятельности фирм и общества. Отношение свободы, «laissez faire, laissez passer» (позволяй делать, что хочешь, иди, куда хочешь).

5.1. Подотчетность власти народу, политическая стабильность. Эффективность правительства, госрегулирование экономики, законность, криминалитет.

5.2. Воспроизводственная модель нарушает аксиомы формы жизни в Евразии.

5.3. Нет цели демографического развития и развития личности, ее способностей, свободы. $S = \frac{\sum B}{\sum \Pi}$, где S — свобода, B — возможности развития способностей и рост производительности труда, Π — система потребностей этноса и расы³.

5.4. Циклы деградации интернально-экстерналильных начал культуры, открывающего человека.

5.5. Аккультурация, рецепция в мере и культурно-типическая реторсия.

Необходимое условие открытий и изобретений — производственная функция, которая предполагает наличие класса инноваторов и венчурного капитала. Достаточным условием является класс инноваторов и их молодость, психология; условием развития — наличие избыточной энергии и информации расы и этноса; граничным условием — высокий статус ученых и тех, кто делает открытия и изобретения, а начальным условием — вербальный интеллект, литературный язык и этнокультурная национальная модель воспитания и образования.

В. А. И. Сухарев не был тварью, он был творцом Русской образовательной истории, русско-мордовской Традиции образования и жизни!

Возможно, душа Александра Ивановича, которая смотрит на нас, говорит нам: «Я сделал всё, что мог, кто может — пусть сделает лучше».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Айер, А. Дж. Язык, истина и логика / А. Дж. Айер. — М.: Канон, 2010. — С. 131.

² См.: Маршакова-Шайкевич, И. В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук / И. В. Маршакова-Шайкевич // Вopr. философии. — 2000. — № 8. — С. 139—150.

³ См.: Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с.

И. В. Капитонов
(г. Саранск)

СЛОВО О СУХАРЕВЕ

История современной России очень коротка — двадцать лет. И в последние годы советской власти, и в первые годы существования Российской Федерации мы старались определить для себя наиболее лучшую и перспективную модель развития: пытались опираться на американскую модель, на европейскую; потом нашли «панацею» — аргентинскую модель развития. Вот идеал, вот образец для подражания. Однако в Аргентине разразился мощнейший кризис раньше, чем мы полностью перестроили нашу экономику по «лекалам» этой южноамериканской страны. Опирайтесь всегда нужно на свой исторический опыт, учитывать специфику

национального характера и отличительные черты, свойственные русскому народу.

Одной из важнейших отличительных особенностей русского народа, его культуры, исторического пути является, как ни странно, высшее образование, точнее, очень короткий исторический период его существования.

Все мы хорошо знаем самый старый вуз России — Московский университет им. М. В. Ломоносова. Он был основан в 1755 г. На самом деле первый университет в России был создан еще при Петре I. В 1724 г. в Санкт-Петербурге была открыта Академия наук, а при ней — университет. Но существовал он недолго и через несколько лет закрылся по удивительной причине — не было желающих учиться. Общественная мораль того времени относилась к образованию негативно. Чтобы вырвать отрока из семьи, отправить его учиться в Санкт-Петербург или за границу, чаще всего нужно было применить силу. Поэтому в Московском университете, единственном в стране, десятилетиями учились 40—60 человек, то есть в год на всю страну выпускались 15—20 человек с высшим образованием.

В 1802 г. Александр I провел очередную реформу и создал министерства как центральные органы исполнительной власти. Однако уровень грамотности многих чиновников значительно снизился. Поэтому в 1809 г. вышло два императорских указа, согласно которым ни один чиновник не мог подняться выше восьмого класса, не имея высшего образования, а именно с него начинались «хлебные» должности. Именно в это время население «повернулось лицом» к высшему образованию. И если мы отметим, что интерес в российском обществе к высшему образованию проявился благодаря государственной «дубине», то мы будем недалеко от истины.

Высшее образование в России стало играть заметную роль только с 40-х гг. XIX в., когда в стране открылись 20 университетов и 40 специализированных институтов. Но даже в это время высшее образование в России имело свою специфику, например, в университетах не читали философию, а большая часть учебной нагрузки была посвящена маршировке.

Таким образом, высшее образование в России в заметном масштабе появилось в середине XIX в., в то время как в Европе уже в XII—XIII вв. функционировали университеты и академии. Шестьсот-семьсот лет разницы — «чудовищное» преимущество в формировании управленческой, научной элиты общества, культурного пространства государства. Далее произошли еще более удивительные и одновременно более страшные события.

Для формирования элиты общества нужны столетия целенаправленной работы в этом направлении. В России не оказалось в распоряжении и ста лет.

Только к началу XX в. в стране образовался тонкий слой элиты, который был уничтожен событиями, последовавшими за Октябрьской революцией 1917 г. Кто-то погиб в годы Гражданской войны, кто-то — в период репрессий, кто-то эмигрировал, а кто-то «спрятался» так, что было уже не до раскрытия своего потенциала. Главное — выжить.

Советская власть одной из основных задач видела формирование пролетарской интеллигенции и практически сразу после Гражданской войны делала осмысленные шаги в этом направлении. В русле данной политики лежит и открытие в 1931 г. в недавно сформированной Мордовской автономной республике аграрно-педагогического института, ныне — МГУ им. Н. П. Огарева.

Роль Мордовского государственного университета в формировании национальной элиты переоценить невозможно. Как невозможно переоценить и вклад Александра Ивановича Сухарева в развитие университета. Именно при нем за двадцать лет его ректорства вуз поднялся на совершенно иной уровень развития: открывались новые специальности, кафедры, факультеты, строились административные, учебные корпуса, общежития.

То есть первый вклад — арифметический. Число студентов, выпускников существенно возросло. Именно при Сухареве Саранск можно было называть университетским городом.

Второй аспект вклада — качественный. Александр Иванович обладал удивительным даром — давать путевку в жизнь талантливейшей молодежи. Он всегда окружал себя людьми яркими, неординарными. Не случайно в стенах университета не только получили высшее образование, но и начали свою трудовую биографию Глава Республики Мордовия Николай Иванович Меркушкин, Председатель Правительства Владимир Дмитриевич Волков, Руководитель Администрации Главы Республики Мордовия Николай Сергеевич Крутов и другие руководители, представители управленческой элиты республики.

А. И. Сухарев довольно часто выступал на курсах повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. Слушателей он, как правило, не щадил. Перед главами сельских администраций он выступал как перед научным сообществом, или, по крайней мере, как перед аспирантами. Самое главное — они его понимали. Очень часто доводилось по окончании курсов слышать от них такие слова: «Спасибо большое за то, что дали возможность послушать самого Александра Ивановича Сухарева».

Такие слова дорогого стоят. При жизни Александр Иванович был легендой, таковой он для нас и останется — живой легендой, сыгравшей в жизни каждого из нас очень большую роль.

К сожалению, Александра Ивановича Сухарева нет с нами... Уходит удивительная генерация советских людей. Людей, кто в своей жизни всегда отдавал приоритет общественным интересам.

В его кабинете, на журнальном столике стояла скульптура Дон Кихота. Александр Иванович ассоциируется именно с ним, в лучшем значении этого образа. Созидатель и романтик, строитель и философ, положивший всю свою жизнь на благо родины. Вспомним знаменитые слова Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что родина сделала для тебя? Спроси себя, что ты сделал для родины?»

Александр Ивановичу есть, что предъявить в виде аргумента на последний вопрос. Наша задача, в свою очередь, сохранить память о нем и передать ее потомкам.

Впереди много работы. Уверен, что она необходима и будет сделана.

Александр Иванович Сухарев был достойным человеком, он был примером для подражания, примером, полезным для души каждого из нас.

В. В. Козин, А. И. Пантюшин
(г. Саранск)

КАТЕГОРИЯ «ГАРМОНИЗАЦИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СУХАРЕВА

В различных классификациях теории социологии конфликта «гармония» рассматривалась как одно из *состояний* развития экономического, политического, социального и духовного процессов. Этап напряженности сменяет этап противостояния, за ним следует эскалация, сменяющаяся катастрофой, стагнацией, нормализацией и, наконец, гармонией отношений. Категория «состояние», в свою очередь, достаточно детально анализировалась в русле философского познания¹.

Конфликтологическая парадигма в социальном знании не была для А. И. Сухарева приемлемой. Он полагал, что «...гармоничность в целом является одним из свойств мироздания, истоком его функционирования и развития»². В этом контексте гармонизацию он рассматривал не как состояние, а как *процесс* согласования интересов. Неудивительно, что эта идея была им высказана в начале

1990-х гг. в условиях продолжающихся дезинтеграционных процессов, приведших к распаду СССР и угрожающих территориальной целостности России. Он полагал, что внимание к проблемам гармонии «обусловлено объективными потребностями перехода к „устойчивому развитию“ (весьма популярной в то время категории, оказавшейся впоследствии весьма уязвимой в практическом отношении. — В. К.), которое невозможно обеспечить на основах конфронтации и бесконечной цепи противостояния и конфликтов»³.

Первую половину 1990-х гг. образно можно оценить как «разгул демократии» и «демократическую вольницу». Какие-либо закономерности и логика были во многом не свойственны экономической и общественно-политической жизни страны. В этих условиях А. И. Сухарев полагал, что существует объективная потребность в общественном согласии между институтами гражданского общества, активно развивающимися в стране в этот период, а также ветвями и уровнями власти. Наглядным примером последнему являются кровавые события в Москве в октябре 1993 г. Шел сложный поиск форм и методов взаимодействия различных политических сил. Огромное значение в этом процессе А. И. Сухарев придавал подписанному в апреле 1994 г. Договору об общественном согласии как протоколу о намерениях политических сил России взаимодействовать в интересах народа и государства по преодолению кризисных явлений. К сожалению, договор так и остался «красивой декларацией», которую никто не собирався выполнять, и Сухарев это признавал, сетуя на упущенные возможности.

Рассматривая гармонию как соответствие, согласованность, стройность в сочетании интересов социальных групп, а конфликт как столкновение их противоположных интересов, А. И. Сухарев диалектически соотносил их в борьбе противоположностей. Однако он полагал, что действие этого закона распространяется лишь на системные объекты, представляющие органическую целостность, складывающуюся из устойчивого взаимодействия (структуры) сущностных компонентов (элементов), определяющих их природу.

Внутренним источником социального взаимодействия выступают интересы (осознанные потребности). Это объективно обусловленные, субъективно избираемые способы и методы получения благ, ценностей для удовлетворения материальных и духовных потребностей. Мир потребностей и интересов людей неисчерпаем. Различия в положении социальных групп, а вместе с тем и общность ряда их признаков в рамках социального пространства

(половозрастных, национальных, конфессиональных, профессиональных, квалификационных и т. д.) объективно порождают взаимодействие элементов общественной системы, их взаимодополнение (единство) и состязательность (борьбу). Поэтому диалектическое взаимодействие социальной системы, по мнению А. И. Сухарева, неправомерно сводить к дихотомии, хотя таковые можно обнаружить в любой системе, но не всегда они являются определяющими.

Во взаимодействии в рамках социальной системы участвует множество объектов, противоположные социальные группы и противостоят друг другу, и взаимодополняют друг друга (объективно делая свое существование оправданным). Это обуславливает не только их борьбу, конфликт, но и, по мнению Сухарева, единство, диалог и их социальное партнерство в реализации своих интересов. Это дало ему основание рассматривать «гармонию» и «конфликт» как диалектически неразрывные и взаимодействующие субстанции, являющиеся источником развития социума как системы.

Гармонизация не была для А. И. Сухарева в науке и жизни абстрактной категорией. Она была его кредо. Взаимодействие, диалог, поиск взаимоприемлемого решения, поиск истины, пусть иногда и относительной, всегда отличали этого человека. Его дискуссии о социальной структуре общества⁴, межнациональных отношениях⁵, становлении и развитии федерализма в стране⁶ и т. д. всегда осуществлялись в рамках диалога, причем часто Сухарев отводил себе в этом диалоге «пассивную» роль и, аккумулируя идеи, выясняя позиции сторон, учитывая их интересы (в научной, производственной, личной сферах), находил решение. Различные, иногда противоположные интересы оптимизировались им на базе всеобщего, учитывая единичное.

Основополагающей функцией региональной социологии он считал поиск моделей, вариантов гармонизации интересов в регионах и субъектах социальной структуры общества, поиск компромиссов на базе государственных политических документов, полагая, что именно гармонизация, а не борьба противоположностей и конфликты является наиболее релевантной моделью развития российского социума.

Весьма меткую, но по ряду позиций дискуссионную характеристику А. И. Сухареву дал А. А. Гагаев в контексте своей теории космо-психо-логоса: «А. И. Сухарев мыслит в классическом западническом рационализме. Он абсолютизирует закон непротиворечия: все, что противоречит всеобщему, центральному, установке — подлежит исключению. Вместе с тем в рамках социально-

политической данности как принципа А. И. Сухарев гибко использует принцип целесообразности и поиска середины, компромисса, где это возможно с позиций, опять-таки, только всеобщего, но не индивидуального и уникального. Он руководствуется принципом методологического коллективизма, субстрат которого представляет государственный заказ власти по обоснованию определенной государственной политики (социально-политический холлизм).

В целом А. И. Сухарев придерживается классической аристотелевской концепции истины как отражения, как соответствия понятий общественному бытию; неклассическое понятие истины ученому чуждо. Вместе с тем очевидно и то, что в рамках принципа целесообразности в качестве истины понимаются любые эффективные действия, которые позволяют достичь необходимого государственному органу результата»⁷.

Введенная в научный оборот А. И. Сухаревым категория «гармонизация» нашла свое закрепление в ряде нормативно-правовых документов федерального и регионального уровней, ей апеллируют ученые и публицисты, но она требует дальнейшей детальной теоретико-методологической разработки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Методологическая функция категории «состояние» в анализе социальных явлений: сб. / отв. ред. С. П. Спиридонов. — Горький, 1976. — 80 с.; Кемкин, В. И. Категория «состояние» в научном познании: моногр. / В. И. Кемкин. — М.: Высш. шк., 1983. — 120 с.

² Социология гармонизации общественных отношений / под общ. ред. А. И. Сухарева. — Саранск: НИИ регионологии, 1997. — С. 5.

³ Сухарев, А. И. Проблемы регионологии: сб. ст. / А. И. Сухарев. — Саранск: НИИ регионологии, 2001. — С. 41—42.

⁴ См.: Сухарев, А. И. Социальный облик Советской Мордовии: состояние, тенденции развития / А. И. Сухарев. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. — 192 с.

⁵ См.: Сухарев, А. И. Основы регионологии: сб. ст. / А. И. Сухарев. — Саранск: НИИ регионологии, 1996. — 120 с.

⁶ Там же. С. 15—25.

⁷ Гагаев, А. А. Жизнь как долг: космо-психо-логос Александра Ивановича Сухарева / А. А. Гагаев. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — С. 15—16.

В. В. Маркин
(г. Москва)

МНОГОУРОВНЕВЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Социально-территориальная и, в частности, региональная идентификация в России имеет свои особенности и предполагает специфические приемы изучения.

Прежде всего следует отметить различие социально-пространственной и региональной (социально-территориальной) идентификации. Первая предполагает идентичность в глобальном, цивилизационном, социально-структурном и социокультурном аспектах, которая лишь учитывает территориальный фактор. Вторая прямо и непосредственно отражает принадлежность индивида или определенной социальной общности к четко ограниченной территории в масштабах локального социально-территориального образования (поселения); регионального образования (в условиях России — субъекта Российской Федерации); макрорегионального образования (в условиях России — совокупности регионов, имеющих сходные природно-географические, социально-экономические, социокультурные и другие условия) с определенными регулятивными структурами (федеральный округ или ассоциации сотрудничества) и общества в целом (Российской Федерации).

Социально-территориальная идентификация является одним из важных видов социальной идентификации и предполагает самоопределение индивида в принадлежности к той или иной социально-территориальной общности. По сути, это самоопределение представляет собой когнитивно-аффективное выражение социально-территориальной принадлежности и ее позиционирование в форме соотношения индивида или группы с определенной территорией и социально-территориальной общностью. Исходная задача исследований состоит в том, чтобы выявить критерии и параметры сочетания или расхождения общероссийской, региональной и локальной идентичности с помощью социального моделирования.

Репрезентативные опросы, проведенные ИС РАН в 2009—2011 гг. в 27 регионах, показывают, что большинство респондентов в полной или значительной мере соотносят себя, выражают свою принадлежность ко всем уровням социально-территориальной организации российского общества. Пропорции этого самоотношения в среднем складываются по принадлежности:

- к российскому обществу в целом: 65—75 %,
- региональному сообществу: 55—65 %,
- местному (локальному): 70—75 %.

Отметим, что за последние годы значительно возросла общероссийская гражданская идентификация; в отдельных регионах до 90 % опрошенных указывают именно на эту идентификацию. Выше этих показателей — только этническая идентификация.

Сравнительно низкий уровень региональной идентификации объясняется подвижностью границ российских регионов, которые неоднократно пересматривались в ходе административно-территориальных реформ, вплоть до настоящего времени. Тем не менее региональная идентификация имеет важное научно-практическое значение, поскольку именно региональная (субфедеральная) структура является одним из главных «скрепов» России, а сами регионы выступают главным социально-пространственным узлом трансформации практически всех реформ и соответствующих процессов в экономической, политической и социальной сферах.

Поэтому, наряду с региональной идентификацией, при углубленном изучении массового сознания теоретическое и практическое значение имеет выявление региональной идентичности, выражающейся в соответствующих оценках экспертов.

В качестве основных критериев идентичности рассмотрены:

- генезис и основания регионообразования (исторические, политико-управленческие, социально-экономические, национально-этнические, природно-географические и др.);
- особенности качества жизни;
- ментальность регионального субсоциума;
- человеческий потенциал;
- инновационный вектор развития.

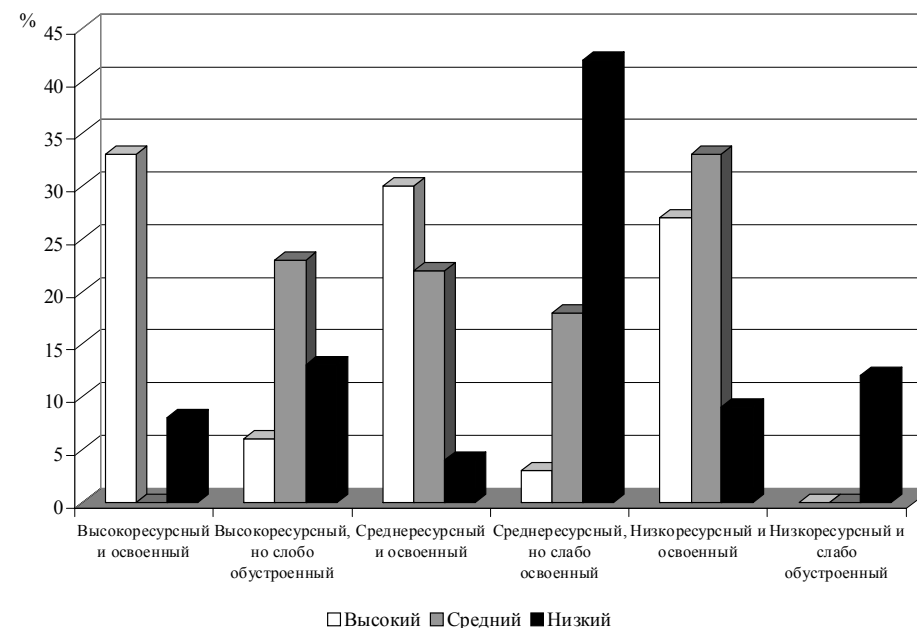
Социальное моделирование, используемое для изучения массового сознания и получения экспертных оценок, формализует идентичность, придавая ей качественную определенность и структурированность. Посредством моделирования также выявляется и устанавливается амбивалентность и подвижность региональной идентификации. Идентичность выступает как объект и результат моделирования в структурно-функциональном (структурно-факторном) и динамическом видах и через него может верифицироваться в качестве адекватных социальных (социологических) моделей регионов России.

Экспертные оценки выявили значение основных факторов регионообразования. На первое место эксперты поставили политико-управленческий фактор «в привязке» к оформлению своего региона в качестве субъекта РФ (по 10-балльной шкале; средний

балл — 8,8). На второе место вышли социально-экономические факторы (средний балл — 7,3). В региональных субъектах РФ национального характера (республиках и автономных округах) второе место также заняли национально-этнические факторы (средний балл — 7,2). Среди других значимых факторов эксперты выделяли исторические (6,3) и культурно-духовные (5,7). В то же время значительная часть экспертов указала на спонтанность образования региона (5,1).

В социальном моделировании региональная идентификация опирается на определенную типологию регионов. Отмечая важность ряда других подходов для типологии регионов, мы особо выделяем подход А. В. Зубаревича, который строится на основании ресурсности территории региона (в данном случае природно-сырьевой) и его социальной освоенности (обустроенности), включая развитость социальной инфраструктуры, уровень и качество жизни, удовлетворенность жизнью.

Данный подход в его расширенном виде накладывается на оценку уровня социально-экономического развития региона по каждому типу. На рисунке данная типология представлена в экспертных оценках в зависимости от оценки уровня развития.

Р и с. Типы регионов в зависимости от уровня развития (экспертное мнение)

Из рисунка видно, что большинство экспертов отнесли свои регионы к среднересурсным, но слабо обустроенным (особенно это связывается с низкой оценкой развития региона); и низкоресурсным, но достаточно освоенным (обустроенным), в которых и общий уровень развития оценивается достаточно высоко или средне. Другими словами, проблема социальной освоенности (обустроенности) региона является значимой для всех (в том числе высокоресурсных), однако ее решение требует общегосударственной региональной политики с учетом типа и уровня развития региона.

В. П. Миничкина
(г. Саранск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ А. И. СУХАРЕВА К ПРОГРАММИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Проработав много лет с профессором А. И. Сухаревым, могу подтвердить, что у него, как у каждого сущностного человека, внутри был свой компас, который вел коллектив за собой.

Еще в 1994 г. Александр Иванович предвидел будущую востребованность федеральных, региональных и муниципальных программ. Поэтому, разрабатывая Федеральную программу экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996—2000 гг., сотрудники НИИ регионологии под руководством А. И. Сухарева исходили из того, что подобные программы объективно необходимы. Реформирование российского общества и государства привело к комплексному прогнозированию, программированию экономического и социального развития страны в целом и ее регионов в частности. Эта позиция получила поддержку со стороны руководства Министрства экономики Российской Федерации. Главная задача состояла в том, чтобы выработать убедительную методологию формирования федеральной программы развития региона. В ее основу были положены принципы российского федерализма, закрепленные в Федеративном договоре и Конституции РФ.

Методологической находкой предложенного варианта федеральной программы явился принцип конечной продукции, необходимый для удовлетворения потребностей страны.

Приоритетные направления и проекты развития Мордовии связаны с решением на ее территории социально-экономических проблем, относящихся к предметам ведения Российской Федерации

или предметам совместного ведения. В Программе обоснован федеральный статус, выражена органическая взаимосвязь федерального и регионального социально-экономического развития.

Основные приоритетные направления и проекты объективно определяют место республики в решении общегосударственных задач, учитывают особенности сложившейся структуры регионального народно-хозяйственного комплекса и тенденции ее изменения в новых условиях хозяйствования, наиболее полно выражают возможности региона с учетом наличных и потенциальных природно-сырьевых ресурсов и выгодного транспортно-географического положения.

В Программе нашла отражение внешнеэкономическая деятельность, разработаны направления развития, связанные с определением места республики в рыночном пространстве, созданием и развитием рыночной инфраструктуры в регионе.

В федеральной Программе записано: «Программа в целом и практически все проекты будут поддержаны системой научного сопровождения, а по НИОКР, связанным с финансированием из федерального бюджета, будут представлены в Миннауки России в установленном порядке соответствующие документы». В связи с этим Правительство Республики Мордовия поручило НИИ регионологии совместно с другими научными организациями (исполнителями НИОКР) разработать Программу научно-технического прогресса Республики Мордовия на 1997—2000 гг., которая была призвана стать системой научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, нацеленных на реализацию основных направлений федеральной Программы. Лигитимной базой Программы НТП стала федеральная программа, поэтому в содержание Программы НТП включены только те НИОКР, которые соответствуют интересам России в целом или совместным интересам Российской Федерации и Республики Мордовия.

Формирование содержания и структуры Программы НТП опиралось на систему критериев, отражающих современную научно-техническую политику Российской Федерации.

В Программу НТП в соответствии с условиями, определенными Миннауки России, не включались инновационные проекты, связанные с освоением в производстве уже имеющихся научных разработок. К рассмотрению возможного включения в Программу НТП с частичным финансированием из федерального и республиканского бюджетов принимались только научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

В связи с этим методология отбора и структурирования предложенных разработчиками проектов НИОКР базировалась на прин-

ципе дифференциации приоритетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Эта дифференциация соответствует концепции федеративного разделения предметов ведения на федеральные, федерально-субъектные и субъектные (местные). Применительно к НИОКР это означает их дифференциацию на федеральный, федерально-республиканский и республиканский уровни. В техническом задании на разработку Программы НТП поставлено условие обязательного привлечения средств федерального бюджета на частичное финансирование каждого включаемого в Программу проекта НИОКР. Это возможно только в том случае, если предлагаемые разработки в полном объеме или частично решают проблемы федерального уровня, и разработчики Программы НТП были вынуждены ограничить ее содержание только НИОКР федерального и федерально-республиканского уровней.

При этом Миннауки России и Минобразования России рассматривали проекты НИОКР, объединенные в самостоятельные региональные программы, претендующие на долевое финансирование из федерального бюджета по статье «Наука».

Учитывая изложенное, Программа НТП обрела следующую структуру: I раздел (подпрограмма) «Критические технологии федерального уровня в электротехнике»; II раздел (подпрограмма) «Новые технологии на базе ресурсов Мордовии»; III раздел (подпрограмма) «Устойчивое развитие Мордовии на основе экологической безопасности».

Среди других разработок особое место занимает Схема развития и размещения производительных сил Республики Мордовия на период до 2000 г. Схема является результатом анализа исторически сложившегося развития и размещения производительных сил республики, учета реально складывающейся общественно-политической и экономической обстановки в стране, хода и перспектив реализации экономической реформы. Основным результатом исследований стал вывод о наступившем глубоком кризисе производительных сил с явными признаками их распада как основном следствии несоответствия исторически сложившейся структуры народного хозяйства, механизма хозяйствования условиям и требованиям рынка. В связи с этим перед разработчиками Схемы наряду с общими задачами, определяемыми традиционным содержанием показателей документа, встали такие, которые потребовали новых, нетрадиционных подходов и идей.

Во-первых, остановить распад производительных сил, прежде всего трудовых коллективов и технологического аппарата. Во-вторых, начать подготовительные работы по формированию нового народно-хозяйственного комплекса, способного к воспро-

изводственной деятельности, преимущественно исходя из собственных природных и трудовых (интеллектуальных и физических) ресурсов и в то же время опираясь на восстановление системы общероссийского и международного разделения труда. В-третьих, уделить приоритетное внимание самообеспечению республиканского и территориальных рынков (городов, сельских районов) товарами местного производства (продовольственными и непродовольственными).

Реализация предложенных подходов и идей осуществлялась поэтапно. Разумеется, Схема является лишь базовым документом для разработки отраслевых и территориальных прогнозов, а затем и бизнес-планов по развитию конкретных производств и решению задач социально-экономического развития республики, ее городов, районов, сельских поселений.

В органической связи со Схемой 2000 г. выступает Схема экономического и социального развития и финансового состояния Республики Мордовия на 1996—2005 гг.

Последняя отличается от имеющихся программных документов развития республики рядом существенных признаков. Схема относится к категории долгосрочных прогнозов, так как в отличие от среднесрочных (3—5 лет) охватывает 10-летний период. В ней предпринимается попытка прогнозировать динамику государственного регулирования процессов экономического и социального развития Республики Мордовия в современных условиях. Этот принцип построения Схемы исходит из признания Мордовии, ее народного хозяйства составной частью народно-хозяйственного комплекса Российской Федерации, полноправным субъектом которой она является.

Долгосрочное, до 2005 г., прогнозирование социально-экономического развития и финансового состояния Республики Мордовия с ориентацией на преодоление ее отставания от среднероссийских показателей диктует поиск опережающих путей, форм и методов экономического и социального развития территории, ускоренного преодоления депрессии и выхода на модель устойчивого развития. Фундаментальной основой, главным источником и двигателем достижения этой цели является интенсивное производство, динамичное и устойчивое воспроизводство, приоритетно опирающееся на доступные природные, трудовые, технологические и инвестиционные ресурсы, внутренние и внешние рынки товаров, труда и капитала.

Это означает, что критерием того или иного уровня комплексности регионального хозяйства является степень возможностей, наличия собственных ресурсов для полного обеспечения системы

воспроизводства продукции, товаров, услуг, пользующихся платежеспособным спросом на внутреннем и внешнем рынках. С позиций этого методологического принципа дифференциации уровней комплексности современное хозяйство Мордовии складывается из подсистем минимум трех уровней.

Во-первых, это отрасли хозяйства, почти полностью обеспеченные для воспроизводства природными и трудовыми ресурсами, значительной частью традиционных орудий труда и технологических приспособлений, высокой востребованностью на внутреннем рынке товаров производимой продукции и услуг. К числу подобных отраслей относятся сельское и лесное хозяйства.

Во-вторых, следует выделить отрасли, хозяйства, предприятия, воспроизводство в которых в основном базируется на ресурсах республики. Это означает, что данные производства находятся не в полной, но существенной зависимости от внешних поставок сырья, комплектующих, оборудования, межрегионального, а подчас и международного разделения труда. В современных условиях эти предприятия, как правило, испытывают значительные трудности, связанные в основном с неустойчивостью внешних поставок, неплатежами и другими сбоями «кооперационных связей». Длительная неразрешенность этих проблем деформировала воспроизводственные возможности, обусловила спад объемов и сужение номенклатуры производимой продукции, привела к финансовому кризису многие предприятия этой категории. Возрождение этих производств неоспорно. Видимо, оно должно определяться индивидуально для каждого предприятия с учетом возможностей реализации рыночных механизмов. Это прежде всего относится к некоторым структурам стройиндустрии, непроизводственным перерабатывающим предприятиям.

В-третьих, ведущая роль в производственно-промышленном потенциале республики принадлежит предприятиям электротехнической, электронной, машиностроительной, приборостроительной, химической и биотехнологической отраслей, воспроизводство на которых осуществляется преимущественно на ввозимых из других регионов и стран сырье, комплектующих, оборудовании. Естественно, что для «возрождения» предприятий «федерального уровня» ресурсов Мордовии и предприятий недостаточно. Кроме того, федеральные органы государственной власти и управления еще не до конца определили свое отношение к некоторым из них, поэтому не все коллективы и руководители предприятий оказались готовыми к новым условиям хозяйствования.

Таким образом, хозяйство Республики Мордовия по уровням территориальной воспроизводственной комплексности подразделяется на три группы предприятий и организаций: высокой регио-

нальной комплексности; преобладающей региональной комплексности; низкой региональной комплексности.

Стратегическая цель долгосрочного развития хозяйственного комплекса Мордовии в сфере финансов состоит в неуклонном повышении потенциала самофинансирования и переходе из категории дотационного региона в разряд региона-донора.

Необходимым средством радикального реформирования хозяйства Республики Мордовия является формирование развитой рыночной инфраструктуры, адекватной содержанию проводимых и намечаемых перемен в экономической и социальной жизни региона.

Таким образом, сущность концепции Схемы экономического и социального развития и финансового состояния Республики Мордовия на период до 2005 г. базируется на фундаментальных идеях создания устойчивого территориального воспроизводственного социально ориентированного народно-хозяйственного комплекса.

Необходимость повышения управляемости народно-хозяйственного комплекса в условиях формирования рыночных отношений вызвала принятие Правительством РМ решения о создании Программы развития кооперационных связей в хозяйственном комплексе Республики Мордовия на период до 2005 г. Перед ее разработчиком стояла непростая задача — подготовить программный документ, практическая реализация которого позволит обеспечить повышение эффективности функционирования хозяйственного комплекса республики за счет сохранения, расширения и углубления регионального, межрегионального, международного разделения труда; обеспечения оптимальной отраслевой и территориальной кооперации в системе целостных воспроизводственных циклов по изготовлению продукции при максимально эффективном использовании материальных ресурсов.

Анализ практики формирования кооперационных связей в промышленном комплексе республики предопределил задачи, решение которых является первоочередным для обеспечения социально-экономического развития республики. Это прежде всего обоснование приоритетных и наиболее эффективных направлений развития кооперационных связей; повышение уровня территориальной воспроизводственной комплексности хозяйства Мордовии; максимально эффективное использование природно-ресурсного, научного, кадрового, производственно-технического потенциала; разработка проектов, реализация которых позволит оптимизировать кооперационные связи в производстве конкурентоспособной продукции, с высокой долей добавленной стоимости.

Преодоление различий в показателях уровня и качества жизни городского и сельского населения коснулось таких территорий

России, которые традиционно относились к российской «глубинке». При прогнозировании и планировании обозначилась необходимость сохранить весь комплекс методического и методологического обеспечения, традиционно применяемый при решении задач устойчивого развития крупных территориальных хозяйств. При этом удается не только учесть, но и выгодно использовать специфические особенности конкретных муниципальных хозяйств, их ресурсный потенциал, сильные и слабые стороны.

В разработанной Программе социально-экономического развития МО Рузаевка на 2001—2003 гг. и на период до 2010 г. сделано все необходимое, чтобы реализовать в ней комплексный подход. Проведенный анализ социально-экономического потенциала МО Рузаевка позволил сформулировать ряд задач: создать условия для формирования саморазвивающейся и по возможности самодостаточной экономической и социокультурной системы «город — село» в пределах муниципального образования; обеспечить согласованное и комплексное развитие основных сфер жизнедеятельности населения муниципального образования (материального производства и социальной сферы); мобилизовать внутренние материально-вещественные и гуманитарные ресурсы для всестороннего развития муниципального образования; выработать механизм привлечения внешних финансовых, материальных и гуманитарных ресурсов для развития муниципального образования посредством создания в нем благоприятного инвестиционного климата и формирования привлекательного имиджа Рузаевки как крупного индустриально-транспортного центра Республики Мордовия и Российской Федерации; повысить реальные доходы населения муниципального образования с сохранением тенденции их опережения на селе; способствовать укреплению роли местного самоуправления и наиболее полному использованию административных ресурсов крупного муниципального образования как выразителя интересов городского и сельского населения на основе интеграции потенциала города и села в единой системе.

На этапе разработки стратегического плана были выявлены приоритеты и основные направления развития муниципального образования, сделаны выводы о целях социально-экономического развития с учетом новых тенденций, местной специфики и особенностей современного этапа развития российской экономики.

Муниципальное образование в ближайшее время может стать финансово самодостаточным. При этом будут нарастать необходимые предпосылки для самофинансирования (с учетом привлечения кредитных и других ресурсов) наиболее значимых проектов по стратегическим направлениям развития.

Социально-экономическая эффективность реализации Программы выразится в оживлении экономического оборота в регионе, подъеме его экономики в целом, восстановлении и увеличении рабочих мест, значительном росте жизненного уровня населения.

За последние 10 лет под руководством А. И. Сухарева коллективом были разработаны также программы развития для многих других муниципальных районов Республики Мордовия.

Успех программного подхода изначально определяется полнотой реализации комплексного, расширенного подхода к анализу достигнутых социально-экономических показателей регионального развития. Поэтому научные сотрудники приняли самое деятельное участие в работе образованного на базе ФГНУ «НИИ регионологии» в 2002 г. Центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Имея большую практику программирования социально-экономического развития территорий и регионов, мы получили возможность применить накопленный опыт и в сфере мониторинга. Результаты многолетних исследований и новые аналитические материалы нашли свое отражение в следующих бюллетенях: «Динамика народного хозяйства РМ», «Инновационная продукция в промышленном производстве РМ», «Формирование „новой экономики“ в РМ», «Динамика валового регионального продукта РМ», «Кооперационные связи в РМ», «Заработная плата в РМ» и др.

Системный анализ разных сфер общественной жизни региона позволяет сделать значимые для развития республики выводы и предложить научно обоснованные практические рекомендации. Есть основание надеяться, что накопленный нами опыт работы может пригодиться и другим субъектам Российской Федерации.

В. А. Писачкин
(г. Саранск)

МАСТЕР СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Закон личностно ориентированной памяти, который работает в общественном сознании тогда, когда те или иные знаковые фигуры, творцы, руководители уходят из жизни. Для большинства характерна проекция забвения, снижения личного масштаба и статуса. В результате — две даты на памятнике.

Александр Иванович Сухарев — личность иного масштаба (его масштабная проекция возрастает), личность уникальная, исключительно результативная, многопрофильная. Он полипарадигма-

лен, а значит, всегда современен. В свои не полные восемьдесят он совмещал пять масштабных должностей. И ни в одной из них не был придаточным звеном. Он крупнейший идеолог, консолидатор и методолог. Его кредо «Согласие, порядок, созидание» работает блестяще. Для науки он является организатором особого склада, умеющим соединить диалектику и синергетику.

Аскет в жизни, не знающий праздных удовольствий, вся жизнь в кабинете, в работе, как в творческом наслаждении. Однажды лет десять назад мы с профессором Филатовым в новогоднюю ночь (на будильнике было не полные 3 часа) решили поздравить Александра Ивановича — позвонили по кабинетному телефону и услышали нашего визави на проводе: «Алло, спасибо». Деятельный и ответственный до беспокойства. Когда строил здание НИИ регионологии, то в праздничный день не забывал «приглядывать» за кирпичами на стройке и сокрушался, когда машину стройматериалов похитили. Он по жизни был признанным строителем. Это одна из его главных «должностей».

Он мало путешествовал. Но если выезжал, привозил глубочайшие наблюдения. Например, из Голландии привез вывод: «Там женщины некрасивы, не как у нас. Там кровь застоялась, нет генетического смешения».

Он почти как Сократ — тот совсем не писал. Александр Иванович писал мало, намного меньше, чем мог, но создавал условия и организовывал руководство для большинства из нас.

В то же время какие возможности для путешествий, практик он создавал для нас, своих студентов! Даже экскурсии в музеи, посещения театров университет оплачивал нам в период дальних практик. В 1974 г. мы, студенты-географы, в Набережных Челнах посетили гастролирующий Театр на Таганке. Автографы кумиров появились на книгах, билетах на спектакль и программах. Потом для оплаты многие отказались сдавать билеты, на которых был автограф Высоцкого.

Для современной истории науки все более симптоматичным становится биографический метод, позволяющий проследить «порядок» становления идей во времени и пространстве через призму творческого развития конкретного ученого, его судьбы и того прикосновения к открытию, которое вносит изменения в общий строй мысли и действующие технологии. Небосклон идей, порожаемых и пестуемых А. И. Сухаревым, сложно ограничить пресловутой подборкой тем. Ему по праву принадлежит широкий спектр знания, объединяемый общим направлением в науке, модным и востребованным во всем мире и в России особенно, под общим названием «*регионология*».

На рубеже 80-х гг. XX в. начался процесс интеграции различных направлений региональных исследований, результатом которой явилось рождение нового научного направления — регионологии, объектом исследования которой являются регионы различного уровня управления, к которым, применительно к условиям России, относятся и составляющие ее административно-территориальные и национально-государственные формирования. По этой методологии первичной региональной являются такие муниципальные, административно-территориальные объединения, как село (деревня), рабочий поселок. Следующий уровень — это сельский административный район, малый город, район города. Видимо, в особый уровень региональной дифференциации следует выделить автономные округа. Далее выделяются области, края, а также Санкт-Петербург и Москва и, наконец, республики в составе Российской Федерации. Разумеется, для региональной дифференциации могут быть (и есть) другие основания. Так, например, в России традиционно выделяются экономические регионы (районы). Вряд ли следует оспаривать дифференциацию территории России по другим признакам: территориальным, природно-климатическим, отраслевым, этническим и т. п.

Однако для регионологии основными объектами исследования являются именно административно-территориальные и национально-государственные формирования. Применительно к условиям современной России — это субъекты Российской Федерации, в том числе республики, области, края; Москва, Санкт-Петербург; Еврейская автономная область и автономные округа. Это в значительной мере обусловлено спецификой предмета исследования регионологии, которая изучает закономерности целостного, системного развития регионов как социально-территориальных формирований.

Таким образом, регионология изучает возможности гармоничного и цивилизованного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития регионов. В условиях переходного периода к рыночным отношениям, системного реформирования всех сфер жизни современной России гармоничное и взаимосвязанное развитие регионов уже не опирается на планомерную пропорциональность. Но это не означает, что федеральные и региональные органы управления должны самоустраниться от регулирования развития федерации в целом и каждого ее региона (субъекта). Регулирование, управление целостным и взаимосвязанным развитием республик, краев, областей, автономных регионов, федерации в целом также является важным методом исследований регионологии. Исследование управленческих

проблем ставит перед регионологией ряд приоритетных задач, решение которых имеет принципиальное значение для выработки современной региональной политики.

Теоретические исследования в регионологии дают основание выдвинуть гипотезу о том, что гармоничное и взаимосвязанное развитие регионов в единой Российской Федерации может быть обеспечено на основе оптимального сочетания двух приоритетных тенденций развития: повышения уровня самообеспечения регионов и увеличения вклада каждого из них в общероссийское разделение труда по отраслям (продукции) их специализации. Выработка общей стратегии региональной политики на основе приоритетной ориентации на сочетание этих двух тенденций органично согласуется с курсом на радикальные реформы и переходом к рыночным отношениям. Практика поиска, создание региональных моделей осуществления реформ и перехода к качественно новому состоянию общества подтверждают обоснованность выдвинутой гипотезы.

Однако существует и некое конструирование ряда понятий. Первая в этом ряду — система, а Сухарев является последовательным представителем системного подхода в науке. Второй в его научной лексике считается категория гармонии. Не случайно большая доля наименований диссертаций в совете по защите у А. И. Сухарева в качестве ключевого слова были термины «гармонизация» и «воспроизводство». Дух созидания механизмов, технологий, организаций, творческих и состоятельных коллективов, групп был органически присущ Сухареву.

Как социальное отношение гармония у А. И. Сухарева широко применима в отношениях экономики, политики, этики, эстетики, архитектуры, психики, педагогики и других сфер теории и практики.

Сухарев — практик-созидатель, он инноватор и часто первопроходец или успешный разработчик достойных и приемлемых идей. Как успешно работал его принцип — прежде думай о родине, а потом о себе.

Александр Иванович Сухарев являлся главным редактором журнала «Регионология», включенного в список, одобренный ВАКом. Он возглавлял НИИ регионологии, им созданный, построенный и «высококотируемый» как в регионе, так и в России. Журнал и НИИ — замечательный результат, венчающий, подобно надводной части айсберга, усилия талантливого ученого и масштабного организатора науки.

Каждое дело, за которое брался А. И. Сухарев, становилось масштабным и значимым. По его инициативе Мордовский университет получает прекрасный «бренд», с 1970 г. вуз носит имя

Н. П. Огарева — поэта и революционера-демократа. Будучи ректором, Сухарев возводил учебные корпуса, студенческие общежития, административные, социальные, научные сооружения, открывал новые факультеты, специальности, проводил научные конференции, развивал издательское дело, расширял подготовку офицеров запаса.

А. И. Сухарев всячески поощрял и поддерживал студенческую активность, высоко ценил общественную деятельность. Строительные отряды, художественная самодеятельность, спорт, НСО (студенческое научное общество), ДНД (добровольная народная дружина по охране общественного порядка), шефская деятельность, туризм, природоохранная и другие формы студенческой самоактуализации становились школой подготовки будущих специалистов. Эти традиции вошли «в плоть и кровь» Мордовского университета, стали духом, нормой и практикой подготовки студентов-огаревцев. Основные принципы студенчества были декларированы в корпоративном моральном кодексе студента-огаревца — по тем временам достойное сухаревское нововведение.

Предысторией появления регионологии в формах журнала и научно-исследовательского института был еженедельный семинар, проводимый ректором МГУ им. Н. П. Огарева А. И. Сухаревым по субботам на протяжении двух десятилетий. Его постоянными слушателями были аспиранты и преподаватели различных кафедр. Многие идеи, которые легли в основу регионологии, зародились тогда, получили апробацию и дальнейшее развитие в публикациях, на научных конференциях, в проектах и программных документах. Из участников этого семинара вышли десятки докторов наук в области философии, экономики, социологии и других направлений. Тема моей докторской диссертации «Жизненное пространство социума как система», безусловно, возникла из недр того самого семинара, а научным консультантом этой работы был Александр Иванович Сухарев.

А. И. Сухарев всегда был полон сил и энергии. Его организаторский и творческий дар четко ориентирован в конструктивном, созидательном направлении. Это жизненное кредо и стратегия ученого, руководителя, учителя, патриота.

Р а з д е л 2

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

И. А. Грошева
(г. Тюмень)

ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С точки зрения институциональной архитектоники институциональное пространство представляет собой систему правил и норм социальной деятельности. В нем имеются характеристики, позволяющие выявлять определенные недостатки, напряжения, пустоты и др. Деформация окружающего институционального пространства должна находиться в зоне особого внимания, так как подвергается риску вся институциональная конструкция, снижается эффективность действия институтов. Общество все больше распадается на сетевые структуры, которые объединяют индивидов по интересам независимо от каких-либо различий. Этот процесс способствует атомизации, ослаблению государства, поскольку сетевое мышление сменяет иерархическое.

Человек с иерархическим мышлением стремится к последовательности, логической непротиворечивости, а с сетевым — свободен от этих ограничений. Он живет по собственным законам, склонен к смене своего поведения и способа мышления; противоречивость поступков является для него обычным делом. Следовательно, девиантное поведение переходит в разряд нормального, поскольку сами нормы постепенно исчезают, жизненные ориентиры теряются, второстепенное и главное меняются местами, а духовные ценности разрушаются. Человек начинает говорить одно, думать — другое, а делать — третье. В результате слово, мысль и дело начинают противоречить друг другу, порождая более глубокие расхождения, разрушающие социальные институты изнутри. Личность становится фрагментарной, и чтобы разрозненные части сознания и действий можно было объединить, необходимо создавать институты субординации сетей.

В городских условиях, отличающихся свободой, достижение социального порядка и контроля становится проблематичным по сравнению с его развитием в клане, племени или семье. Например, крестьянин, приезжавший в город, освобождался от всех видов контроля обычаев предков, лишался коллективной мудрости, характерной для крестьянской общины. Новый порядок в новой среде не является священным, он прагматичен, а следовательно, создан искусственно. Любые качества, характерные для человеческой природы, в городе только усиливаются. Р. Мертон в свое время отмечал анонимный характер культуры больших городов, который, сочетаясь с безличной сущностью денег, приводил к тому, что богатство, источники которого неизвестны, могло служить символом общественного положения, препятствуя тем самым установлению эффективного контроля над использованием урегулированных ранее способов приобретения состояния. Неоправданное преувеличение значения целей в обществе ведет к полной деморализации средств. Когда эффективные институционализированные средства недоступны для достижения высокоценимой цели, возможны такие приспособления, как инноваторство, ритуализм и мятеж. Можно говорить о конкретных чертах личности, имеющей определенную культурную характеристику. В одном случае мы получим стремление к успеху любыми средствами; в другом — сохранится подчинение нравам, т. е. произойдет сознательный отказ от целей; в третьем — будет иметь место мятеж, когда освобождение от господствующих стандартов, являющееся результатом неудачи или ограниченности перспектив, ведет к попытке установить «новый социальный порядок»¹.

Если социальная система допускает слишком глубокое разрушение своей культуры, то она будет обречена на социальную и культурную дезинтеграцию. Проблема заключается в том, что никто не знает пределов существования общества, чтобы можно было определить ограничения. Адекватная мотивация к выполнению ролевых ожиданий в социальной системе отмечена Т. Парсонсом через призму двух фундаментальных свойств человеческой природы: пластичность, т. е. свойство человека обучаться любому из многочисленных стандартов поведения; и сенситивность, т. е. восприимчивость индивида к влиянию установок других в процессе социального взаимодействия². Немаловажная роль отводится культурным эталонам в жизни общества, так как тенденции к девиантному поведению создают определенные проблемы для социальной системы, следовательно, им нужно противопоставить механизмы контроля для устранения дисфункциональных последствий. Если культурные ресурсы не будут при помощи интернали-

зации ассимилированы, то нельзя будет достичь гармоничного развития личности.

Социальные нормы возникают как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании людей объективных закономерностей функционирования общества и воплощаются в религии, морали, юридических нормах. Они (подобно другим ценностям) выполняют функции оценки и ориентации личности, общности, а также осуществляют регулирование поведения и социальный контроль за ним, носят ярко выраженный волевой характер, но в отличие от индивидуального волеизъявления демонстрируют типичные социальные связи, дают типовой масштаб поведения. Например, в том случае, если государство и общество обеспечивают высокие гарантии путем установления высоких социальных стандартов, иждивенчество возникает вследствие низкого уровня образования, высоких административных барьеров и высокого уровня коррупции. Наличие больших возможностей у индивида к реализации своих способностей при низких гарантиях государства (низком уровне развития технологий, отсутствии рабочих мест и др.) порождает либо протестные формы поведения, либо уход в собственную нишу, либо «утечку мозгов». Высокий уровень социальных связей порождает коллективизм, низкий — индивидуализм.

Нормативный порядок с точки зрения институциональной архитектуры будет функционировать, опираясь на взаимное уравновешивание санкций и ожиданий. Обучение нормам и культурным стандартам уподобляется любому виду обучения, где интегрируются необходимые культурные элементы в определенное индивидуальное действие. Формируется гармоничный жизненный стандарт. Как социологическая категория жизненный стандарт — это диспозиция личности, созданная на основе совокупности социального капитала, возможностей индивида и гарантий со стороны государства и общества. Будучи связанными с тремя нормативными институтами (моралью, религией и правом), компоненты жизненного стандарта в конечном счете способствуют созданию институциональной матрицы архитектурного типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е. А. Самарской. — М.: Прогресс, 1966. — С. 307.

² См.: Парсонс, Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М.: Академ. проект, 2001. — С. 104—105.

Т. И. Кирдяшкина
(г. Саранск)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

В наиболее общем виде государственное регулирование развития села рассматривается как система мер по созданию оптимальных условий для разграничения полномочий различных уровней власти и установления оптимальных межбюджетных отношений. Законодательная база, регулирующая межбюджетные отношения в системе местного самоуправления, сегодня включает федеральное законодательство, законодательство субъектов Российской Федерации, нормативные акты органов местного самоуправления. К ним относятся Бюджетный кодекс РФ; Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Постановление Правительства Республики Мордовия от 29 июня 2009 г. № 291 «Об установлении распределения субсидий для долевого финансирования расходов на мероприятия в рамках реализации федеральной целевой программы „Социальное развитие села до 2012 г.“ между муниципальными районами», а также нормативные акты органов местного самоуправления (уставы муниципальных образований, постановления глав муниципальных образований и решения представительных органов муниципальной власти).

Очевидно, что решить проблемы села только за счет государственных источников финансирования в рамках целевых программ невозможно. Необходимо разумное сочетание государственного регулирования производственных и инвестиционных процессов в АПК с широким участием органов местного самоуправления, сельскохозяйственных предприятий, фермерских хозяйств и хозяйств населения.

Непрограммный механизм развития социальной инфраструктуры села — это координация и регулирование развития сельской социальной инфраструктуры, включающие в себя совокупность финансовых, налоговых, кредитных, инвестиционных методов и средств стимулирования развития села.

В ходе проведенного НЦСЭМ РМ опроса «Социальное развитие села: агрогородки в системе сельских поселений» было выявлено следующее: 30,6 % экспертов отметили, что в первую очередь для развития села необходимо увеличить финансирование, 27,8 % — активно разработать и внедрить целевые программы. При этом

16,7 % респондентов осознавали необходимость развития новых форм организации сельских территорий. Также 16,7 % экспертов наиболее удобным механизмом финансового обеспечения поселений, в том числе агрогородков, назвали вариант «по договоренности между главами поселений и руководителями предприятий за счет финансовых ресурсов предприятий». Большинство экспертов (69,7 %) считали, что глава администрации района несет основную ответственность в сфере развития социальной инфраструктуры поселения. Данное утверждение объективно, т. к. сельские поселения не имеют возможности для развития социальной инфраструктуры села за счет собственных финансовых средств.

На основании Бюджетного кодекса РФ и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» бюджеты поселений формируют налоговые доходы от следующих местных налогов, устанавливаемых представительными органами поселений в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах: земельного налога — по нормативу 100 %; налога на имущество физических лиц — по нормативу 100 %; налога на доходы физических лиц — по нормативу 10 %; единого сельскохозяйственного налога — по нормативу 30 %. В бюджеты поселений зачисляются налоговые доходы от федеральных налогов и сборов, в том числе налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, региональных и (или) местных налогов по нормативам отчислений, установленным представительными органами муниципальных районов.

В бюджетной системе Республики Мордовия наряду с бюджетом субъекта Российской Федерации и местными бюджетами, к которым относятся бюджеты районов и городов республиканского подчинения, выделяется еще один уровень — это бюджеты районных центров (городов), сельских и поселковых администраций. Выделение низшего звена бюджетной системы в отдельный уровень имеет принципиальное значение, так как предопределяет специфику отношений между всеми звеньями.

В соответствии с разработанной методикой расчета и начисления дотаций бюджетам муниципальных образований все районы республики были поделены на группы с преобладанием промышленного производства либо сельскохозяйственного. При этом за основу распределения взят удельный вес валовой продукции промышленного или сельскохозяйственного производства в общем объеме.

В регионе ежегодно утверждается сумма средств, передаваемых из республиканского бюджета Республики Мордовия местным бюджетам, не обеспеченным собственными финансовыми ресурсами. Фактическая величина такой дотации определяется пропор-

ционально проценту выполнения намеченных показателей социально-экономического развития муниципальных образований. В связи с этим значительно возрастает роль активно развивающихся бюджетообразующих сельхозпредприятий на территории муниципального образования и сельского поселения, в том числе в процессе формирования агрогородков.

Большинство экспертов (75,8 %) считают, что в Республике Мордовия возможно формирование агрогородков через участие поселений в пилотных проектах по комплексной компактной застройке, т. е. посредством программно-целевых механизмов. Тем не менее 15,2 % экспертов полагают, что развитие агрогородков может осуществляться по договоренности администрации поселения и руководителя сельхозпредприятия, т. е. через непрограммные механизмы. Приоритетами в развитии агрогородков 70,3 % экспертов считают сохранение и создание новых рабочих мест, повышение занятости населения, постоянно проживающего в сельском населенном пункте; 43,2 % — удовлетворение потребности селообразующих сельскохозяйственных организаций в трудовых ресурсах.

В качестве передового опыта активного участия сельхозпредприятия в развитии социальной инфраструктуры села в Республике Мордовия выступает деятельность агрофирмы «Норов» (с. Семилей) — крупного бюджетообразующего предприятия Кочкуровского района, занимающегося животноводством и растениеводством, переработкой и строительством, а также торговлей, хлебопечением, пчеловодством.

Политика ОАО «АПФ „Норов“» направлена на внедрение новых современных экономических технологий производства конкурентоспособной продукции и создание максимально комфортных условий труда и жизни работников. Специфика деятельности агрофирмы в сфере социального развития сельских территорий состоит в том, что она ведет строительство жилья и социальной инфраструктуры как в с. Семилей, так и в других селах, земли которых входят в состав предприятия. 40 % собственных доходов администрации с. Семилей составляют отчисления ОАО «АПФ „Норов“». Эти средства направлены на поддержание социально значимых объектов.

Результатами активного участия агрофирмы «Норов» в социальном развитии сельских территорий являются снижение естественной убыли жителей села и численности безработных граждан; доступ населения к учреждениям медицинской помощи, позволяющий увеличивать продолжительность их жизни; создание более комфортных условий для проживания и работы граждан.

Устойчивое развитие сельских территорий требует разработки специального организационно-экономического механизма, решающего комплекс вопросов, связанных с выбором направлений, способов, методов и инструментов их развития. Сложность механизма определяется, с одной стороны, наличием большого количества субъектов хозяйственной деятельности, участвующих в процессе развития территории, и необходимостью формирования и регулирования взаимоотношений, возникающих между ними, с другой — реализацией процесса в среде, независимо регулируемой объективными макроэкономическими законами и закономерностями.

В. А. Нежданов
(г. Саранск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Исследование социальной стратификации и социальной мобильности является фундаментальным вопросом социологической науки и соответствует тематике работ диссертационного совета по специальности 220004 «Социальные структуры, социальные институты и процессы».

Классическое определение социальной мобильности дал П. Сорокин: «Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»¹. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Вертикальная социальная мобильность предполагает те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В наиболее общем виде структура социальной мобильности представлена в виде схемы (рисунок)².

Усложнение и маргинализация социальной структуры, значительное увеличение мобильности, ее интенсивности и латентных форм проявления на рубеже тысячелетий вновь заставляют обратиться к этой простой, на первый взгляд, схеме. Если стройная структура вертикальной мобильности не вызывает вопросов, то несколько аморфная структура горизонтальной мобильности дает повод для разночтений.

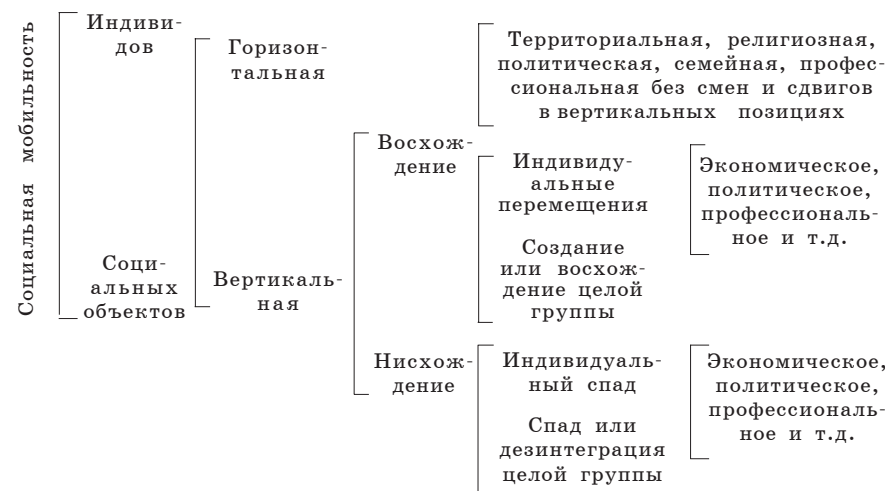

Рисунок. Структура социальной мобильности

Рассмотрим это на примере профессиональной мобильности. Вертикальная социально-профессиональная (или социально-трудовая) мобильность — это перемещения людей из одних социально-профессиональных групп, сфер занятости, видов трудовой деятельности и рабочих мест в другие с изменением социального статуса. Горизонтальная социально-профессиональная мобильность также включает перечисленные позиции, но без смены статуса. Это непосредственно связано с территориальной мобильностью, под которой подразумевается постоянная, или истинная, миграция, т. е. движение людей в географическом пространстве с изменением постоянного места жительства при условии пересечения государственных или административных границ.

В то же время существует такое явление, как трудовая миграция, которая является территориальным процессом, или горизонтальной разновидностью социальной мобильности, но к постоянной миграции не относится. Сущностное атрибутивное свойство трудящегося мигранта состоит в том, что он переезжает в другую страну на время или ездит туда периодически, в то время как постоянное место его проживания остается прежним³.

При этом в число трудовых мигрантов не включаются маятниковые мигранты, совершающие ежедневные поездки от места работы до места жительства, т. е. маятниковая миграция как разновидность социальной территориальной мобильности миграцией вообще не является. Тем не менее время пребывания на работе

различается только по периодичности: сутки, сезон, год. За пределами 9 месяцев временно пребывающие работающие граждане фиксируются в отчетности Росстата как постоянные мигранты.

Таким образом, все определяется цикличностью трудового процесса: суточный цикл свойствен маятниковым мигрантам, сезонный — трудовым, а годовой цикл (более 9 месяцев) характерен для постоянных, или истинных, мигрантов. Изменение цикличности рабочего процесса, например, перенесение режима охраны на другой объект, находящийся за пределами территории предприятия на расстоянии 200 км, автоматически переводит маятникового мигранта (например, охранника) в разряд трудовых. Таким образом, если критерий истинной миграции четко определен — смена постоянного места жительства, то критерий временной трудовой миграции — периодичность — является условным.

Наличие современных средств транспорта и виртуальной занятости делает этот критерий еще более «размытым». Например, маятниковые мигранты, французы, работающие в Монте-Карло (центр игорного бизнеса в княжестве Монако), ежедневно пересекают государственную границу, а если они живут в Италии, то пересекают уже 2 государственные границы. Другой пример — виртуальная занятость населения, проживающего на одной территории, а работающего на другой. Сложность классификации миграции с точки зрения социологической науки решается просто. Все эти процессы можно отнести к разновидностям социальной территориальной мобильности вне зависимости от цикличности трудовых процессов и наличия государственных границ.

Рассмотрим еще один пример. Неотъемлемым элементом жизнедеятельности, наравне с процессом труда, является процесс отдыха. Потоки активного туризма и поездки на отдых не относятся к разновидностям горизонтальной мобильности. В то же время эти процессы представляют собой варианты миграции, так как связаны с массовым территориальным движением людей. Однако практика международного туризма показывает примеры, когда турист остается работать в стране пребывания, будучи мигрантом, но при этом статус туриста теряет. Он начинает совмещать работу с отдыхом по выданной туристской визе. С точки зрения социологии этот человек — маргинал, хотя сущностный статус его не изменился, т. е. он остался мигрантом. Участвуя в трудовом процессе, мигрант становится «территориально мобильным», хотя с самого начала миграционного движения он и был таковым. Турист изначально является территориально мобильным, так как его задачей может быть оплачиваемый трудовой процесс независимо от заявленной цели в туристской визе. Латентный характер такой мобильности не отменяет самой мобильности.

Существуют разные виды миграции, которые являются разновидностями территориальной мобильности. Например, транзитная миграция, т. е. пересечение множества государственных и административных границ лицами, целью которых является отдых либо труд или совмещение этих процессов. Это становится образом жизни, современным номадизмом, т. е. кочевничеством, самой мобильной разновидностью человеческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сорокин, П. А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 373.

² Там же.

³ См.: Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж. А. Зайончковская. — М., 2003.

С. В. Полутин, А. В. Седлецкий
(г. Саранск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Проблема инновационного развития общества находится сегодня в центре общественного внимания. Она связана со стремлением понять смысл качественных сдвигов в развитии современного общества; осознать и адаптировать жизнедеятельность, образ жизни и взаимоотношения людей к содержанию и ритму все более быстрых перемен; научить их свободно ориентироваться в этом стремительном потоке и направлять его в прогрессивное русло.

Общая оценка состояния российского общества позволяет заключить, что исходные предпосылки для инновационного развития в стране имеются. Россия обладает энергетическими и сырьевыми ресурсами, вполне достаточными для обеспечения стабильного роста современной экономики. Сравнительно высокий уровень научного потенциала и образованности населения может служить стартовой площадкой для «экономики знаний» — высокотехнологичного производства с преобладанием интеллектуального труда. Имеются и перспективные заделы в ряде отраслей производства, главным образом вышедших из военно-промышленного комплекса. Россия всегда богата талантами с инновационным типом мышления. И наконец, среди наиболее активной части населения и властной элиты укореняется понимание необходимо-

сти крупных инноваций, способных вывести развитие российского общества на принципиально новый уровень¹.

Россия, по западным представлениям, не является ни фактическим, ни потенциальным лидером технического прогресса в мире, ее не отнесешь даже к так называемым динамичным имитаторам. За последние десятилетия она утратила многие из тех позиций в науке и технике, которые занимала в советское время.

Передовые страны Запада вступили или вступают в шестой технологический уклад (биотехнологии и нанотехнологии, мультимедиа и другие высокие технологии). Россия с опозданием входит в него, в настоящее время она частично восстанавливает положение в этой области и уступает ключевые позиции по достижению четвертого технологического уклада (авиастроение, автостроение, судостроение, синтетические материалы).

По данным Всемирного банка, по суммарному показателю конкурентоспособности экономики (380 показателей, включая уровень развития НИОКР) Россия в 1994 г. занимала место в четвертой десятке из 180 стран мира. За десять с небольшим лет страна переместилась во вторую сотню. В СССР в 1991 г. было подано 190 тысяч заявок на изобретения. В настоящее время эта цифра сократилась до 22 тысяч. Согласно данным Центра исследований и статистики науки, только 5—6 % российских промышленных предприятий ведут разработку и внедрение технологических инноваций. В конце 1980-х гг. таких предприятий было 60—70 %. Инновационная продукция в России сегодня не набирает и 1 %, этот же показатель, например, в Финляндии составляет более 30 %, в Италии, Португалии, Испании — от 10 до 20 %. Доля России в мировом объеме торговли гражданской наукоемкой продукцией уже в течение ряда лет не превышает 0,3—0,5 % (ср.: доля США — 36 %, Японии — 30 %, Германии — 17 %, Китая — 6 %²).

Нынешняя ситуация в отечественной науке создает угрозу национальной безопасности России. У ведущих стран Запада расходы на НИОКР составляют 2—3 % ВВП, в том числе у США — 2,7 %, а у таких стран, как Япония, Швеция, Израиль, достигают 3,5—4,5 % ВВП. У России этот показатель составляет примерно 1 % ВВП.

В последние годы заметно снизился потенциал прикладной науки, который и определяет новые источники развития экономики. Уменьшилось влияние науки на общество в целом и на образование в частности. Тиражи научно-популярных изданий снизились в сотни раз. В большой степени растрачен кадровый потенциал, возник острый дефицит молодежи в науке. Наука оказалась не востребована: общество не использует ее результатов, не понимает ее смысла и значения³.

Прогнозы Правительства РФ относительно социально-экономического развития страны не дают оснований для оптимизма. Численность занятых в научном секторе планировалась к сокращению с 788,5 тыс. чел. в 2007 г. до 754,1 тыс. чел. в 2010 г.⁴

Снижение научного потенциала страны привело к тому, что Россия остается единственной крупной страной в мире с сокращающейся численностью ученых. Национальная инновационная система призвана обеспечивать повышение конкурентоспособности, однако в том виде, в котором она сегодня существует, явно проявляется ее неэффективность⁵.

Россия из великой инновационной державы второй половины XX в. перешла в начале XXI в. во вторую сотню стран мира, и тенденция отставания только нарастает⁶.

По оценке Д. А. Медведева: «За последние годы у нас полностью разрушена система начального и среднего технического образования»⁷.

Не лучшим образом складывается ситуация и в сфере подготовки специалистов с высшим образованием. По признанию ректора ГУ-ВШЭ Я. И. Кузьмина: «Качество подготовки в большинстве вузов России не соответствует требованиям инновационной экономики. Примерно на 400 тысяч новых рабочих мест в год для людей с высшим образованием у нас есть меньше 150 тысяч кандидатов с нормальным уровнем образования»⁸.

Адекватная оценка состояния инновационных процессов в России дана редактором журнала «Эксперт» А. Приваловым: «Внутренний рынок России задыхается без инноваций. Устаревает производственная база ключевых отраслей. Наиболее прибыльные, высокотехнологичные сегменты национального хозяйства представляют собой по большей части рудименты советской эпохи и не приносят приличных по мировым меркам доходов собственникам производства. Не решены самые очевидные проблемы — от модернизации отечественной энергосистемы до создания приемлемой модели гражданского лайнера для рынка авиаперевозок. Неблагоприятная ситуация складывается в ВПК: несмотря на закланивания лоббистов, специалистам давно ясно, что, скажем, ни истребителя пятого поколения, ни лазерного оружия российская армия в обозримой перспективе не получит. Здорово отстали мы и в других, критически важных с точки зрения НТР областях — связи, информационных технологиях, биотехнологиях, производстве новых материалов»⁹.

В конце 2005 г. Ассоциация менеджеров провела исследование с целью выяснить современное состояние инновационного процесса в России. В нем приняли участие более 150 компаний, работающих в различных сегментах рынка (добывающие и энергетичес-

кие компании, поставщики услуг сотовой связи и провайдеры Интернета, машиностроительные компании: в основном представители ВПК и авиационной промышленности). В целом результаты исследования представляют собой срез современного состояния инновационной деятельности современного российского бизнеса.

В вопросе о целях внедрения инноваций мнения представителей делового сообщества разделились. Пятая часть опрошенных (22 %) основной целью использования инноваций считает уменьшение издержек производства. По мнению 18 % респондентов, главный эффект, ожидаемый от внедрения инноваций, — это повышение производительности труда. Кроме того, 13 % респондентов делают упор на увеличение прибыли. Аналогичная доля респондентов (13 %) ожидает от инноваций эффекта в виде увеличения объемов выпуска продукции. Столько же респондентов (13 %) используют инновационные механизмы для завоевания новых рынков. Модернизационную идею замены устаревшей продукции новой поддерживает меньшинство (6 % опрошенных). В настоящее время российский бизнес ожидает от внедрения инноваций, скорее, достижения тактического успеха, чем решения масштабных задач модернизации производства и выхода на новые рынки.

Около трети респондентов (31 %) основной причиной неудач при внедрении инноваций считают недостаточный уровень менеджмента инноваций. Кроме того, почти пятая часть опрошенных (21 %) причину неудач своей инновационной деятельности видит в недостаточном уровне маркетинга инноваций. Аналогичная доля (21 %) респондентов в качестве существенной причины неудач при внедрении инноваций указала высокую себестоимость конечного продукта, а 11 % опрошенных обратили внимание на проблемы качества. Суммарно почти третья часть респондентов (32 %) в качестве глубинной причины неудач при внедрении инноваций отметила внутрифирменный просчет, неверную оценку ожидаемых от инноваций эффектов¹⁰.

Принявшие участие в исследовании представители российского делового сообщества высказали мнение относительно создания технопарков. Две трети респондентов (67 %) определили свое отношение к ним как нейтральное. Большинство представителей российского бизнеса заняли выжидательную позицию.

Активно участвовать в развитии технопарков готовы 11 % опрошенных. Столько же (11 %) респондентов поддерживают идею технопарков, хотя участвовать в подобных проектах они пока не готовы. Негативно относятся к созданию технопарков также 11 % респондентов. По данным исследования Ассоциации менеджеров, инновационная активность предпринимательского сектора в Рос-

сии находится (по мировым стандартам) на низком уровне. Доля инновационных предприятий не превышает 10—12 %. Как показали результаты опроса, средства, выделяемые на реализацию инноваций, тратятся в основном на усовершенствование существующего продукта (43 % ответов респондентов) и на усовершенствование существующего процесса (32 %). Лишь 16 % опрошенных компаний указали на внедрение нововведений, улучшающих производимый продукт, и всего 9 % — на обновление производственного процесса¹¹.

По признанию Д. А. Медведева, российский бизнес «никак не мотивирован» на инновационную деятельность. «Наш бизнес не хочет этим заниматься, не хочет вкладывать деньги в то, что не принесет быстрой и высокой отдачи, предпочитая вкладывать их в зарубежные активы»¹².

Одна из главных причин этого — отсутствие надежных гарантий соблюдения прав собственности, рейдерство (в том числе со стороны государственных инстанций), неопределенность правил игры, которые постоянно меняются, административное вмешательство в дела бизнеса.

Российское население довольно скептически оценивает возможности перевода экономики страны на путь инновационного развития. В ходе исследования, проведенного Институтом социологии РАН, формирование эффективной инновационной экономики в качестве ключевой идеи модернизации отметила лишь четвертая часть респондентов. Судя по предпочтениям россиян в контексте проблематики модернизации, выявленным этим исследованием, в большинстве своем они сознают, что при сложившейся социально-экономической ситуации и утвердившейся «институциональной матрице» становление эффективной инновационной экономики невозможно¹³.

Не способствует инновационному развитию высокий уровень социального неравенства. Низкий уровень жизни более половины населения России не стимулирует раскрытия креативного потенциала общества.

Расходы на образование, науку, медицину, другие социальные услуги недостаточны, чтобы поднять социальную сферу на тот уровень, который соответствовал бы задачам формирования адекватного требования инновационного развития человеческого потенциала.

Несмотря на то что в России не произошло перелома в научно-технологическом развитии, страна имеет научный потенциал, достаточный для создания собственных инноваций в ряде областей, однако из-за состояния инфраструктуры указанная задача остается нерешенной¹⁴.

Таким образом, научно-технологический комплекс России в настоящее время переживает сложный этап развития. В контексте формирования национальной инновационной системы особую важность приобретают вопросы регионального распределения научно-технологического потенциала страны и управления инновационным развитием на уровне отдельного региона.

Становление национальной инновационной системы России предполагает создание и развитие соответствующих региональных систем. Регионам принадлежит решающее значение в формировании инновационной инфраструктуры, создании системы эффективного взаимодействия организаций среды, генерирующей знания, с предприятиями и организациями, обеспечивающими использование научно-технических достижений.

Решение проблем инновационного развития требует крупной перестройки, затрагивающей все сферы жизни общества. Страна нуждается в реиндустриализации, в восстановлении и модернизации основных отраслей промышленности — потенциальных «потребителей» инновационных продуктов и технологий. Попытки инициировать процесс «сверху» при отсутствии восприимчивой к инновациям социально-экономической среды вряд ли окажутся продуктивными.

Создание условий для инновационного развития предполагает прежде всего изменение морально-психологического климата в обществе, в иерархии ценностных ориентаций, а для этого необходимы модернизация политической системы, повышение роли гражданского общества, ликвидация отчуждения между властью и обществом, восстановление высокого статуса науки, отказ от коммерциализации образования, культуры, реальное содействие развитию мелкого и среднего бизнеса.

Только формирование социокультурной среды общества, востребованной к инновациям, может обеспечить успех проекта инновационной модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под ред. Ю. А. Красина ; Институт социологии РАН. — М., 2011. — 253 с.

² См.: Национальные инновационные системы в России и ЕС / ЦИПРАН РАН. — М., 2006. — С. 170.

³ См.: Захаров, В. Что и как нужно спасать в российской науке / В. Захаров // Независимая газета. — 2010. — 13 янв.

⁴ См.: Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020—2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации / Минэкономразвития России. — М., 2008.

⁵ См.: Провинцев, П. М. Новые требования к системе управления инновационным процессом / П. М. Провинцев // Рефлексивные процессы и управление. — 2007. — № 2. — С. 64—68.

⁶ См.: Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. — М. : Изд-во «Когито-Центр», 2010. — 255 с.

⁷ Независимое военное обозрение. — 2007. — 28 дек.

⁸ Кузьминов, Я. И. Иллюзии неравновесия / Я. И. Кузьминов // Экономические стратегии. — 2007. — № 7. — С. 76—83.

⁹ См.: Глубокий инновационный вздох [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inno.ru/press/articles/document27384/>.

¹⁰ См.: Инновационное развитие — основа ускоренного роста экономики Российской Федерации: национальный доклад / Ассоциация менеджеров. — М., 2006.

¹¹ См.: Инновационная модернизация России ...

¹² Вступительное слово Д. Медведева на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/05/216352.shtml>.

¹³ См.: Готово ли российское общество к модернизации : аналитический доклад / Институт социологии РАН. — М., 2010. — С. 22.

¹⁴ См.: Лепский, В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию / В. Е. Лепский. — М. : Изд-во «Когито-Центр», 2009. — 208 с.

Ю. А. Рыжкова, Е. С. Голосова
(г. Пенза)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

В нестабильных финансово-экономических условиях женская безработица стала объективным элементом социально-экономической реальности. С начала 1990-х гг. около половины безработных России составляли женщины, и эта тенденция продолжала сохраняться на протяжении нескольких лет.

По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, проведенного Росстатом в апреле 2011 г., в общей численности безработных доля женщин, ищущих работу с помощью служб занятости, составила 41,1 %¹. По мнению специалистов, их было бы больше, если все ухаживающие за детьми безработные женщины регистрировались бы на бирже труда. Эксперты Международной организации труда считают, что уровень безработицы среди женщин в нестабильных социально-экономических условиях может достигать 6,5—7,4 %.

Очень часто работодатель в силу объективных и субъективных причин, невзирая на трудовые характеристики женщин, претен-

дующих на трудоустройство и имеющих часто более высокий уровень образования и квалификации, чем мужчины, заинтересован в использовании труда мужчин и отдает предпочтение им. Женщины вынуждены совмещать материнство и ведение домашнего хозяйства, а работодатель не желает нести дополнительные затраты на охрану труда и социальные льготы. Следовательно, женщины, особенно те, которые имеют детей, являются нежелательными и «проблемными» работниками для потенциального работодателя. Поэтому именно им в первую очередь необходимо содействие в поиске работы.

Важным этапом в этом направлении стала разработанная Федеральной службой по труду и занятости РФ программа переобучения женщин, имеющих малолетних детей, которая в настоящее время апробируется в ряде регионов, адаптирующих ее к своим условиям. В 2011 г. более 20 тыс. женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет, прошли профессиональное обучение для возвращения к трудовой деятельности. Для многодетных родителей, а также имеющих детей-инвалидов, предусматривается создание около 4,6 тыс. рабочих мест².

Например, в Ярославской области разработан проект целевой программы «Профессиональное обучение женщин, воспитывающих детей в возрасте до трех лет», в рамках которого организовано профессиональное обучение 400 женщин, в том числе 300 женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, за счет средств областного бюджета (3,6 млн руб.), и 100 безработных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, за счет средств федерального бюджета (1,3 млн руб.)³.

В Саратовской области на учебу направлены 1 100 безработных женщин, имеющих детей. Из областного бюджета на это выделено 1,5 млн руб., из федерального — 5,7 млн руб.⁴

Государственный комитет Республики Мордовия по занятости населения в приоритетном порядке оказывает услуги по профессиональной ориентации и психологической поддержке женщинам, имеющим малолетних детей (в первом полугодии 2008 г. такие услуги получили 557 женщин). В том числе предоставляет возможность женщинам, ищущим работу, разместить профессиональное резюме и ознакомиться с вакансиями на сайте Центра занятости населения Саранска. Кроме того, Госкомзанятости населения организывает специализированные ярмарки вакансий для женщин. Содействие в трудоустройстве получили 132 безработные женщины, имеющие малолетних детей, профессиональное обучение — 139 женщин. Шести безработным женщинам оказана помощь в организации собственного дела с предоставлением финансовой поддержки⁵.

В Пензенской области также предпринимаются шаги в этом направлении. Например, в течение 2008 г. службой занятости при содействии Совета женщин при губернаторе Пензенской области было трудоустроено около 1 000 женщин, имеющих несовершеннолетних детей. Также разработан проект областной целевой программы «Профессиональное обучение женщин Пензенской области, имеющих малолетних детей, в 2009—2011 гг.». В целях повышения эффективности мероприятий по содействию занятости женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, организованы занятия, обучающие навыкам эффективного поиска работы на базе центров социальной помощи семье и детям в муниципальных образованиях.

Особое внимание в регионе уделяется повышению мотивации к активной профессиональной и предпринимательской деятельности. В г. Пензе более 130 чел. ежемесячно являются участниками программ социальной адаптации. Всего в данных мероприятиях приняли участие 119 женщин, в том числе из малообеспеченных семей. Повышению мотивации женщин к открытию собственного дела способствует выявление способности к предпринимательской деятельности. Всего профдиагностику прошла 251 женщина, в том числе 36 женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет. Склонность к предпринимательской деятельности выявлена у 17 % лиц женского пола. Всего в рамках оценки профессиональной компетентности свои профессиональные проекты разработали 15 женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет⁶.

Также, например, по поручению губернатора Пензенской области на базе ПГТА создан институт кондитерских изделий, в котором планируется переподготовка специалистов, в частности безработных женщин, в кондитерской отрасли. Кроме того, ПГТА активно сотрудничает с Центром занятости населения Пензенской области.

По инициативе заместителя Председателя Правительства Пензенской области и представительниц советов женщин региона в п. Пачелма состоялась презентация малых швейных предприятий, которые были организованы по программе самозанятости (ООО «Ателье», занимающееся обшивкой салонов автомобилей; ООО «Лотос», специализирующееся на пошиве детской одежды; ООО «Мой стиль», создающее стильные молодежные модели)⁷.

В Пачелмском районе зафиксирован самый низкий уровень безработицы. Жители поселка, особенно женщины, смогли найти для себя дело, приносящее удовольствие, реализовали свои возможности. Пачелмский опыт должен стать примером для других районов области. Содействие в организации женских кооперативов — одна из главных задач Совета женщин при губернаторе

Пензенской области и советов женщин во всех муниципальных образованиях региона⁸.

Важнейшими условиями благополучного развития региона являются всесторонняя поддержка и защита семьи, материнства, детства, а также создание и обеспечение условий реализации прав женщины в профессионально-трудовой сфере с учетом выполняемой материнской функции. В связи с этим главными задачами региональных органов власти должны стать обеспечение дополнительных гарантий занятости лицам, испытывающим трудности в поиске работы, и создание условий, позволяющих женщинам оптимально сочетать профессиональные обязанности с материнством.

Для решения проблемы женской безработицы необходима дальнейшая разработка адресных программ обеспечения занятости женщин, повышения их конкурентоспособности на рынке труда, преодоления негативных последствий безработицы и улучшения социально-трудового положения женщин в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Занятость и безработица в Российской Федерации в апреле 2011 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/109.htm.

² См.: Уровень официальной безработицы в 2011 году впервые снизился [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2011/03/25/Uroven_oficialnoj_bezra/.

³ См.: Фролов, Н. Учеба для мам / Н. Фролов // Социальная защита. — 2008. — № 6. — С. 21–24.

⁴ См.: Грицюк, М. Работа ушла в декрет / М. Грицюк, Т. Смольякова // Рос. газ. — 2009. — 7 апр.

⁵ См.: Женщины, имеющие малолетних детей, в Мордовии получают поддержку [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.semeya2008.ru/news/20080812/55356085.html>.

⁶ См.: Официальный портал Правительства Пензенской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.penza.ru/> (<http://www.penza.ru/social/employment/analytics1>; <http://penza.ru/social/woman>).

⁷ См.: Официальный портал Правительства Пензенской области. Социальная сфера. Совет женщин при губернаторе Пензенской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publish.pnz.ru/aif/2005/402.htm>.

⁸ См.: Официальный сайт Управления государственной службы занятости населения Пензенской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sura.ru/fgsxn/>.

В. М. Сидоркина
(г. Саранск)

НЕКОТОРЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

В современном российском обществе проблема ценностей и ценностных ориентаций продолжает оставаться актуальной и дискутируемой. В условиях социальной трансформации, отсутствия значимого и одновекторного влияния институтов социализации, устранения государства от влияния на формирование и функционирование ценностной системы процесс ее иерархизации приобрел стихийный характер. Это чревато большими проблемами для социального благополучия. Так как ценности являются регуляторами отношений, определяют поведенческие практики и формируют мотивацию, то их разбалансированность ведет к социальной неустойчивости и разобщенности. Поэтому мониторинг ценностных ориентаций представляется важным и своевременным.

В июле—августе 2011 г. кафедрой социологии Мордовского государственного университета проведено социологическое исследование «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах»^{*}. Одной из проблем, затронутых в опросе, были и ценностные отношения. Эта тема традиционно входит в исследование по гармонизации социальных отношений, позволяя выявить динамику ценностных изменений начиная с 1994 г. В данном исследовании впервые опрос проводился в трех регионах: Удмуртии, Мордовии и Марий Эл, что позволяет сделать обобщения более значимыми.

Опрос показал, что существенных различий в отношениях к ценностям и их иерархизации по республикам не наблюдается. Базовые ценности — здоровье, семья, безопасность, друзья, деньги, работа (именно в таком порядке по степени убывания), были названы респондентами в числе главных. Следует отметить, что эти ценности являются основными в любом обществе, а в современном российском приобретают дополнительный смысл. Здоровье выступает важным ресурсом успешной деятельности в социуме, не создавшем благоприятной среды для больных, инвалидов. Единичные успехи людей с отклонениями в здоровье (участники параолимпийских игр, бизнесмены) только подчеркивают непреодолимость пути к самореализации в современных условиях.

^{*} Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

Семья и друзья составляют тот круг неформальной поддержки, ресурс дополнительной защиты от проблем и произвола, в котором нуждается каждый человек. Интересно, что в гендерном аспекте этот ресурс более значим для женщин. И в Удмуртии, и в Марий Эл, и в Мордовии разница достаточно заметна: 58,3 % мужчин и 69,8 % женщин; 54,3 и 82,1 %; 77,9 и 81,9 % соответственно. Это естественная гендерная асимметрия, выявленная и описанная еще в первых исследованиях данной проблематики. Для женщины семья остается главным полем самореализации.

Ряд выявленных особенностей в отношении к ценностям относится к ценностям второго уровня, или, как отмечалось в докладах Левада-Центра, декларативным. В анкете (помимо вопроса о ценностях) респондентам предлагалось назвать понятие, которое могло бы стать основой общенациональной идеи. Ряд понятий в обоих вопросах совпадал. Выяснилось, что личное и общественное звучание их неодинаково. Так, патриотизм как личностную ценность отметили 6,0 % жителей Удмуртии, 7,9 % опрошенных в Марий Эл и 3,8 % в Мордовии. В то же время как основу национальной идеи его выделили 19,2; 28,6 и 25,9 % соответственно. Разница более чем в 3 раза показывает, что люди готовы откликнуться и поддержать патриотические идеи и действия, если это поможет решить общенациональные проблемы, сплотить общество, дать значимую цель динамике развития. Помимо этого очевидно ностальгия по утраченному самоуважению великого народа, великого государства.

Такая же ситуация складывается и с социальной справедливостью, хотя разрыв меньше (всего в 1,5—2 раза). Можно отметить, что ценность социальной справедливости значительно снизилась (правда, сравнение не вполне корректное, так как предыдущие опросы по проблематике гармонизации социальных отношений проводились лишь на территории Республики Мордовия) за последние 10—15 лет. Если в опросе 1999 г. ее отметили 54,4 % опрошенных, то в 2011 г. — лишь 20,3 % респондентов из Мордовии. Примерно так же определили свое отношение к справедливости и жители Удмуртии (19,2 %), и Марий Эл (19,1 %). А вот в качестве объединяющей национальной идеи ее предпочли по 28,9 % опрошенных удмуртов и марийцев и 41,5 % жителей Мордовии.

Работа и досуг — главные элементы как индивидуального, так и общественного времени. Работа представляет собой источник дохода, форму реализации творческого потенциала личности, особую среду общения и т. п. Свободное время предназначено для восстановления сил, реализации интересов, выходящих за преде-

лы работы, сопряжено с получением удовольствий, развлечениями. Очевидна высокая значимость и ценность обоих видов деятельности. В западной (особенно американской) социологии уже более полувека исследователи отмечают, что ценность свободного времени, досуга имеет тенденцию к росту, а по утверждению Р. Дьюбина¹ (1955), она превышает ценность работы.

В российском обществе этот феномен не наблюдается. Если работа входит в шестерку наиболее важных ценностей (из 20 предложенных респондентам), то свободное время, развлечения и удовольствия находятся в аутсайдерах, более того, они завершают рейтинговую таблицу. Как наиболее важную ценность свободное время отметили от 1,9 до 3,8 % опрошенных в трех республиках, а удовольствия, развлечения — от 1,5 до 4,9 %. Самые низкие показатели зафиксированы в Республике Мордовия. Причем для сельских жителей свободное время более значимо, чем для горожан, а развлечения и удовольствия — наоборот. Это явление объясняется рядом причин, начиная с сохранившихся элементов ментальности советского времени, где работа была главной ценностью, а удовольствия, развлечения, досуг ассоциировались с праздностью, и кончая неразвитостью (особенно на селе) развлекательной инфраструктуры. Интересно, что респонденты, видимо, не связывают просмотр телевизионных программ с понятиями досуга, развлечения, отдавая этому занятию (судя по рейтингам телеканалов и ряду социологических опросов) значительную долю времени. Возможно, также, что этот вид досуговой деятельности является не самостоятельным, а параллельным с другими, служит звуковым и видеофоном при исполнении домашних работ. Результаты опроса подтверждаются и другими данными. Итоги социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2009 г., показывают, что «второсортность» свободного времени и досуга по отношению к работе — устойчивый стереотип российского общественного сознания. Тем не менее и 15 лет назад доля людей, полагающих, что «самое важное — это работа, а досуг нужен для того, чтобы восстановить силы для нее», была вдвое больше доли тех, для кого самым важным было «то, чем человек занимается в свободное время»².

По Мордовии выявлено несколько особенностей в ценностных ориентациях населения. Помимо значительно более высокого предпочтения ценности социальной справедливости респонденты республики показали и более высокую значимость религиозных ценностей. Если в Удмуртии ее выделили 2,6 % опрошенных, в Марий Эл — 3,4 %, то в Мордовии — 10,5 %. Очевидно, это связано с более активной деятельностью церкви, масштабным (выше, чем

в соседних финно-угорских республиках) восстановлением и строительством храмов, политикой республиканских органов власти, способствующих деятельности церкви. Интересным представляется и то, что во всех возрастных группах респондентов республики — до 30 лет, 30—49 и свыше 50 лет — рейтинг ценностей вероисповедания равнозначен, что опровергает устойчивое мнение о преимущественно пожилом возрасте верующих.

Образование является значимой, хотя и не приоритетной ценностью, и по республикам существенного различия в отношении к ней не отмечается. Особенности выявлены на гендерном уровне и по месту жительства респондентов. Для женщин, а также для жителей сельской местности значимость образования выше, чем для мужчин и горожан. Образование как социальный лифт теряет свое значение и безусловность. В советские годы высшее образование было невозможно без качественного среднего и стало безусловной основой профессиональной и социальной карьеры. В настоящее время высшее образование (точнее, диплом) можно получить на платной основе в бесчисленных вузах почти всем выпускникам среднего. Однако это не гарантирует соответствующей позиции в статусной иерархии. Тем не менее в сельской местности еще сильны иллюзии по поводу этого, отсюда и высокий рейтинг ценности образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Большой толковый социологический словарь. — М., 1999. — Т. 1. — С. 194—195.

² Российская повседневность в условиях кризиса : моногр. / Институт социологии РАН ; ред. : М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова. — М. : Альфа-М, 2009. — С. 105.

Р а з д е л 3 КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Н. Н. Азисова
(г. Саранск)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Кризисные явления в духовной сфере, «размывание» ценностных ориентаций и в обществе, и в семье требуют осмысления особенностей воспитания личности в условиях быстро меняющихся общественных отношений, диктуют необходимость изучения роли этнокультурной воспитательной среды, механизмов трансляции этнокультурных ценностей в этом процессе.

Республика Мордовия представляет собой полиэтнический регион, где проживают, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., представители русской (62 % населения), мордовской (31 %), татарской (чуть более 5 %) и других национальностей (2 %), а значит представители разных культур.

В опросе «Семья в современном обществе» (2011), разработанном и проведенном автором, приняли участие 57 % русских, 31 % мордовских, 10 % татарских и 2 % семей представителей других национальностей, 65 % которых проживают в городской и 35 % в сельской местности, что в целом соответствует этнической структуре и территориальной локализации населения республики. Опрошены как молодые семьи, так и семьи, прожившие в браке более 20 лет.

По этническому составу современная семья неоднородна. Треть семей составляют этнически смешанные браки. Брак с представителями своей национальности заключен у 75 % русских, 61 % мордвы и 77 % татар.

Уровень образования супругов достаточно высок, хотя и различается. Образование женщин по всем этническим группам выше, чем мужчин. Так, высшее образование имеют 52 % женщин. Необходимо отметить, что доля татарских женщин, имеющих выс-

шее образование (58 %) больше, чем среди представителей других этнических групп (50 % среди русских женщин и 51 % среди мордвов). Доля мужчин, имеющих высшее образование, среди опрошенных составила 40 % (в том числе среди 39,6 % русских, 39,5 % мордовских и 36,0 % татарских мужчин).

В большинстве семей опрошенных по-прежнему основным «добытчиком» является мужчина. Так считают 70 % семей, в том числе 67 % русских, 75 % мордовских и 78 % татарских. На женщин в этом качестве указали респонденты из 9 % русских, 6 % мордовских и 4 % татарских семей.

Абсолютное большинство респондентов (88 %) состоят в официально зарегистрированном браке. Самый большой процент семей, живущих в официальном браке, оказался среди татар — 96,8 %. Второе место по данному показателю заняли мордва (94,3 %), третье место — русские (84,3 %).

Большинство представителей всех этнических групп (74 %) считают, что женщина, выходя замуж, должна брать фамилию мужа. Согласно опросу, так поступает большинство (70 %) женщин.

Из общей доли опрошенных семей 75 % указали на наличие в них детей: 35 % семей имеют одного ребенка, 34 % — двух детей, 6 % — трех и более.

Ценности семьи уникальны. Большая часть из них воспроизводится и реализуется в основном в сфере брачно-семейных отношений. Например, всю глубину и полноту таких ценностей, как материнство, отцовство, детство, родство, человек способен понять и воплотить только будучи членом семьи. Вне семьи испытать эти ценности в полной мере ему не дано.

Совершенно необходимыми для создания семьи, по мнению опрошенных, являются (ответы ранжированы по степени убывания) любовь (81,5 %), высокий уровень доходов (53,7 %), согласованность семейных и личных планов (45,7 %), жилье (41,9 %). Существенной разницы в ответах супругов разных национальностей не наблюдается.

Опыт совместного быта и сексуальных отношений имеет значение для очень малой доли респондентов — 6,4 и 8,7 % соответственно. Татарские семьи данные позиции не выделяли. Характерным является то, что более четверти татарских семей отмечали необходимость общей культуры и уровня образования. Представители других национальностей (4,4 % русских и 5,7 % мордвы) практически не обращают на это внимания.

Согласно опросу, удовлетворенность своими семейными отношениями в той или иной степени выразили 85 % респондентов (48,3 % опрошенных выбрали ответ «вполне удовлетворены» и

36,6 % — «скорее удовлетворены»), причем мужская половина (93,5 %) удовлетворена больше этими отношениями, чем женская (81,6 %). Это объясняется тем, что, женщины предъявляют больше требований к себе, детям и своей семье и выражают чаще недовольство. К сожалению, как показывают исследования, современные мужчины реже бывают дома и меньше участвуют в воспитательном процессе.

В русских и мордовских семьях семейные отношения устраивают одинаково 84 % женщин. Что касается степени удовлетворенности другой половины семьи, то результаты практически одинаковые — 83,6 % русских и 87,3 % мордовских мужчин удовлетворены своими семейными отношениями.

Следует отметить, что в татарских семьях удовлетворены отношениями в семье 100 % мужчин и 96 % женщин. Как показывают наблюдения, татарские женщины более терпеливы и большинство воспитаны в традициях, когда мужчина — глава семьи и основной «добытчик», отсюда и число удовлетворенных этими отношениями, на наш взгляд, значительно больше.

Согласно исследованию, мужчины и женщины по-разному характеризуют семейные отношения. Так, мужчины дают более положительную характеристику и менее склонны к идеализации отношений в семье.

Рост профессиональной занятости женщин, определяемый не только экономическими, но и в значительной степени социально-психологическими факторами, значение которых имеет тенденцию к возрастанию по мере расширения образования женщин, оказал существенное влияние на регламентацию семейной жизни и брачных отношений. Это, в свою очередь, вызвало ослабление репродуктивной активности семей. Как показывают многочисленные исследования последних лет, в обществе распространенным является эгалитарный тип семьи; дифференциация труда между полами в общественной и семейной жизни исчезает, уступая место интеграции супружеских ролей и высокой степени их взаимозаменяемости. Поэтому становится актуальным вопрос о сочетании профессиональных и семейных обязанностей как для женщин, так и для мужчин.

Необходимо отметить, что эгалитарный тип семейных отношений является характерным для всех семей основных этнических групп населения республики. Уходит в прошлое жесткая патриархальная модель, определяющая разделение «мужских» и «женских» домашних обязанностей.

Ценности семьи зависят и от ряда других факторов: этнических и региональных обычаев, религии, значимости родства и т. д. Несомненно, весьма важен субъективный фактор: супруги сами

выбирают свои семейные ценности, ими определяется ход «борьбы» между индивидуальными и семейными, между семейными и общественными ценностями.

За последние годы наметилась тенденция к «христианизации» и «исламизации» семей. Из числа опрошенных практически все указали, что отмечают народные и религиозные праздники, такие как Рождество, Крещение, Пасха, Масленица (среди православных) и Сабантуй, Ураза-байрам и Курбан-байрам (среди мусульман).

Религиозные и национальные праздники поддерживаются представителями всех национальностей республики. Не только в сельской, но и в городской среде соседи охотно угощают друг друга традиционными национальными блюдами, приглашают друг друга в гости. Это возможно только в условиях дружеских отношений, которые сложились на протяжении тысячелетней истории гостеприимной Мордовии. Живя в полиэтнической культурной среде, человек становится толерантным, учится уважать традиции и ценности не только своей культуры, но и своих соседей, что, с одной стороны, ведет к взаимообогащению культур, а с другой — к утрате традиций, языка и ценностей той или иной этнической группы, ассимиляции этноса.

Таким образом, современную семью и семейные ценности в Мордовии отличает динамизм, поскольку на них оказывают влияние социокультурные условия. Воспринимая их, семья адаптируется и по возможности регулирует степень их воздействия с учетом своих интересов и потребностей. Это отражается в изменении положения семьи по отношению к материальным ценностям, традиционным и новым устоям, в разрешении конфликта между семьей и обществом, между индивидом и семьей.

Ф. А. Айзатов, Л. Ф. Айзатова
(г. Саранск)

ТЕОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Важной составной частью общей теории этноса является проблема систематизации этнических общностей, основанная на выявлении различных уровней этнической иерархии. На наш взгляд, в основе данной иерархии находятся процессы самоорганизации.

Для более подробного исследования проблемы этнических систем автором ниже рассматривается общая теория самоорганизующихся и саморазвивающихся систем (теория самоорганизации) через категориальный аппарат таковых, так как все этнические общности принадлежат к числу подобных систем и существуют согласно общим законам существования самоорганизующихся систем. Под самоорганизацией понимаются процессы спонтанного упорядочения, возникновения пространственно-временных или функциональных структур, протекающие в открытых нелинейных системах. Нелинейность означает необратимость и многовариантность эволюции, возможность неожиданных изменений темпа и направления течения процессов, наличие так называемых точек бифуркации, точек ветвления путей эволюции. Открытость системы предполагает ее обмен веществом, энергией, информацией с окружающей средой.

Система — это внутреннее (или внешнее) упорядоченное множество взаимосвязанных (или взаимодействующих) элементов. Элемент (или подсистема) есть относительно обособленная часть системы, связанная с другими ее частями, выполняющая определенные функции и не обладающая всем комплексом свойств целого. Элементы сложных систем, взаимодействуя между собой, порождают новое системное качество целого, внутри его и вне его обладают разными свойствами.

Внутренняя упорядоченность элементов в системе проявляется в комплексе законов, связей и взаимодействий между частями. Каждый закон выражает определенный порядок или тип связей между некоторыми явлениями, а связи определяют структуру элементов в системе. Структура системы выступает как совокупность внутренних связей между ее элементами, а также законов данных связей. Структурность — неотъемлемый атрибут всех существующих систем.

Понятия системы и элемента соотносительны. Всякая система может быть элементом еще большего образования, в которое она входит. Точно так же и элемент выступает в качестве системы, если учитывать его структурность, наличие более глубоких структурных уровней материи. Но эта соотносительность понятий не означает, что системы придуманы человеком для удобства классификации явлений. Системы существуют объективно, как упорядоченные целостные образования.

Границы современного знания о материи простираются от масштабов порядка 10^{-15} см («кern нуклона») до 10^{28} см (примерно 13 миллиардов световых лет). В этом диапазоне материя всюду обладает системной организацией.

Системы могут быть простыми и сложными. В специализированной философской литературе сложные системы называются большими. К ним относятся организмы, популяции, биогеоценозы, социальные объекты, в том числе этнические.

Большие системы имеют ряд новых характерных признаков. Они дифференцируются на относительно автономные подсистемы, в которых происходит массовое стохастическое взаимодействие элементов. Целостность системы предполагает наличие в ней особого блока управления, прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей.

Категории элемента и системы применительно к сложным самоорганизующимся системам обретают новые характеристики. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, возникает системное качество целого. Часть внутри системы и вне ее обладает разными свойствами. Так органы и отдельные клетки в многоклеточных организмах специализируются и в этом качестве существуют только в рамках целого. Будучи выделенными из организма, они разрушаются (погибают), что отличает сложные системы от простых механических систем (тех же механических часов, которые можно разобрать на части и из них вновь собрать прежний работающий механизм).

Причинность в больших самоорганизующихся системах уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму (в этом качестве он имеет лишь ограниченную сферу применимости) и дополняется идеями «вероятностной» и «целевой» причинности. Первая характеризует поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействий в подсистемах, вторая – действие программы самоорганизации как цели, обеспечивающей воспроизводство системы.

Сложные самоорганизующиеся системы можно рассматривать как устойчивые состояния еще более сложной целостности — саморазвивающихся систем, к числу которых относятся все этнические системы. Этот тип системных объектов характеризуется саморазвитием, в ходе которого происходит переход от одного типа самоорганизации к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни (так, например, этнос в процессе развития может перерасти в этническую целостность большего масштаба — в суперэтнос). Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложивши-

еся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые и относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти структуры выступают в функции программ поведения системы.

В сложных самоорганизующихся системах появляется новое понимание вещи и процесса взаимодействия. Вещь (система, в том числе этническая) предстает как самоорганизующийся процесс. В саморазвивающихся системах эти представления дополняются новыми смыслами. Традиционная для малых систем «акцентировка» (вещь как нечто первичное, а взаимодействие — это воздействие одной вещи на другую) сменяется «представлениями» о возникновении самих вещей (систем) в результате определенных взаимодействий. Процессуальность объекта (системы, в том числе этнической) проявляется здесь в двух аспектах: как самоорганизация и как саморазвитие.

Для всякой сложной системы, как правило, существует определенный набор возможных форм организации, дискретный спектр структур-аттракторов эволюции. Критический момент неустойчивости, когда сложная система (в том числе этническая) осуществляет выбор дальнейшего пути эволюции, называют точкой бифуркации. Вблизи этой точки резко возрастает роль незначительных случайных возмущений, или флуктуаций, которые могут приводить к возникновению новой макроскопической структуры. Структуры самоорганизации, обладающие свойством самоподобия, или масштабной инвариантности, называют фрактальными структурами.

Иначе говоря, освоение саморазвивающихся систем предполагает новое расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с «представлениями» о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика самоорганизации и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. Эту направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) форми-

руют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему (в том числе этническую) к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний.

Спектр направлений эволюции системы после возникновения аттракторов трансформируется, некоторые ранее возможные направления становятся закрытыми. Возникновение нового уровня организации (как следствия предшествующих причинных связей) оказывает на них обратное воздействие, при котором следствие функционирует уже как причина изменения предшествующих связей (кольцевая причинность).

В. В. Букарский
(г. Кишинев)

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГАРМОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Религиозный фактор играет все более значимую роль не только в России, но и во всем современном мире. Вторая половина XX столетия, параллельно с масштабной экономической и социальной модернизацией, ознаменовалась глобальным возрождением религии. Это явление, которое профессор и руководитель Центра ближневосточных исследований в Национальном фонде политических наук США Ж. Кепель назвал “La revanche de Dieu” («реванш Бога»)¹, охватывает почти весь мир. По мнению известного американского религиоведа Дж. Вайгеля, десекуляризация мира является одним из главных социальных факторов в конце XX в.

В докладе Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего» по Проекту—2020 делается неутешительный для атеистов прогноз, что в течение ближайших 15 лет религиозная идентичность, скорее всего, будет становиться все более значимым фактором самоопределения человека. При этом наряду с негативными последствиями, которые способен повлечь рост религиозного фундаментализма, подчеркивается позитивная роль религиозных организаций в создании социальной структуры, предоставляющей своим членам необходимые навыки для выживания в стремительно меняющемся обществе.

Поэтому при решении проблем России и других стран Русского мира (Святейший Патриарх Кирилл относит к ним, кроме России, Украину, Белоруссию и Молдавию²; на наш взгляд, сюда же следует включить Казахстан и Киргизию) необходимо в первую оче-

редь принимать во внимание религиозный фактор. Согласно всероссийскому опросу общественного мнения, в марте 2010 г. число православных верующих в России составило 75 %³. Таким образом, из числа всех верующих людей православными себя идентифицируют 81,5 %. Народы, традиционно исповедующие православие, составляют около 83 % населения России⁴.

Святейший Патриарх Кирилл, еще будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, в интервью екатеринбургской «Православной газете» совершенно справедливо отметил: «Мы должны вообще забыть этот расхожий термин „многоконфессиональная страна“. Россия — это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами. Потому что все статистики, которые проводятся в нашей стране, дают совершенно ясную картину наличия меньшинств и абсолютного православного большинства»⁵.

Роль Русской православной церкви в общественной жизни России прекрасно осознает российская власть на самом высшем уровне. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в ходе встречи с участниками Архиерейского собора 3 февраля 2011 г. подчеркнул: «Русская православная церковь является крупнейшим и наиболее авторитетным общественным институтом современной России»⁶.

Без опоры на Церковь государство не справится с насущными социальными проблемами. Одной из них является вымирание населения страны. «После 20 лет перестройки и реформ, наконец, обозначилась наша долгоискомая национальная идея: выжить бы... — отмечает известный богослов, протоиерей Андрей Кураев. — Те темпы, с которыми мы вымираем с 90-х годов по сию пору, позволяют предположить, что через два поколения нас уже не останется»⁷. Кроме того, он отмечает, что многодетные семьи в русском секторе имеются только у церковных людей: «На долю атеистов приходится 1,2 ребенка на семью. Это означает, что к концу столетия атеистов просто не останется: они вымрут как мамонты и тем самым докажут, что атеизм есть тупиковая ветвь эволюции. Размножаться атеисты не умеют»⁸. Именно Церковь последовательно выступает против аборт — этой формы узаконенного геноцида населения страны⁹.

Следующая не менее насущная проблема — растущее социальное расслоение в обществе. Индекс Джини (где 100 % — абсолютное неравенство населения) для Российской Федерации сегодня составляет 40 % (ср.: в Европе — 25 %, в СССР — около 20 %)¹⁰. Этот показатель способен рано или поздно привести к полномасштабному социальному взрыву, что мы и наблюдаем сегодня в самых разных странах мира.

Последовательно Церковь отстаивает защиту семьи и семейных ценностей. Именно семья является фундаментом любого здорового общества. Русская православная церковь решительно выступает против импорта в Россию западных технологий ювенальной юстиции, подразумевающих вмешательство государственных органов в мировоззренческую жизнь семьи, в методы воспитания детей, поощряющих «доносительство» детей на своих родителей¹¹.

Русская православная церковь последовательно отстаивает позиции социальной справедливости. «Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда выступает в защиту безгласных и бессильных. Поэтому она призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый — больного, трудоспособный — престарелого. Духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств»¹².

Церковь активно интересуется проблемами здравоохранения и биоэтики. «Проблема здоровья личности и народа не является для Церкви внешней, чисто социальной, ибо напрямую соотносится с ее посланничеством в мире, поврежденном грехом и недугами. Церковь призвана в соработничестве с государственными структурами и заинтересованными общественными кругами участвовать в выработке такого понимания охраны здоровья нации, при котором каждый человек мог бы осуществить свое право на духовное, физическое, психическое здоровье и социальное благополучие при максимальной продолжительности жизни»¹³.

Церковь, кроме того, активно осуществляет заботу о безопасности страны и общества, занимается окормлением духовным армией, правоохранительных органов, казачества. Во многих подразделениях вводятся должности военных священников. Эффективно действует Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, возглавляемый авторитетным священнослужителем протоиереем Дмитрием Смирновым. К сфере общественной безопасности относится и осуществляемая Церковью борьба с тоталитарными и деструктивными сектами.

И, наконец, следует отметить позицию Церкви по одной из наиболее актуальных общественных тем — по национальному вопросу, ставшему в последнее время предметом многочисленных спекуляций. Святейший Патриарх Кирилл ясно и недвусмысленно выразил свою позицию: «Россия может существовать только

как великое многонациональное государство, или она не сможет существовать»¹⁴.

Несмотря на то что Россия является многонациональной страной (хотя, по нашему мнению, корректнее было бы употреблять термин «полиэтническая страна», поскольку термин «нация» в международном праве отождествляется с государством, а на территории одного суверенного государства не может проживать несколько наций), подавляющее большинство народов, проживающих в России, традиционно исповедуют православие (русские, чуваша, мордва, удмурты, марийцы, осетины, якуты, коми и др.). Следовательно, православная идентичность, наряду с общероссийским патриотизмом, может служить мощным фактором национальной консолидации в России.

Таким образом, роль Церкви в гармонизации социальных отношений в современной России трудно переоценить. Российская власть понимает это. Единственное, в чем нуждается Церковь — это отсутствие препятствий в ее нелегком социальном служении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kepel, G. Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World / G. Kepel / University Park, The Pennsylvania State University Press, 1994. — P. 2.*

² См.: Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/750469.html>.

³ См.: Верим ли мы в Бога? [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ. — № 1461. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365>.

⁴ См.: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm.

⁵ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Россия — православная, а не многоконфессиональная страна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.orthodox-ural.ru/2002/42/a_russia.shtml.

⁶ См.: Дмитрий Медведев встретился с участниками Архиерейского собора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/10220/print>.

⁷ *Кураев, А. Для русских нет невыполнимых задач, поэтому сейчас надо решать главную — «выжить»!* [Электронный ресурс] / А. Кураев. — Режим доступа: <http://russian.kiev.ua/archives/2005/0504/050419wdt1.shtml>.

⁸ Там же.

⁹ См.: Церковь и Госдума объединяются против абортот [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/711234/>.

¹⁰ См.: Исследование: миллионеров в России недостаточно, средний класс отсутствует [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/06/02/3636277.shtml>.

¹¹ См: Протоиерей Всеволод Чаплин. Грани вмешательства. Ювенальная юстиция: позиция Церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1176964.html>.

¹² Труд и его плоды [Электронный ресурс] // Основы социальной концепции Русской православной церкви. — VI. — Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/vi/>.

¹³ Здоровье личности и народа [Электронный ресурс] // Основы социальной концепции Русской православной церкви. — XI. — Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xi/>.

¹⁴ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы в Донском монастыре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1801162.html>.

И. Л. Грошев
(г. Тюмень)

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Преподавание основ православной культуры в школе представляется церквью рассматривается как наиболее эффективный метод воспитания подрастающего поколения. Подобные проекты внедряются в средние и высшие учебные заведения, оформляются в некую завершенную пролонгированную систему. Однако сущность преподавания предмета «упирается» в его центральную идею: передачу православных ценностей молодым людям, и первым камнем преткновения является разнообразный этнический и национальный состав населения страны, что в итоге может нарушить права народов, придерживающихся другой системы ценностей и взглядов. Следовательно, введение нового курса независимо от опыта нарушает предписания Конституции РФ, которая провозглашает свободу вероисповедания, отсутствие давления на свободу выбора.

Другой важной проблемой внедрения религиозного воспитания молодежи через систему образования является чрезмерная ориентация на традиционность со стороны тех, кто работает над созданием программы преподаваемого предмета. Среди сторонников преподавания основ религиозного воспитания бытует мнение, что народ всегда формулировал задачу образования очень просто: научить ребенка жить так, как жили его предки много сотен лет. Таким образом, задача народного образования — ввести ребенка в жизнь традиций (духовной, научной, культурной, социальной), а также научить его жить в соответствии с этими традициями¹. Критика подобных положений рассматривается как стремление к

соответствию западной доктрине. Говоря о частном случае, православных традициях, необходимо заметить, что ритуализация некоторых аспектов жизни «выключает» человека из общественного производства, и это противоречит естественным требованиям времени, предъявляемым молодежи — мобильности и гибкости.

В американской практике, например, хорошо «отработаны» механизмы принятия решений о религиозных предпочтениях. Религия рассматривается с трех основных позиций: института, культурной составляющей и индивидуального выбора. В российской действительности такая градация является излишне укрупненной. Религию по отношению к обществу в целом в стране следует изучать в нескольких аспектах: историческом, культурологическом, социальном, политическом и морально-психологическом.

Рассматривая морально-психологический аспект, следует заметить, что молодежная среда обладает особыми свойствами, на которые необходимо обращать внимание при передаче нравственных основ с помощью религиозных практик. Центром по изучению религии и гражданской культуры Университета Южной Калифорнии при осуществлении исследовательского проекта «Прихожане: понимание религиозной идентичности в следующем поколении» было выявлено, что наиболее эффективным стимулом принятия устоев и положений религии является осознание молодым человеком значимости в сообществе через активную результативную деятельность².

Особого внимания заслуживают виды социальной деятельности, предлагаемые молодым прихожанам каждой религиозной организацией. Независимо от степени традиционности и консерватизма деноминации все они стараются вовлечь своих прихожан в деятельность, наиболее соответствующую возрастным и культурным характеристикам³. Вместе с тем организации не ставят перед собой цель привлечения молодых людей к непосредственному участию в жизни общины. Они не столь щепетильны и в отношении усвоения догм и канонов. Молодежь активно вовлекают в общественную деятельность, предлагаемую общиной, при этом задача представителей религиозных организаций — дать почувствовать каждому его значимость и в то же время принадлежность к «своему кругу».

Следует отметить, что в России приобщение к религиозным ценностям в рамках учебного предмета в школах и вузах, скорее, обесценивает веру в целом в глазах учащихся, превращает ее в очередное испытание на пути к окончанию учебного дня. Таким образом, предмет «Основы православной культуры» не только способствует росту напряженности в обществе, но и абсолютно не

соответствует поставленной перед ним цели: передаче культурных традиций и ценностей молодым людям.

Представители молодого поколения мыслят динамично и познают реальность интенсивнее через собственный опыт, чем через опыт других, даже обладающих авторитетом, людей. Поэтому молодому человеку необходимо чувствовать истинную принадлежность к единому целому, чему и должно уделяться наибольшее внимание⁴.

Однако желание приобщаться к религии и даже знакомиться с ее положениями из культурологических побуждений угасает по причине непродуманной политики церкви. Ярким примером тому является визит Патриарха в 2010 г. в Национальный исследовательский ядерный институт. Мероприятие было воспринято студентами (в лучшем случае) равнодушно, однако большое количество людей было недовольно им. Попытка церкви внедриться в учебный процесс в результате вылилась в показательную процессию и череду вопросов, которые были высмеяны на студенческом портале. Молодые люди устали от политики, поэтому «потемкинские визиты» не способствуют привлечению молодежи в лоно религии и усвоению традиционных ценностей, напротив, они создают предпосылки для организации атеистического движения и, как следствие, делают бесполезными дальнейшие попытки участия представителей церкви в жизни молодежи.

Церковь, проповедуя терпимость к людям и уважение, сама нарушает собственные заветы. В Московском инженерно-физическом институте символ молодых ученых — памятник «Дорогу осилит идущий» — был заменен на православный крест «внушительных» размеров⁵. Таким образом, церковь «похоронила» часть истории вуза. Отсюда в подсознании людей вырабатывается стойкая неприязнь ко всему, что связано с церковью и традиционной верой как таковой.

Необходимость в новом предмете как точечном воздействии на молодого человека явно отсутствует. Формирование личности, по мнению автора статьи, возможно только через комплекс сонаправленных, но разноплановых механизмов, а именно:

- знакомство с историческим наследием должно оставаться в учебном плане истории;

- изучение традиций и обычаев должно быть включено в курсы бакалавров и сохранено в школьной программе;

- церковь должна учитывать возможные последствия своих действий;

- следует максимально сокращать открытые политические акции с участием церкви;

— необходимо развивать деятельность, которая имеет за собой реальный результат и предполагает непосредственное участие молодых людей, возможность проявить себя и почувствовать себя среди «своих».

Именно через комплекс взаимосвязанных механизмов воздействия возможно быстрее пробудить интерес молодых людей к морали, духовности, чем обучая их положениям той или иной религии, которые пройдут мимо молодежи в виде непонятной учебной рутины. Необходимо помнить, что вера и традиционные ценности приходят к людям в зрелом возрасте, когда они готовы воспринимать мир в его сложных аспектах и функционировании. Стойкое противоречие между требованиями религии и жизненными обстоятельствами делает бесполезными усилия, направленные на ее продвижение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Заметки с третьих областных школьных Кирилло-Мефодиевских чтений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.samara.orthodoxy.ru/Smi/Npg/043_6.html#3.

² См.: Глуханюк, А. А. Молодежь и религия: опыт американских исследований / А. А. Глуханюк // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2009. — № 3 (65). — С. 82—91.

³ См.: Wallis, K. Cults in context: readings in the study of new religious movements / ed. by Lorne L. Dawson. — Toronto, 1996.

⁴ См.: Метлик, И. В. Религия и образование в светской школе / И. В. Метлик. — М.: Планета-2000, 2004. — 285 с.

⁵ См.: Заставь ректорат богу молиться... [Электронный ресурс] // Студенческий портал МИФИ. — Режим доступа: <http://www.mephist.ru/mephist/news.nsf/id/06A5285>.

М. А. Елдин
(г. Саранск)

ДИАЛОГ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ РУСИ И ФИННО-УГОРСКИХ ЭТНОСОВ ПОВОЛЖЬЯ (КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Важнейшей составляющей в решении задач современности является ознакомление с отечественными религиозно-культурными традициями, с реальными духовно-нравственными ценностями, наследованными современными гражданами России. Это способствует оптимизации и углублению современного процесса развития русской национальной культуры самосознания.

Православная юго-восточная часть Карелии уже в Средние века была районом, связывающим российских финно-угров с культурной сферой Византии, которую сначала представлял Новгород, а позже Москва. Духовно-нравственная направленность проповедей религиозных деятелей Руси была нацелена на укрепление народного духа, пережившего «шок» от потрясений XIII в. Именно в те кризисные годы происходило нравственное перерождение Руси, когда универсальные моральные ценности глубоко проникали в народное сознание, которое было «пробуждено» от духовного «око-стенения» великими подвижниками и проповедниками XIII—XIV вв. Как отмечено в исследованиях по истории духовной жизни поволжских народов, большое влияние на мордву в культурном отношении оказали древнерусские поселенцы X—XIII вв., спасавшиеся от феодалного гнета на местах своего прежнего местожительства.

С проникновением православного христианства на территорию мордовского края в социальных представлениях и культурных традициях возникает синкретизм — комплекс воззрений и взглядов, включавших как элементы язычества, так и христианства. Многие древнемордовские боги стали ассоциироваться с христианскими святыми, а моления (озксы) стали проводиться в дни православных торжеств. Гибкая политика российского правительства привела к крещению десятков тысяч мордовского населения Поволжья. Однако принятие христианства происходило формально. Принимая православие, мордовские крестьяне продолжали молиться своим богам. В результате возникало сложное идеологическое явление — христианская религия «накладывалась» на древнюю языческую, видоизменяя ее. Складывался весьма своеобразный симбиоз, своего рода новая религия. Под влиянием христианства произошла трансформация мордовской мифологии. Как отмечает В. А. Юрченков, «на смену патриархальному Чам-пазу пришел великий творец Инешки-паз, подобный библейскому Саваофу»¹.

В русском обществе «вызревали» тенденции мирной христианизации мордвы и ненасильственного утверждения «веры христовой» в мордовском крае. Они «просматривались» и в действиях правительства, которое понимало, что насилие порождает ответное насилие. Российская традиция христианской морали оказала существенное воздействие на духовную культуру поволжских народов, сформировала их ментальные особенности психологии и социального быта.

Традиционные духовные ценности общественных отношений народов Поволжья основывались на присущих большинству семей других народов самобытности, прочности, родственной люб-

ви, теплоте отношений между всеми ее членами, общности духовных интересов. Жить в согласии — вот принцип, которым руководствовалась мордва в семье и во взаимоотношениях с миром. Он нашел свое воплощение в устно-поэтическом творчестве, в социальной культуре, менталитете мордовского народа.

«В характере мордвы невольно наблюдается какое-то горделивое спокойствие, порядочность и сдержанность, полная сознания своего собственного достоинства и чуждая всякого рода выходов, резкостей, крайностей»², — писал русский этнограф Н. Н. Оглобин в конце XIX в. Это высказывание о мордовском характере представляется во многом верным и сегодня. В современной научной и художественной литературе, прямо или косвенно рассматривающей специфические национальные качества мордвы, можно выделить ряд наиболее часто встречающихся характерных черт, подтверждающих вышеприведенное мнение. К ним, как правило, относят традиционность, настойчивость, упорство, спокойствие, умеренность, уравновешенность и т. д.

Таким образом, основной задачей при рассмотрении мировоззренческих оснований этнокультурного развития российских регионов следует считать структуру нравственного сознания и общественного уклада, господствовавшего в тех или иных традиционализмах: тюркского или финно-угорского плана. Важной составляющей духовной жизни россиян был аспект нравственной философии и семантики языка, что было немаловажным при распространении общероссийской парадигмы общественного сознания.

Проблема сужения духовных смыслов жизни современного человека, обеднения его языкового сознания привела к утрате широкого спектра значений таких слов, как «нестяжание», «человеколюбие» и др. Большинство из этих значений сложилось в контексте духовно-религиозной литературы под сильным влиянием восточно-христианской религиозности и популярной греческой философии, обусловивших общее понимание мудрости в духе христианского благочестия.

О конце XX в. принято говорить как об эпохе, разрушившей веками строившуюся в человеке и обществе систему ценностных ориентиров, поставившей под сомнение тот мир смыслов, в создании которого не последнюю роль сыграло христианство и который пытается полностью заменить окружающий нас мир вещей и общество потребления.

Ход мировой истории поставил под сомнение гуманистические идеи. Пытаясь осмыслить происходящее, русские философы полагали, что человечество является свидетелем завершения целого этапа человеческой истории, Нового времени. Его крушение — следствие веры в то, что человек самодостаточен, а история тво-

рится без участия высших нравственных ценностей. Мыслители России полагали, что общее крушение было связано с неверной интерпретацией гуманизма, предложенной Новым временем.

В настоящее время формально гарантированный «ноевропейский» культурный плюрализм не учитывает последовательности развития российской цивилизации как уникального континуума духовной эволюции народов определенной территории, религиозной жизни и образования россиян. Однако современные российские народы и сегодня хранят примеры той давней и крепкой связи, которая всегда была характерна для отношений советской эпохи. Переняв более десяти веков назад духовную традицию равноправности различных народов в едином социокультурном пространстве от Руси и Византии, Россия никогда не отрекалась от этого духовного родства и в XX—XXI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юрченков, В. А. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории / В. А. Юрченков. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. — С. 303.

² Оглоблин, Н. Н. В мордовском краю / Н. Н. Оглоблин // Маторова. — 2000. — 10 апр.

В. В. Красулина
(г. Ногинск)

НЕКОТОРЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Предпринимательство — это деятельность, направленная на достижение прибыли посредством производства товаров и предоставления услуг, необходимых обществу в лице различных частных потребителей, а также способных конкурировать с аналогичными товарами и услугами, предлагаемыми другими производителями.

Предприниматель не может не считаться с социальными, в том числе нравственными нормами, принятыми им поведенческими образцами культуры. Неотъемлемой составной частью нравственных норм являются нормы конфессиональные (религиозные). При этом в традиционном обществе степень «включенности» рынка в социальные и культурные нормы, объем побочных социально-культурных условий, при которых работает система цен, значитель-

нее, чем в обществе современного капитализма. На тесную связь предпринимательской деятельности, бизнеса и нравственности в свое время указывали А. Смит, М. Вебер, С. Н. Булгаков и многие другие представители экономической теории, социологии, философии.

Индивидуализм как личностное качество предпринимателя неотделим от свободы как условия его реализации. Предпринимательская свобода — это возможность действовать, закрепленная законом и реально обеспечиваемая на деле для любого гражданина. Это возможность предпринимать любые (за исключением строго определенных в законе случаев) действия в любой сфере по собственной инициативе, на свои средства, на свой страх и риск без специального на то разрешения властей разного уровня. Она формировалась веками в культуре различных народов мира. При этом российский вариант свободы всегда существенно отличался от европейского.

В России исторически сложился особый уклад экономики, обусловленный как географическими, конфессиональными факторами, так и особенностями формирования русской нации и ее культуры. Прежде всего следует отметить, что геополитический фактор заставлял государство активно вмешиваться в экономику, в связи с чем в России традиционно сложился приоритет государственной экономической инициативы над частной, сформировалось устойчивое неприятие предпринимательства как источника нетрудовых доходов. По сравнению со странами Запада процесс хозяйственного раскрепощения России затянулся.

Хозяйственная деятельность в России во многом складывалась и регулировалась в рамках православия, его нравственной доктрины и культуры. Целью труда в XVII—XIX вв. считалось, с одной (политической) стороны, существование человека (обеспечение жильем, пропитанием и т. п.), а с другой (нравственной) стороны, средство воспитания и формирования личности. Однако целостной концепции связи религиозных постулатов и смысла, содержания труда, отношения к собственности, т. е. влияния на экономику, в православии выработано не было.

В истории России преуспевающее купечество в значительной мере было связано со старообрядчеством, которое было широко распространено в среде торгово-промышленного сословия и оказало значительное влияние на формирование хозяйственной этики русского купечества. Идея созидания нашла развитие в признании высшего религиозно-этического смысла личного труда. По свидетельствам современников, сторонников старообрядцев отличала исключительная честность и педантичность в ведении дел. Именно с традиционно православным мировосприятием, которое

сохранялось старообрядцами, связывалось, например, формирование «русского хозяина» как особого нравственно-психологического типа. В качестве отличительных особенностей «русского хозяина» можно выделить черты глубокой религиозности и особое сознание своей миссии в мире, проявляющейся в высокой профессиональной гордости, потребности осуществлять благотворительную деятельность и противостоять любым разрушительным тенденциям в обществе.

Старообрядцы отстаивали свое право следовать патриархальным правилам в устройстве семейного уклада. «Домострой» со своими четкими и ясными требованиями, не оставляющими места лени, праздности, неуважению к старшим и т. п., управлял жизнью семьи старообрядцев. Их семьи отличались простотой и суровостью взглядов, связанных с безоговорочным подчинением родительской воле. Женитьбу и замужество по «заведенному» укладу в первую очередь следовало подчинять «пользе дела» с целью объединения капиталов.

Этическими нормами были бережливость, удивительное трудолюбие, отвращение к пустым забавам и развлечениям, аскетизм в быту, осторожность и расчетливость в делах, приверженность к строгости и простоте в одежде и питании. Исследователи особо подчеркивают развитые в среде старообрядцев отношения доверия, взаимовыручки и поддержки. Причиной формирования и упрочения этой этической нормы явилось то, что в стране были притеснения, направленные против старообрядчества и всех старообрядцев, невзирая на их богатство.

Возвращение православия в жизнь русского народа во многом связано с его отношением к частному предпринимательству, земным благам, развитию экономики. Принимая на Архиерейском соборе в августе 2000 г. Основы социальной концепции, Русская православная церковь не только выразила свою позицию по отношению к жизненным проблемам общества, но и обозначила сектор ответственности православия как духовной силы и культуры, выстроила ориентиры в четких ценностных координатах как для верующих, так и светского населения. Учет и использование конфессионального фактора современными предпринимателями существенно оптимизирует процесс нравственной детерминации их деятельности.

Т. А. Мешкова
(г. Саранск)

ЗНАЧИМОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Наша страна является полиэтническим, поликультурным и поликонфессиональным обществом, в котором всегда существует потенциальная возможность возникновения конфликтов на этнической почве. Хотя процесс глобализации и стирает формальные границы между государствами и национальными республиками, он не влечет за собой объединение всех близко находящихся этносов.

Проблемами межэтнических отношений занимаются представители многих наук: культурантропологии, политологии, социологии, экономики, истории, психологии. Межэтнические отношения находят свое выражение не только в непосредственных отношениях между группами (соперничестве и сотрудничестве), но и представлениях о них — от позитивных образов до предрассудков. Важными факторами возникновения межэтнических отношений являются государственная политика, глобализация и информатизация общества, которые, в свою очередь, оказывают влияние на формирование не только межэтнического самосознания, но и положительных или отрицательных этнических стереотипов.

Мордовия является одной из республик Российской Федерации, где проживают люди разных национальностей — русские, мордва, татары, чуваша и др. Каждая этническая группа уникальна в своем роде. На национальное самосознание мордвы оказало большое влияние историческое прошлое, в частности героическое поведение, а также другие этносы, прежде всего русский. С распространением межэтнических браков и других форм взаимодействия уникальность мордовского народа начала постепенно утрачиваться. Отношение к собственной этнической общности, проявляемое в этнических аттитюдах у мордовского народа, является неоднозначным, так как часть его представителей пытается скрыть свою этническую принадлежность.

Изучение психологических особенностей мордовского народа (темперамента, характера, познавательных процессов и т. д.) связано с изучением культуры данного этноса, поскольку она существует и функционирует в пространстве межличностных и межэтнических отношений. Разработка данной проблемы может способ-

ствовать восстановлению позитивного восприятия своей этнической общности у мордовского народа и гармонизации межэтнических отношений в целом, уменьшению конфликтов (как межличностных, так и межгрупповых) на фоне этнической принадлежности и повышению этносоциального статуса мордовского народа в новой социальной реальности, сопряженной с ростом чувства самоуважения и сохранения данной народности в целом.

О. В. Мизонова
(г. Саранск)

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН И РУССКОЕ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Для переломных эпох характерна определенная направленность чувств на новые социально значимые явления. Очень часто кризисные процессы, происходящие как на современном этапе, так и в истории нашего общества, заставляют производить мощную переоценку ценностей.

Еще в Библии была отмечена амбивалентная сила проявления моральной ценности для общества. В русском религиозном сознании отношение общества к духовности выражалось как величайшее общественное достояние. Многие отечественные исследователи в своих работах справедливо пишут о стремлении русских жить в согласии с идеалом. Антиномичность русской души в любовной сфере рассматривается как проявление определенного душевного архетипа женственности, стихийного, природного начала, характерного для духовного склада народа. Акцент на взаимосвязь опыта и будущей деятельности выводит на важнейшую в теме ценностей проблему интериоризации ценностей в процессе социализации молодежи, так как ставит в непосредственную зависимость направленность будущей деятельности, исходящей из ценностных установок, от качества усвоения ценностных систем прошлого.

Изменение иерархии в отношении указанных ценностей может свидетельствовать о том, что в современных условиях необходимость самостоятельно обеспечивать себя и свою семью, а следовательно, рассчитывать на свои силы и профессионализм для женской части населения становится все более актуальной и начинает четко ею осознаваться. С. И. Голод справедливо отмечает в этой связи: «Важное место в духовном мире человека занимают пере-

живания... Эти переживания, поступки и отношения, обусловленные ими, будучи областью наиболее интимных, часто индивидуальных явлений, оказываются в то же время под воздействием исторически видоизменяемого нормативного регулирования»¹.

С нравственно-духовной точки зрения данный процесс важен тем, что в ходе приложения социальной активности к социальному действию происходит актуализация ценностей человека и освоение других нравственных ценностей, присущих данной социальной культуре. Духовно-нравственное воспитание является важным звеном в становлении личности подростка, его самосознания. Оно конструирует социальные представления и ценности. Важным аспектом в указанном плане является обращение к традиционным этическим установкам российской системы общественного уклада.

Устранил ли эти различия и противоречия новая эгалитарная модель, предлагаемая современному российскому обществу? Для этого нужно прежде всего, чтобы она нашла свое воплощение не только в Конституции РФ, но и в действующем семейном законодательстве, в социальной политике, наконец, в процессе воспитания детей. В таких условиях традиционная нравственная структура ценностей воплотилась бы в новой идеологии социализации и семейной практике.

В последнее время вопрос о социальной значимости нравственных ценностей в стране приобретает все большее значение. В первую очередь это обусловлено негативными последствиями морального кризиса, который поразил современное российское общество. В конце XX в. в России столкновение тенденций к криминализации общества и его преобразования путем жестких насильственных мер в соответствии с социальными утопиями достижения индивидуального блага породили прежде всего апатию и аморализм в ментальных структурах современного российского общества. Другой существенный симптом нашего времени — это переживаемый нами распад того, что принято называть общегосударственным самосознанием, уход в прошлое мессианских идей. В настоящее время очень мало молодых людей разделяют тезис о вселенском значении российской культуры и, напротив, происходит распространение этнонационалистических идей.

В этой связи следует отметить неоднозначные последствия западническо-либерального воздействия на традиционную систему ценностей российского социума. Проводимые с 1991 г. социально-политические и экономические преобразования в России латентно или открыто способствовали внедрению новой системы ценностей: индивидуализма, потребительства, рациональной рас-

четливости, что значительно шло в разрез с традиционными русскими ценностными идеалами: соборности, человеколюбия, нестяжательства, всеоткрытости и др. В то же время этатистские подходы по тотальному контролю личной жизни в советский период не могли не сказаться на моральном сознании россиян, когда устоявшиеся веками представления о межличностных отношениях были нивелированы, а расхождение реального поведения и декларируемых установок приводило к отторжению «морали двойных стандартов».

За годы реформ произошел глубокий кризис российской нравственной культуры, а также дегуманизация многих социальных ценностей, среди которых особое место занимает любовь. И как следствие этих проблем является падение нравов и отсутствие моральных механизмов выхода из кризиса. Психозы современного человека вызваны его ложной жизненной ориентацией. Э. Фромм определяет ее как непродуктивную с различными модусами. В качестве таковой он рассматривает эксплуататорскую, накопительскую, рыночную и рецептивную ориентации². Такая психология потребителя рождает деструктивное отношение к миру, что представляет собой извращенное отношение к миру. В основе такого отношения лежит убеждение, что человек не может прожить, используя свои возможности, что все, в чем он нуждается, должно быть представлено кем-то, а ответственность за его жизнь лежит на других. Э. Фромм определяет такую деструктивность как энергию «непрожитой жизни»³. На путях преодоления традиционной основы межчеловеческих отношений и усвоения новых стандартов поведения в качестве нормальных человек становится невротиком. Для самозащиты он прибегает к разного рода ухищрениям, которые лишь запутывают его следы в мире и сами, в свою очередь, порождают новые страхи. Прежде всего он пытается укрыться от своих страхов в любви, в дружбе, привязанности к другим людям, в браке, любовных связях. Но пребывая во власти непобежденных инстинктов, а также духа соперничества, общей раздражительности и враждебности в обществе, имея целью жизни получение удовольствия и будучи неспособным к принесению каких-либо жертв, он разочаровывается в браке, в дружбе и любви как таковой: можно сказать, что современный человек не умеет любить.

Как отмечает К. Хорни, «вследствие неосознанного влияния тревожности... происходит возрастание сексуальных потребностей»⁴. Не имея преграды в интимной жизни, современный человек погружается «в пучину разнузданности», не подозревая, что он использует свою сексуальность как средство ослабления тревоги. Ему начинает казаться, что интимные отношения — это единственный путь установить человеческий контакт.

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. тема нравственного содержания духовности общества получает глубокое осмысление в русской философии. Ей посвящают свои труды В. Соловьев, И. Ильин, В. Розанов, С. Булгаков, С. Франк и другие. При всем многообразии концепций и течений можно выделить определенный содержательный аспект, который придает ей целостность. Крупнейшие русские мыслители в своих теоретических построениях стремятся выразить идею всеединства, исходя из которой мир предстает как мистическая целостность, объединенная силой духовности.

Таким образом, именно в области нравственной культуры существует возможность обрести те идеи нравственности и единения общества, которые исконно питали русскую духовность (как в старину говорили, «душу России»), формировали российскую специфику развития культуры и народного самосознания. Многовековая связь отечественной нравственной культуры с русским духовным наследием определила следующие специфические черты духовной ситуации в современном российском обществе: 1) двойственный коллективизм, подразделяющийся на общинный коллективизм (общинность) в отношениях между ближними (прежде всего в трудовых) и тот «объединяющий» коллективизм в отношениях между дальними (гражданские отношения), что особенно проявляется при экстраординарной обстановке (войнах, катастрофах и т. д.); 2) способность уживаться с другими народами, их идеями и системами ценностей; 3) поиск «справедливого порядка» в общественных связях; 4) понимание труда как служение народу, стремление к равенству; 5) приоритет духовных ценностей над материальными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голод, С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов / С. И. Голод. — Л. : Знание, 1990. — С. 3.

² См.: Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. — СПб. : Азбука, 2001. — С. 61—65.

³ Там же. — С. 95.

⁴ Хорни, К. Невроз и развитие личности / К. Хорни. — М. : Смысл, 1998. — С. 30.

К. М. Романов, И. С. Осипова
(г. Саранск)

ВЫРАЖЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МОРДВЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕНИИ*

Выражение психического состояния, по нашему мнению, является одной из важнейших функций общения и одновременно одной из личностных потребностей человека. Она актуализируется в личностно значимых ситуациях и выражается в актах представления Другому (Другим) содержания собственной психической жизни (мыслей, чувств, эмоциональных переживаний, сомнений, желаний и т. п.), которые ориентированы на получение подтверждения и принятия со стороны Другого (Других).

В своей жизни человек может использовать как вербальную форму выражения психического состояния (устная и письменная речь), так и невербальную (оптико-кинетическая система, пара- и экстралингвистическая, пространственно-временная организация и др.).

Выражение психического состояния человека в общении лишено всякого смысла, если нет адекватного понимания со стороны Другого (Других), поэтому вербальная форма сознательно выбирается человеком чаще, чем невербальная, кодировать и декодировать которую значительно сложнее. Прежде чем выразить свое состояние, субъект сначала должен сам понять его, а значит назвать. В том случае, если он не располагает соответствующим понятийным аппаратом, это значительно осложняет решение задачи его понимания и последующего выражения.

В процессе выражения психического состояния можно выделить две стадии — подготовительную и основную. На подготовительной стадии осуществляется поиск значимого Другого, привлечение и переключение его внимания на психическое состояние субъекта с помощью различных вербальных и невербальных приемов. На основной стадии субъект непосредственно или опосредованно выражает свое состояние и ожидает подтверждения со стороны Другого (адресата).

Особый интерес для нас представляют особенности выражения психического состояния мордвы в традиционном общении, изучение которых весьма актуально, особенно с возросшим интересом к проблематике финно-угроведения в нашей республике, стране и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Выражение и понимание психического состояния человека в общении» (№ 11-16-13001а/В).

мире. Теоретический анализ литературы, посвященной фольклору, обычаям и традициям мордовского народа, а также анализ словаря эрзянского языка позволили нам сформулировать следующие выводы.

1. В словаре эрзянского языка нами были выделены 90 слов и выражений, используемых для обозначения психических состояний. Первоначально мы предположили, что данное обстоятельство можно объяснить слабостью потребности в выражении психических состояний, ведь в других языках (например, русском, финском и др.) их насчитывается гораздо больше. Кроме того, исследователи отмечают сдержанность мордвы в выражении собственного внутреннего мира. На сегодняшний день, по нашему мнению, это можно объяснить конкретно-образной формой выражения психических состояний мордвы в традиционном общении (использование бытовых образов, образов природы, а не понятий). Некоторые состояния не были найдены нами в словаре еще и потому, что для их обозначения мордва применяет словосочетания. Например, нежность в дословном переводе с эрзянского языка — это тепло сердца.

2. Мордва традиционно использовала богатый и разнообразный арсенал средств невербального общения для выражения психических состояний. Рассмотрим его на примере похоронных причетов, одежды и танца.

Как отмечают Л. Б. Бояркина и Н. И. Бояркин в работе «Музыкальное искусство», неповторимой отличительной особенностью музыкального стиля похоронных плачей мордвы является интонирование плачевных напевов в каждый традиционный момент похоронного обряда в особой гамме тембровых и динамических оттенков и в особых регистрах. С наступлением смерти близкого человека родные начинали исполнять протяжные вопли отчаяния в высоком регистре наиболее напряженно. Этот момент плача называли «крик о смерти» («куломада ранкстама»). Последующий плач вопленицы исполнялся в низком регистре мягким грудным и приглушенным тембром, прерывался горестными всхлипами и представлял собой рассказ о смерти. В наиболее драматические моменты обряда напев плача вновь интонировался в высоком регистре. Причеты исполняли с такой эмоциональной силой, чтобы оказать максимальное воздействие на всех присутствующих и заставить их плакать. Таким образом, для выражения собственных состояний использовались средства пара- и экстралингвистические.

Интересно, что традиционная мордовская одежда также выступала средством выражения собственных психических состояний. Например, наглядным доказательством любви девушки к юноше

являлось дарение ему отдельных элементов одежды (головной платок, рубаха, пояс). Как объяснение в любви расценивалось стремление парня присвоить во время посиделок какой-либо предмет одежды понравившейся девушки.

Мордовский народ с древнейших времен через пластику танца выражал многообразие чувств, отмечает А. Г. Бурнаев в книге «Мордовский танец (история, методика, практика)». Пляска мордвы резко отличается от пляски русских. Для русского танца характерны быстрота плясовых темпов, легкость прыжка, скачка, стремительные движения рук и верхней части туловища, высоко поднятая голова, вихревые вращения, присядки и пр. Пляска мордвы медлительна, отличается сдержанной, твердой поступью, характерным для каждого движения статичным положением рук, гордо поднятой головой и прямой осанкой. По мнению А. Г. Бурнаева, скромность девушки проявляется не в склоненной голове и застенчиво опущенных глазах, как в русском танце, а во внутренней собранности. Черты характера мордвы — бескомпромиссность, доходящая до щепетильности, настойчивость и упорство — передаются и в национальном танце.

3. Традиционно мордовский народ предпочитал сложные (закрытые) способы выражения психического состояния. Чаще всего использовался способ выражения через подставное лицо, вернее, через подставной объект, в качестве которого могли выступать животные, растения, элементы одежды или обуви.

На сайте «Наследие финно-угорских народов» в разделе «Литературные песни» отмечено, что земные радости и любовные чувства молодых людей в мордовской поэзии передаются не открыто, а зашифровано, чтобы не разгневать дедов, не осквернить их обычаи. Любовь в песнях изображается то через сны, то через сравнение с птицами, зверями и растениями.

В мордовском фольклоре, отмечает Т. А. Шигурова в работе «Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах», очень часто при выражении сильных эмоций (и любви в том числе) используются сопоставительные конструкции с упоминанием традиционных элементов одежды. Так, в мокшанской песне поется о девушке, выданной за молоденького мальчика:

Мужниной ласки не видела Вара,
Мужниных лаптей не обувала она,
Мужниных лаптей не изнашивала.

В заключение следует отметить, что в некоторых особо критических ситуациях человек, даже обладая мастерством в выражении психических состояний (умело используя вербальные и невер-

бальные способы), не способен полностью удовлетворить свою потребность в выражении эмоциональных переживаний. Так, знаменитая мордовская вопленица К. Мамонова говорила: «...сколько, бывало, не плачешь, а все остается...»

Л. В. Рожкова, Г. Б. Кошарная
(г. Пенза)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Гражданство чаще всего определяется с юридической точки зрения как устойчивая правовая связь между индивидом и государством, выражающаяся в наличии взаимных прав и обязанностей. Это понятие описывает формальное отношение между государством и индивидами. На практике гражданство воплощается во множестве взаимодействий между индивидами, их ассоциациями, которые протекают в определенной социальной среде. Поэтому гражданство, по мнению О. Ю. Малиновой, «имеет смысл рассматривать не только как правовой статус, но и как совокупность институционализированных социальных практик, осваиваемых носителями гражданского статуса. Вместе с тем гражданство способно выступать и как особая идентичность, связанная с членством в политическом сообществе, которая при определенных обстоятельствах может противопоставляться другим идентичностям (классовым, расовым, этническим, религиозным, гендерным, профессиональным и др.) или дополнять их»¹.

Результаты авторского исследования (студенты вузов Пензенской и Ульяновской областей, республик Мордовия и Татарстан, 2010 г., выборка квотная, $n = 1\,254$) показали, что для студенческой молодежи быть гражданином России означает иметь гражданские права и нести обязанности (так ответили 52 % респондентов). 43 % опрошенных отметили, что нужно любить свою родину, быть патриотом России. По мнению 39 % респондентов, быть гражданином — значит знать историю страны и гордиться ее достижениями. Вариант ответа «быть гражданином по паспорту» выбрали только 26 % респондентов.

В соответствии с данными, представленными Л. М. Дробижевой, около 70 % респондентов считают, чтобы быть настоящим россиянином, нужно чувствовать ответственность за судьбу страны и быть патриотом России². В более позднем исследовании,

проведенном под руководством Л. М. Дробижевой, на вопрос «Что значит быть россиянином?» был добавлен вариант ответа «чувствовать ответственность за страну». Его выбрали 88 % респондентов по всему массиву, свыше 90 % — в Калининградской, Свердловской, Томской, Воронежской областях, свыше 80 % — в Саратовской области, Приморье. Свыше 90 % респондентов в Воронежской, Калининградской, Саратовской и Свердловской областях, около 80 % в Приморском крае и более 80 % в Томской области придерживаются мнения о том, что важно быть российским патриотом, любить Россию. При этом более 60 % респондентов во всех регионах считали, что рассматриваемые характеристики очень важны. Патриотические чувства, по мнению Л. М. Дробижевой, — это эмоциональный компонент идентичности. «Конечно, вряд ли кто-то любит у нас государственные институты, чаще их критикуют, а реально к ним проявляют большую или меньшую лояльность. А вот любить можно страну, людей, поэтому этот индикатор можно интерпретировать как эмоциональный элемент именно гражданской идентичности»³.

По результатам авторского исследования, студенты, придерживающиеся модернизационных ориентаций, в большей мере, чем те, кто следует традиционным убеждениям, считают, что быть гражданином России означает быть им по паспорту (32 % «модернистов» против 25 % «традиционалистов»), проживать в России (38 % против 30 %). Студенты-«традиционалисты» чаще выражают мнение, что нужно быть патриотом России (48 % «традиционалистов» против 34 % «модернистов»), защищать государство (24 % против 19 %), исполнять законы (37 % против 31 %). Варианты ответа «иметь гражданские права», «знать историю, гордиться родиной» и «нести ответственность за судьбу страны» получили практически одинаковую поддержку и у «традиционалистов», и у «модернистов».

Различие взглядов на понятие гражданства в зависимости от национальной принадлежности опрошенных практически не просматривается. Исключение составляют два параметра: альтернативу «быть патриотом, любить Россию» выделили 46 % студентов русской национальности и 36 % татарской, а вариант ответа «знать историю страны, гордиться ее достижениями» отметили 42 % русских студентов и 35 % студентов-татар.

Различаются взгляды студенческой молодежи в зависимости от типа поселения, где проживали студенты до поступления в вуз. Так, доля студентов, выбравших варианты ответа «быть гражданином по паспорту» (с 45 % студентов из мегаполисов до 18 % из поселков), «проживать в России» (с 36 до 30 %), «нести ответ-

ственность за судьбу страны» (с 20 до 12 %) по мере сокращения численности жителей в населенном пункте уменьшается. Понимание ими гражданства в значении «иметь гражданские права» (с 41 % студентов из мегаполисов до 56 % студентов из поселков), «быть патриотом, любить Родину» (с 32 до 51 %), «исполнять законы» (с 20 до 38 %) повышается по мере уменьшения населенности поселения. Полученные данные показывают, что имеются достаточно существенные различия взглядов городских и сельских жителей на понимание гражданства. Жители мегаполисов и крупных городов отдают приоритет классическому пониманию гражданства: быть гражданином по паспорту, проживать в России; жители небольших населенных пунктов в первую очередь считают, что быть гражданином — значит быть патриотом, любить родину.

По мнению 58 % женщин и 46 % мужчин, быть гражданином — значит иметь гражданские права и нести гражданские обязанности. Вариант ответа «исполнять законы России» женщины (38 %) выбирали чаще мужчин (28 %). В то же время 25 % мужчин и 14 % женщин отметили, что быть гражданином — значит защищать государство.

Результаты исследования выявили зависимость взглядов студентов на значение гражданства России от степени их успеваемости. 52 % студентов, которые учатся на «хорошо» и «отлично», и 43 % студентов, которые учатся с трудом, сказали, что для них быть гражданином России — значит иметь права и нести обязанности. Гражданство связывают с патриотизмом в большей степени студенты, которым учеба дается с трудом (53 % респондентов), и в меньшей степени студенты, которые учатся средне (40 %). Также вариант ответа «защищать государство» больше выбирали студенты, которым учеба дается с трудом, — 26 %. Придерживаются точки зрения о том, что необходимо исполнять законы, 36 % отличников и 21 % тех, кто учится с трудом. Альтернатива «знать историю страны, гордиться ее достижениями» также больше свойственна студентам-отличникам (41 % против 28 %).

Варианты ответа «проживать в России» (30 % первокурсников и 44 % пятикурсников), «иметь гражданские права и обязанности» (50 % первокурсников и 47 % пятикурсников) являются наиболее выбираемыми студентами по мере возрастания курса обучения. Варианты «быть патриотом» (53 % первокурсников и 32 % пятикурсников), «знать историю страны, гордиться ее достижениями» (46 % первокурсников и 31 % пятикурсников) чаще отмечали студенты первых курсов: по мере увеличения курса происходит уменьшение количества студентов, выбравших эти варианты

ответа. Полученные данные свидетельствуют о снижении ценности патриотизма в сознании молодежи современной России. Вместе с тем патриотизм представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, одно из главных условий эффективности функционирования системы социальных и государственных институтов; вершиной же патриотического воспитания является осознание себя гражданином России.

В рамках исследования предполагалось также оценить взгляды на значение гражданства России в срезе разных регионов. Студенты из Пензенской области (38 %), Республики Мордовия (37 %), Татарстана (37 %) и Ульяновской области (28 %) отметили, что быть гражданином — значит проживать в России. Вариант ответа «нести гражданские права» в меньшей степени выбрали студенты из Ульяновской области (ср.: 58 % — студенты из Мордовии). Патриотизм как признак гражданства в наименьшей мере отметили студенты из Татарстана — 37 % (ср.: в Ульяновской области — 50 % студентов). Вариант ответа «знать историю страны, гордиться ее достижениями» выбрали 44 % студентов, проживающих в Пензенской области, и 34 % — в Республике Татарстан. Таким образом, широкого понимания гражданства (наличие прав и обязанностей, соблюдение этико-моральных правил, которые определяют истинного гражданина, патриотизм, ответственность за судьбу страны) больше всего придерживаются студенты, обучающиеся в вузах Пензенской области. Студенты из Татарстана понимают гражданство в строго юридическом смысле, не связывая его с патриотизмом, знанием истории и гордостью за достижения России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малинова, О. Ю. Гражданство, права человека и изменчивые векторы модернизации [Электронный ресурс] / О. Ю. Малинова. — Режим доступа: <http://www.pgpalata.ru/reshr/grow/09.shtml>.

² См.: Дробижеева, Л. М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе [Электронный ресурс] / Л. М. Дробижеева // Официальный сайт ИС РАН. — 2008. — Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=908>.

³ Там же.

В. В. Французов
(г. Саранск)

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СЕМЬЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В процессе идентификации этнокультурных норм наибольшее значение имеет язык, который, будучи фактором общетнической идентичности, отражается в ней в качестве культурных представлений об этническом языке. В связи с этим представляется логичным рассмотреть понятия «этнический язык», «родной язык», «второй язык». Данные понятия могут совпадать либо нести различную смысловую нагрузку в каждом отдельном случае.

Этнический язык — это прежде всего язык этноса, являющийся его признаком, как правило, он продукт данного этноса. Этнический язык создает основу внутриэтнического нормативного единства, обслуживает коммуникацию этноса в целом, обеспечивает социальное взаимодействие и социокультурное отношение в процессе коммуникации между всеми членами этноса, принадлежащими к различным социокультурным слоям. В случаях, когда некоторые представители этноса отходят от своего этнического языка, он все же сохраняет роль этнического символа и определяет внутреннюю настроенность человека на исполнение заложенных в нем с детства этнокультурных норм.

На основании родного языка формируются первичные навыки речевого взаимодействия. Это, как правило, язык матери, бабушки, семьи, с помощью которого осуществляется первичная социализация и культуризация личности, а также ознакомление с нормами, ценностями, традициями своего этноса. В большинстве случаев родной язык совпадает с языком этническим. Когда в силу ряда причин в качестве родного языка используется язык другого этноса, родной язык не совпадает с языком этническим, что связано с процессом лингвокультурной ассимиляции.

Второй язык обычно применяется в полиэтнических общностях как средство общения с другими этническими общностями. Как правило, второй язык служит лишь косвенным средством закрепления собственно этнических культурных норм.

Язык представляет собой явление полифункциональное, функции которого можно разделить на когнитивные, социальные и частные. Говоря о социальных функциях языка, связанных с идентификацией этнокультурных норм, исследователи предлагают выделить функции языка как этнического признака, то есть

речь идет о выделении этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств языка.

Ребенок в семье включается в этническое пространство: его окружают предметы, которые могут представлять определенную ценность для того или иного этноса, вокруг него люди говорят на языке, который является родным для определенной этнической группы. То есть человек существует в пространстве, наполненном культурными артефактами, являющимися ценностью для этнической группы. Когда человек растет, его мир расширяется, следовательно, расширяется и ценностное пространство, в процесс его социализации включается огромное количество институтов, претендующих на роль институтов социализации, в том числе и этнической (школа, окружение человека, религиозные институты, семья как самый важный институт формирования этнической идентичности и др.). Таким образом, именно институты предлагают ценностно-нормативную базу для формирования этнической идентичности. На данном этапе включаются механизмы персонификации ценностей, происходит их отторжение. В последнем случае человек может стать этническим маргиналом.

В данном контексте необходимо вспомнить спор о природе этноса. Этнос имеет дуальную природу, это логично вытекает из понимания структуры в теории структуризации. То есть этнос есть конституированная примордиальность. Агент, прежде чем приступить к трансформации структуры этноса при помощи модальностей, попадает в поле этнических символов, заданных ему изначально. Агент знакомится с этой системой символов в процессе социализации. Далее, уже включившись в этническое пространство, основываясь на своей этнической принадлежности, в тех сферах, в которых это имеет значение, он вступает во взаимодействие. В процессе этого взаимодействия и происходит трансформация этничности на уровне агента.

Описанный выше процесс на микроуровне происходит с одним актором. Но этнос состоит не из одного агента. Он существует благодаря множеству агентов, которые признают друг у друга принадлежность к определенному этносу. То есть структуризация этноса происходит на уровне социальной общности.

Таким образом, для изучения этнической идентичности необходимо рассматривать данную проблематику на стыке традиционных направлений в этносоциологии и использовать полипарадигмальный подход.

Р а з д е л 4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

А. А. Адамеску
(г. Москва)

ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ЭТНОСОВ

Комплексное социально-экономическое развитие позволяет обеспечивать взаимоувязанность экономики, усовершенствовать ее структуру, что тем самым создает условия наиболее гармоничного развития полиэтнических этносов. Разнообразие сфер приложения труда способствует более полному привлечению различных слоев населения, их взаимодействию, росту общей и производственной культуры. Те регионы, где в прошедшие годы эти принципы соблюдались, показали примеры гармоничного развития. Например, в Республике Татарстан при высоких темпах освоения ресурсов нефти исторически получали развитие нефтехимия, сложный комплекс отраслей машиностроения, включая авиастроение и производство автомобилей, легкая промышленность, прежде всего кожевенно-меховая. В Башкортостане, где освоение ресурсов нефти шло параллельно с Татарстаном, также в едином комплексе развивались в крупных объемах нефтепереработка и нефтехимия, авиа- и автомобилестроение. В Республике Мордовия совершенствованию структуры способствовало развитие разнообразного машиностроения, основой которого явился мощный комплекс светотехники, дополняемый химическим машиностроением и производством автомобилей. В Чувашии также основой комплекса стала электротехника, сложившаяся на базе эвакуированных из Харькова во время Великой Отечественной войны электротехнических предприятий, дополнившихся впоследствии тракторостроением, приборостроением, крупным химическим и текстильным производством. В Республике Марий Эл основу машиностроения также составили эвакуированные из Ленинграда предприятия.

тия электротехники, составляющие комплекс с развивающейся лесопереработкой.

Эти примеры могут быть продолжены, но, к сожалению, есть регионы, где комплексный подход практически отсутствовал. В Калмыкии при основном развитии базирующегося на особенностях природных ресурсов скотоводства и при дисперсном расселении населения отдельные предприятия малосвязанных отраслей не оказывают определяющего влияния на структуру экономики и социальное развитие. Некомплексное социально-экономическое развитие Тувы при преобладании также животноводства привело к тому, что нерентабельной стала даже добыча таких металлов, как кобальт и золото. Обрабатывающая промышленность в республике практически полностью отсутствует. Высокий уровень безработицы. Не случайно две последние республики являются самыми дотационными в Российской Федерации. Слабо выражен уровень комплексности практически во всех республиках Северного Кавказа. Для них характерны высокий уровень естественного прироста населения, его высокая плотность с избыточным количеством трудоспособного населения, нерегулируемые миграционные потоки наиболее квалифицированного и трудоспособного населения, преобладание сельского населения. В таких условиях при уникальной многонациональности не может идти речь о гармоничном развитии полиэтнических этносов, характерных для многих регионов. В едином народно-хозяйственном комплексе СССР многие проблемы сглаживались; в настоящее время развитие большинства регионов, по существу, происходит изолированно.

Продолжается рост экономики России, совершенствуется ее структура, она, хотя и недостаточными темпами, приобретает инновационный характер. Однако отсутствие необходимой системности, взаимоувязанности развития отраслей и регионов приводит к значительным потерям, снижению эффективности и в итоге сдерживает ее развитие. Слабо связаны между собой как принятые, так и разрабатываемые многочисленные стратегии, концепции, отраслевые и региональные программы и другие документы по важнейшим социально-экономическим проблемам и развитию ведущих отраслей экономики, отдельных регионов и комплексов. Их изолированное решение, несовпадение предлагаемых сроков и отдельных этапов порождают несогласованность в использовании финансовых средств, инфраструктуры, многоцелевых ресурсов — трудовых, водных, земельных, минерального сырья, топливно-энергетических и др., влияют на территориальную концентрацию и состояние окружающей среды.

Намечаемые в стране цели и задачи, ожидаемые структурные сдвиги на основе модернизации и инновационной экономики должны привести к существенным изменениям в развитии и территориальном размещении производительных сил. Недостаточная согласованность развития отдельных отраслей и регионов, решение важнейших социально-экономических проблем приводит, особенно в перспективе, к нарушению комплексности, гармонизации и большим потерям для страны. Отрицательные последствия такого развития возникают и при несогласованном сооружении крупных объектов производственной и непроизводственной сфер, нарушении принципов градостроительства, организации транспорта, энерго- и водоснабжения, охраны окружающей среды. Как пример негативного воздействия можно выделить создание новых крупных мощностей нефтепереработки и нефтехимии в бассейне Волги, в Татарстане, при уже сложившихся их чрезмерной концентрации, недостатке собственного углеводородного сырья, загрязнении окружающей среды, необходимости вывоза основной массы продукции в удаленные районы, что способствует снижению эффективности экономики страны в целом, нарушает сложившуюся гармонизацию. Слабо учитывается в рыночно обновляющейся системе межрайонного разделения труда, требующей гармоничного развития, взаимоувязанность экономики субъектов Федерации Северо-Кавказского и Южного федеральных округов как важнейшего фактора их интеграции в единое экономическое пространство. Разрабатываемые на трехлетний период бюджет и прогноз развития, по существу, также недостаточно и формально связаны друг с другом.

В стране практически утрачен комплексный подход к исследованию экономических процессов, что ведет к негармоничности развития. При подготовке решений по важнейшим проблемам недостаточно учитываются отдаленные последствия их влияния. В то же время многие проблемы взаимоувязаны, носят длительный характер или решаются поэтапно. Их целесообразно рассматривать только с учетом долгосрочной перспективы. Прогноз на длительный срок будет способствовать поддержанию необходимых территориальных пропорций в экономике, недопущению чрезмерной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития и обеспечению функционирования рынка.

Таким образом, только комплексное социально-экономическое развитие регионов может создать условия гармонизации полиэтнических этносов.

О. А. Богатова
(г. Саранск)

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ И УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В рамках проекта «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах», реализованного в июле—августе 2011 г. кафедрой социологии ФГБОУ «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» в форме массового анкетного опроса населения республик Марий Эл, Мордовия, Удмуртской Республики*, была поставлена задача исследования этносоциального неравенства по самооценкам индивидуального и группового статуса представителей различных этнических групп населения этих регионов.

Социальное самочувствие основных социальных групп, механизмы их социальной адаптации определяются материально-финансовыми и инфраструктурными условиями жизнеобеспечения домохозяйств в трех республиках. Все три региона по размеру среднедушевых доходов, заработной платы и другим социальным показателям населения имеют рейтинг ниже среднего по Российской Федерации. В то же время уровень жизни в этих республиках заметно различается: так, по данным Росстата, Республика Марий Эл по размеру среднедушевых доходов населения в 2009 г. находилась на 80-м месте в РФ, Республика Мордовия — на 75-м, Удмуртская Республика — на 67-м¹. Однако самооценки материального положения представителей различных национальностей в республиках существенно не различаются: большая часть из них относит себя к категории малообеспеченных (вариант ответа «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать» выбрали 48,1 % респондентов в Удмуртии, 47,6 % в Марий Эл и 55,1 % в Мордовии). Доля респондентов с низким («денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания» — 31,2 % в Удмуртии, 25,8 % в Марий Эл и 27,5 % в Мордовии) или крайне низким потребительским статусом («денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг» — 8,3 % в Удмуртии, 10,1 % в Марий Эл и 4,5 % в Мордовии) составляет, таким образом, в этих регионах от 30 до 40 %, что значительно выше официальной доли бедных в составе населения. Всего 1,1 %

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

респондентов в Удмуртии, 2,6 % в Марий Эл и 0,8 % в Мордовии утверждают, что у них денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, а доля респондентов, которым в данный момент доступна покупка большинства товаров длительного пользования, за исключением квартиры или автомобиля, составляет в этих регионах около 10 % (в Удмуртии — 9,4 %, в Марий Эл — 10,9 и в Мордовии — 9,1 %).

Исследование показало, что от 70 до 80 % населения в обследованных регионах относят себя к среднему слою, хотя примерно такая же доля жителей республик оценивает свой потребительский статус на уровне бедности или малообеспеченности: к среднему классу в наиболее точном смысле можно отнести респондентов, которым доступна покупка большинства товаров длительного пользования, имеющих также возможность покупать жилье в кредит (около 10 % опрошенных). Очевидно, в представлении респондентов средний слой отождествляется со средним (в данном регионе) уровнем потребления. Поэтому в наиболее бедном из трех обследованных субъектов РФ, а именно в Республике Марий Эл, где, по официальным данным, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла в конце 2009 г. 24,2 %, к среднему слою отнесли себя более 80 % опрошенных, в том числе к средней и низшей его части — 60 %. Эти данные, кроме того, можно интерпретировать и как свидетельство высокой самооценки респондентов, не позволяющее им отнести себя к низшему слою.

В исследовании респондентам было предложено оценить статус своей национальности в республике в сравнении с другими национальностями по трем порядковым шкалам — материального благосостояния, власти (степени влияния на принятие политических решений в республике) и престижа этнической принадлежности. Большая часть респондентов считает статус своей этнической группы в республике как равный с другими национальностями: 58,8 % русских и 60,4 % удмуртов в Удмуртии, 54,8 % русских и 48 % марийцев в Марий Эл, 62,4 % русских и 72,2 % мордвы в Мордовии ответили, что материальное положение представителей их национальности не лучше и не хуже других; 55,4 % русских и 57,4 % удмуртов в Удмуртии, 44,6 % русских и 34,7 % марийцев в Марий Эл, 47,0 % русских и 40,6 % мордвы в Мордовии по степени влияния представителей их национальности выбрали вариант ответа «не выше и не ниже других»; 71,6 % русских и 46,5 % удмуртов в Удмуртии, 63,7 % русских и 48,0 % марийцев в Марий Эл, 59,1 % русских и 56,7 % мордвы в Мордовии указали, что принадлежность к их национальности также престижна, как и быть человеком любой другой национальности.

Это очень важно для стабилизации ситуации в области межэтнических отношений, так как представления о социальном неравенстве этнических групп в массовом сознании являются не менее конфликтотенным фактором, чем само неравенство. В то же время часть респондентов, оценивших статус своей национальности в соответствующей республике ниже остальных этнических групп, в Удмуртии и Марий Эл больше среди представителей титульных национальностей, чем среди русских, а в Мордовии среди русских респондентов больше доля тех, кто оценивает статус своей группы ниже других по шкале власти.

Степень этих различий в самооценках статуса максимальна в Удмуртии и минимальна в Мордовии. Так, материальное положение представителей своей национальности ненамного или значительно хуже других в общей сложности отметили 10,2 % русских и 22,8 % удмуртов в Удмуртии, 8,6 % русских и 26,7 % марийцев в Марий Эл, 7,4 % русских и 10,3 % мордвы в Мордовии. Степень политического влияния представителей своей национальности ненамного или значительно ниже других оценили 6,8 % русских и 21,8 % удмуртов в Удмуртии, 4,2 % русских и 16 % марийцев в Марий Эл, 16,1 % русских и 4,1 % мордвы в Мордовии. Собственную этническую принадлежность как не очень престижную или непрестижную выделили 2,0 % русских и 36,2 % удмуртов в Удмуртии, 3,0 % русских и 29,4 % марийцев в Марий Эл, 10,8 % русских и 10,3 % мордвы в Мордовии.

Следовательно, самой актуальной проблемой в аспекте самооценки группового статуса с точки зрения представителей титульных национальностей Удмуртии и Марий Эл является не благосостояние или доступ к власти, а престиж их этнической принадлежности. В Мордовии статусные самооценки русских и мордвы выровнены больше, чем в остальных республиках, однако часть русских видит актуальную проблему в области распределения власти. В то же время большая часть респондентов считает, что существенные различия между социальным положением представителей собственных и других групп в обследованных республиках отсутствуют.

Таким образом, данные исследования показывают, что модель национальной политики, направленная на поддержку культуры титульных этнических групп, развитие финно-угорского межнационального сотрудничества, поддержку этноориентированных организаций, наиболее последовательно проводимая в Мордовии, способствует повышению престижа этнической идентичности финно-угорских народов в республиках. Тем не менее она не может устранить актуальные противоречия между декларируемым конституционным статусом республик как «государств» в составе

Российской Федерации и низким экономическим положением этих территорий. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что основные механизмы гармонизации межэтнических отношений должны быть интегрированы с механизмами разрешения других социальных проблем — преодоления территориального и классового неравенства, формирования социального и правового государства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 : стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — С. 24—25.

Д. Ю. Голов
(г. Саранск)

РОЛЬ PR-ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В РЕГИОНЕ

Россия, согласно Конституции РФ, является многонациональным государством, на территории которого проживают более 180 народов. Следовательно, Россия представляет собой сложную этническую систему, состоящую из множества этнических общностей, обладающих своими отличительными признаками: языком, культурой, религией. Этнические различия приводят к появлению различных проблем, противоречий, напряженности в отношениях между народами. Конфликты начинаются с состояния этнической напряженности, когда представители общности осознают ущемление своих интересов, неуважение культурных традиций. Это может произойти не только в результате прямого контакта представителей различных общностей, но и при помощи средств массовой информации.

Большое влияние на возрастание этнической напряженности в России оказывает процесс миграции, который не только меняет национальный состав регионов, усиливает процессы ассимиляции, но и увеличивает рост напряженности в российском обществе. В связи с вышеперечисленными проблемами число россиян, поддерживающих позиции и мероприятия радикальных националистов («Русский марш»), становится все больше. По данным опроса Левада-Центра, проведенного в 2011 г., 52 % респондентов считают, что русских, разделяющих крайне националистические взгляды, за последние годы стало больше; по мнению 41 % опро-

шенных, идею «Россия — для русских» в разумных пределах «неплохо было бы осуществить»; 19 % открыто поддерживают лозунг и считают, что его «давно пора осуществить». Около 50 % россиян чувствуют в той или иной степени враждебность к себе или испытывают враждебность к другим людям по национальному признаку. При этом еще в 2009 г. 60 % россиян не чувствовали никакой агрессии по отношению к себе. Основными причинами национализма в России участники опроса называли «вызывающие действия и поведение национальных меньшинств», «плохие условия жизни в России, террористические акты последних лет»¹. По данным американского центра изучения общественного мнения «Pew Research Center», в 2009 г. с лозунгом «Россия — для русских» согласились около 54 % опрошенных².

Данные социологических исследований показывают, что в настоящее время наблюдается рост социальной напряженности в стране, происходит все больше межэтнических конфликтов. Определенную роль в решении данной проблемы играет информационная и просветительская политика. Особое значение в этом вопросе отводится PR-технологиям.

С помощью PR-технологий можно добиться снижения этнической напряженности. Например, автор публикации, освещающий какой-либо национальный или этнический вопрос, может оказать как положительное или нейтральное, так и отрицательное влияние на общественное мнение. Таким образом, используя PR-технологии и продумывая эффекты воздействия на общественное мнение, можно способствовать снижению напряженности по отношению к людям других национальностей.

Выступления авторитетных в обществе людей можно рассматривать как определенный PR-ход, направленный на снижение национальной напряженности. Подобным примером PR-хода является высказывание Президента России Д. А. Медведева на встрече с региональными журналистами по поводу трудовых мигрантов: «Применительно ко всей ситуации в целом мигранты — и проблема, и надежда, потому что, с одной стороны, должен быть баланс трудовых ресурсов, баланс трудовых рук, с другой стороны, у нас есть огромные проблемы в регионах, где есть дефицит рабочей силы, и там без трудовых мигрантов, без тех, кто приезжает работать, эту задачу не решить»³. В процессе формирования этнической солидарности необходимо разрушать сложившиеся этнические стереотипы. В настоящее время существует множество ксенофобных стереотипов. В рамках проекта ЮНЕСКО «Пути к взаимопониманию между народами» было проведено исследование, которое показало, что наилучший способ борьбы со стереотипами — непосредственный контакт и общение народов⁴. Таким

образом, с помощью таких PR-методов, как проведение конференций, встреч, можно бороться с этническими предубеждениями.

В качестве примера этнической солидарности можно рассматривать Республику Мордовия. Национальная политика региона способствует высокому уровню этнической солидарности, сохраняя соседские отношения между народностями, развивая самобытную национальную культуру и традиции всех этнических общностей республики. Например, в конце 2010 г. проходила промежуточная конференция Всемирного конгресса финно-угорских народов, в работе которой приняли участие 70 делегатов, представлявших 18 финно-угорских народов⁵. При этом Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин лично принимает участие в подобных мероприятиях, что свидетельствует о высокой степени заинтересованности правительства в решении межэтнических вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национализм в современной России [Электронный ресурс] // Аналитический центр «Левада-Центр». — Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>. <http://y-tver.com/?art=1821>.

² См.: Для России естественно быть империей [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Новый Регион». — Режим доступа: <http://www.nr2.ru/policy/256073.html>.

³ Трудовые мигранты — и проблема, и надежда России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vz.ru/news/2011/11/26/541772.html>

⁴ См.: Стереотипы социальные [Электронный ресурс] // Энцикл. «Кругосвет». — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/STEREOTIPI_SOTSIALNIE.html?page=0,2.

⁵ См.: В Саранске поставили точку отсчета подготовки VI Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.finnougoria.ru/about/events/22194/>.

А. В. Данилов
(г. Москва)

РОССИЙСКИЕ МАКРОРЕГИОНЫ В ДИСКУРСЕ «ТРАДИЦИИ—ИННОВАЦИИ»

В XXI в. наряду с продолжающейся глобализацией, или объединением мира в единый организм, происходят и процессы регионализации, которые осуществляются одновременно в нескольких плоскостях (экономической, культурной, политической и т. д.) и в нескольких масштабах: от глобального до локального. Безус-

ловно, регионализация национальных государств — один из важнейших аспектов этого многогранного процесса.

Для России на современном этапе развития, как и на протяжении последнего столетия, наиболее значимым является политико-административный фактор регионализации. Начиная с Советской России, регионы выделяются именно на основании административного критерия — как составная часть единого государства, как субъект в системе управления огромной территорией. Однако другие факторы также имеют значительное влияние. Например, многонациональность и многоконфессиональность населения страны (социокультурные факторы) обусловили выделение в составе Советской России национально-культурных автономий. Географический и историко-генетический факторы способствовали выделению субъектов РСФСР на основе центров губерний Российской империи. Таким образом, по окончании Гражданской войны Советская Россия включала в себя 61 субъект: 48 губерний, 3 республики, 7 АССР и 3 автономные области. В 1923—1929 гг. была проведена реформа по укрупнению единиц административно-территориального деления, были образованы 7 краев и 6 областей. Однако в 1930-е гг. крупные регионы были разделены на более мелкие. В 1936 г. с принятием новой конституции многие края были преобразованы в области, а АО — в АССР. Новые области появлялись на базе губерний Российской империи, реже — губерний РСФСР. В 1943—1944 гг. были созданы новые области на базе дореволюционных губерний, советских губерний, а также абсолютно новые области. В 1957 г. с упразднением нескольких неудачных областей территориальное деление приняло окончательный вид.

Административная карта страны «кроилась» в абсолютно разных направлениях. Чиновники, проводившие реформы, руководствовались разными побуждениями и разными критериями выделения регионов. В итоге деление страны на регионы оказалось не только излишне дробным, но и крайне асимметричным. Этот факт обусловил огромную работу советских чиновников и ученых по поиску оптимальной системы экономического районирования страны. Так, планы первой пятилетки (1929—1932) были составлены по 24 районам, второй пятилетки (1933—1937) — по 32 районам и зоне Севера, третьей пятилетки (1938—1942) — по 9 районам и 10 союзным республикам. Одновременно области и края были сгруппированы в 13 основных экономических районов, по которым и производилось планирование развития народного хозяйства в территориальном разрезе. В 1963 г. утверждена таксономическая сетка, уточненная в 1966 г., включающая 18 крупных

экономических районов (из них 10 в составе РСФСР) и Молдавскую ССР. В 1967 г. Якутия была переведена из Восточной Сибири в Дальний Восток.

Распад СССР инициировал и распад экономических связей между субъектами управления хозяйством. Одновременно сказалась сложность системы территориального деления, ведь экономическое районирование исчезло вместе с советской системой плановой экономики и управления. Моментально запустился и механизм политической дезинтеграции, вошедший в историю как парад суверенитетов. Причем процесс этот был, скорее, проявлением сиюминутных амбиций или данью моде, нежели чем-то действительно необходимым и продуманным. Региональная элита, получив свою власть во многом неожиданно, чтобы вынести это нелегкое бремя, занялась активной политикой легитимации собственного положения. Здесь можно вспомнить теорию традиции Дж. Томпсона, который выделяет четыре аспекта традиции: «герменевтический», «нормативный», «аспект легитимации» и «аспект идентичности»¹. Таким образом, региональная идентичность, основанная на некоторой «региональной традиции», явилась важнейшим инструментом конструирования территориальных сообществ в условиях трансформации российского общества и кризиса доверия народа. Через некоторое время эти инструменты, объединенные с множеством факторов, феноменов и явлений, дадут в качестве продукта региональную идентичность. Созревание этого плода мы и наблюдаем в настоящее время.

Помимо усиления регионов, регионализма и регионального самосознания, повышения престижности региона и выхода его на совершенно новый качественный уровень — регион теперь уже не только часть общегосударственной системы управления, но и относительно самостоятельная административная и социально-экономическая единица — мы наблюдаем процесс восстановления разрушенных связей между регионами. Воссоздается механизм самоорганизации более крупных территориальных образований — макрорегионов. В новых условиях были воспроизведены созданные в 1960-е гг. экономико-территориальные районы: Северо-Западный, Центральный, Центрально-Черноземный, Волго-Вятский, Поволжский, Северокавказский, Уральский, Западносибирский, Восточносибирский, Дальневосточный. Эта реконструкция реализовалась в формировании экономических объединений: ассоциаций «Сибирское соглашение», «Центрально-Черноземная», «Большая Волга», «Северный Кавказ» и др. Восстановление данных социально-экономических макрорегионов свидетельствует о том, что в 1960-е гг. была найдена оптимальная форма организации

территориального районирования. В модифицированной конфигурации эти экономико-территориальные структуры были закреплены указом Президента РФ в 2000 г. как федеральные округа².

Таким образом, макрорегиональные структуры явились объективно необходимыми стране, занимающей 1/9 часть суши. Они выступили одновременно и традицией — их выделение было характерно и для царской России, и для советского периода, и для путинской модернизации страны, и для инноваций, т. к. каждый раз они учреждались «как бы заново», но на основе предшествующего опыта. Подобный «традиционно-инновационный» механизм особенно характерен для России. После общественных потрясений появляется некоторый модернизационный импульс, который, однако, довольно быстро иссякает, и новшества появляются уже в виде инноваций (обновленного старого).

При учете механизма легитимации тех или иных крупных территориальных образований (от регионов до государств наций) можно сделать предположение, что политика активного формирования макрорегиональной идентичности — дело ближайшего будущего. Основываясь на опыте формирования общегосударственной и региональной идентичностей, мы можем прогнозировать, что этот процесс начнется также с субъективной воли элиты (осознания необходимости или решения о востребованности этого проекта) и далее будет активно транслироваться, «опускаться» до уровня всего населения того или иного макрорегиона. Одновременно с этим следует заметить, что макрорегиональная идентичность является проектом «среднего уровня», и если и будет конструироваться, то только в тесном взаимодействии федерального центра и регионов (региональной элиты). Реализация этого проекта не только сделает вертикаль власти более четкой, с одной стороны, и эластичной — с другой, но и, возможно, разрешит, наконец, проблему взаимоотношений центра и регионов. Однако работа, которую потребует совершить для этого, вероятно, напоминает собой айсберг — большая часть ее сейчас скрыта от нас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. — С. 23.

² См.: Денисова, Г. С. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы / Г. С. Денисова, А. В. Дмитриев, Л. В. Клименко. — М.: Альфа-М, 2010. — С. 20—21.

Е. В. Еремина
(г. Пенза)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В последнее время появилось множество работ отечественных авторов, отражающих специфику становления регионального общества в России. В понятии региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». Для одних исследователей региональная идентичность — социально-психологическое чувство принадлежности к региональному сообществу, при этом границы региона как понятия ментального совпадают с границами сообщества¹; для других — это совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина»², или «отношение человека к своей малой родине, к земле, на которой он родился или живет и работает»³, при этом региональная идентичность базируется и на экономическом потенциале региона, его роли в общегосударственном историческом процессе⁴.

Каждый из российских регионов представляет собой уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении. Обращение к опыту российских регионов показывает, что в одних регионах активно осуществляется политика конструирования региональной идентичности (идентификация), в других — региональная «самость» развивается стихийно.

Главной особенностью современной регионализации России является то, что объединение регионов сложно структурировано. Российская Федерация представляется асимметричным образованием, самооценка которого себя в целом и своих частей множественна и противоречива в силу существования в нем разных сторон субъективного восприятия.

Представляется необходимым четко разграничивать понятия внешней и внутренней идентичности: если речь идет о внешней идентичности региона, то ее можно обозначить как результат распознавания и атрибутирования образа региона извне, в более широком социальном пространстве (объективная региональная идентичность); в то время как региональная самоидентичность представляет собой набор собственных социальных свойств и особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и т. д.), установленных самостоятельно рефлексивно и присвоенных субъектом (жителями региона).

Региональная идентичность выступает и как осознание интересов, индивидуальных когнитивных механизмов, мотивации индивида, которые лежат в основе формирования межличностных связей; групповых и межгрупповых феноменов в терминах их преимущественного порождения коллективным региональным сознанием. Понимание интереса как категории, обозначающей переход объективного в субъективное и, наоборот, субъективного в объективное, — это важный методологический момент и для определения содержания категории экономико-социологического регионального интереса.

Современная регионализация стала возможной в результате ослабления центральной власти, влияния факторов глобализации и требований модернизации. Процесс пока не завершен полностью, и российское общество продолжает трансформироваться. Необходимость модернизации заставляет обратить особое внимание на основы реформирования на региональном уровне. Следует искать заложенные в региональных культурах возможности для «вписывания» людей в новую систему отношений, условия для формирования персональной модернизации, начиная с анализа культурного багажа.

В многообразии функциональных форм и значений региональная идентичность оказывает существенное влияние на содержание и характер региональных взаимодействий. Взаимозависимость содержания и характера региональной идентичности и региональных взаимодействий составляет основу оценки тенденции и перспектив развития регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ноженко, М. В. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. В. Ноженко, Н. Б. Яргомская // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 123.

² См.: Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России / отв. ред. Ю. А. Веденин, В. А. Колосов. — М.: Новый хронограф, 2010. — 236 с.

³ Губогло, М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. — М.: Наука, 2003. — С. 399.

⁴ См.: Галактионова, Н. А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности / Н. А. Галактионова // Регионология. — 2010. — № 2. — С. 257.

В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков
(г. Саранск)

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ РОССИИ (РОССИЯН)

Распад СССР и исчезновение такого уникального феномена, как советский народ, породил в 90-е гг. XX в. многочисленные национальные движения, главная цель которых заключалась в так называемой защите этнических интересов титульных наций, «суверенизации» народов, самоопределении, граничащем с сепаратизмом, что грозило целостности России и единству составляющих ее народов.

В этих условиях перед страной встала задача формирования новой национальной политики, которая смогла бы ответить на вызовы времени. Просчеты и ошибки в ней могли бы надолго затормозить продвижение многонационального государства вперед.

Вся история России есть история многонационального поликультурного государства. Собираение земель русских началось еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют летописные и иные источники (например, «Повесть временных лет»), и продолжилось фактически до начала XX столетия. Этнический принцип собирания Российской империи связан, очевидно, с самой исторической реальностью, практикой вхождения народов и государств в состав будущей России. Наряду со славяно-русскими племенами в древнерусском государстве имелись племена «иных языци». Это тюркоязычные, финно-угорские и иные народы.

В ходе многовекового взаимодействия и сотрудничества народов страны этническая энергия сплачивала весь российский народ в единый суперэтнос, который назывался «россияне». Это самоназвание встречается в трудах Н. М. Карамзина (1816 г.), А. С. Пушкина (конец 20-х гг. XIX в.), русских мыслителей конца XIX в., в советское время. Новое звучание термин «россияне» приобретает после распада СССР и провозглашения России как независимого суверенного государства.

Все этносы страны, а их около двухсот, исторически «обречены» развиваться вместе и в тесном взаимодействии. На место советского народа (при СССР) в демократической федеративной России формируется новое суперэтническое образование — это гражданская нация, россияне.

Большинство народов страны, в том числе финно-угорские народы, — исторически сложившиеся этнические общности, то есть коренные народы, дисперсно проживающие на различных территориях страны. Однако, благодаря собирательной роли рус-

ской нации, сохранилось единство и многообразие различных этносов, народов, приверженцев различных религий и культур. Вместе с тем следует учитывать, что в современной России существует опасный клубок противоречий, угрожающий ее целостности, — это крайние формы этнического национализма и сепаратизма.

Сложность процессов в межнациональных отношениях порождает, с одной стороны, противоречия, обусловленные стремлением каждого народа к самоутверждению, самоидентификации, этнической самобытности, с другой стороны, существует объективный процесс интеграции общества в целом в единую российскую гражданскую нацию, обусловленный сложившейся духовной общностью народов страны, потребностью согласованного проведения экономических, социальных, политических и культурных реформ в федеративном государстве, сохранения и упрочения общероссийской государственности всех народов.

Идея гражданской нации утвердилась в Европе в эпоху буржуазных революций конца XVIII в. Историко-политический анализ показывает, что это понятие широко использовалось в период формирования буржуазных республик вместо феодальных, династических, религиозных и иных образований. В государствах Нового времени вместе с утверждением единого рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие (например, единый литературный язык), общие гражданские и правовые нормы, а вместе с этим и общая идентичность.

Гражданская нация сегодня понимается как многоэтническое образование с разной степенью культурной и политической консолидации. Подавляющее большинство наций-государств включает несколько, а иногда и десятки этнических общностей (американскую, канадскую, китайскую и др.). Обычно язык (культура) наиболее многочисленной этнической общности обретает доминирующий (а иногда официальный) статус в гражданском обществе, а язык (культура) малых групп не ликвидируется, а остается и используется их представителями.

После распада СССР люди на огромном постсоветском пространстве лишились опоры, которая выполняла функцию национальной идентичности. Эта опора называлась советским народом.

Сегодня нет сомнения в том, что «россияне» как гражданская нация пока находятся на стадии становления. Гражданская идентичность в стране ослаблена. В условиях социально-экономического, политического и мировоззренческого кризиса 1990-х гг. произошла опасная мобилизация «периферийных» идентичностей, которая представляла реальную угрозу национальной безопасно-

сти и повышала в стране уровень ксенофобских настроений. Изменения, начавшиеся в 2000-е гг. с подведения «суверенных» конституций ряда республик к федеральной, несколько смягчили ситуацию, однако в осмыслении понятий «гражданская нация», «россияне» мало что изменилось.

К сожалению, в России вместе с крахом коммунизма были дискредитированы и идеи гражданской нации, выражавшиеся в концепции советского народа. Этот факт в значительной степени повлиял на активизацию идей этнической нации и этнического национализма, ключевую роль в которой играла этническая элита. Поддерживая диктат группы над личностью, элита фактически выступала не за интересы группы, а за отеснение с политического или культурного поля этнически чуждых конкурентов.

Именно элита стала инициатором создания этнонациональных организаций, выступавших от имени российских финно-угров, именно она разрабатывала их идейные позиции.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений финно-угров и важной составляющей их идеологии являются попытки формирования некоей новой идентичности — «финно-угорского мира»¹.

Эта идея не является культурной новацией, а имеет основу идейных поисков представителей нарождавшейся культурной элиты Финляндии и Эстонии, которые имели место еще в XIX в. и продолжались после обретения этими странами государственной независимости в 20—30-е гг. XX в. Возникает идеализация, «романтизация» представлений о «финно-угорском братстве».

Историческое и культурное мифотворчество стало важной составной частью идеологии этнонациональных движений. Миф, играющий инструментальную роль, обслуживает конкретные, современные задачи, будь то территориальные претензии, требования политического самоопределения или сохранения своего культурного наследия. Этноисторические мифы, связанные с «конструированием великого прошлого», построены по схеме оппозиции «свой» — «чужой», где «свой» героизируется.

По мнению ряда исследователей, время паннационалистических конструкций заканчивается. Так, ушли в прошлое идеи панславизма, пангерманизма; панарабизм также доказал свою несостоятельность, а попытки реанимировать пантюркизм не находят широкой поддержки, ибо не отражают реалий современного глобализированного мира.

По нашему мнению, «финно-угорский мир» существует. Его можно рассматривать в контексте суперэтнического образования. Следовательно, суперэтнос как система (группа близкородствен-

ных этносов и отношений между ними) — это реальность, поэтому, как и всякому этническому целому, суперэтносам присущ национализм. Однако каков характер этого национализма? Что в нем больше: элементов гражданского или этнического национализма? Многочисленные исследования показывают, что практически все финно-угорские народы России считают себя прежде всего гражданами России, а потом уже представителями того или иного финно-угорского этноса. Но среди лидеров национальных движений финно-угорских народов есть сторонники крайних форм этнического национализма, выражающегося в отрицании первичности гражданского национализма, обвиняющие русский этнос в геноциде финно-угорских народов не только в прошлом, но и в настоящем (на такой позиции стоят некоторые лидеры национального движения «Фонд спасения эрзянского языка» в Республике Мордовия).

В 2011 г. проведено социологическое исследование в трех республиках Поволжья: Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, которое в целом показало, что примерно 42 % населения считают себя в равной степени гражданами России и республики, а 30 % — в первую очередь россиянами. 40,2 % респондентов при ответе на вопрос «Как Вы считаете, являются ли все граждане России, будучи представителями разных национальностей и культур, единым российским народом?» дали утвердительный ответ, тогда как отрицательно ответили 26,1 %, а вариант ответа «пока нет» выбрали 23,9 %. Это свидетельствует о том, что гражданская (общероссийская) идентификация становится приоритетной в сознании россиян.

Вполне очевидно, что современная национальная политика должна учитывать в своей деятельности, каким образом соединять гражданские и этнические интересы, этничность и гражданство, ибо нация и национальность рассматриваются и как этничность, и как гражданство: они имеют как этнический, так и государственно-политический смысл, взаимно дополняя друг друга. В условиях многонациональной России это равновесие должно поддерживаться государственной национальной политикой. Именно она должна обеспечивать гармонию этнонациональных и государственно-национальных интересов. Разумеется, здесь нет никакого умаления роли и значения этнополитических движений и организаций. У них есть своя ниша, но общее в их деятельности — это формирование гражданской нации и гражданского национализма, но не за счет ликвидации этносов, этнических движений.

По нашему мнению, «финно-угорский мир» можно рассматривать как элемент, как одну из составных частей гражданской нации (россиян). Именно в таком понимании этот феномен прогрессивен.

Разумеется, национальная политика страны не может не учитывать и интересы других близкородственных народов, имеющих всемирные или федеральные общественно-политические организации. Имеются в виду не только финно-угорские, но и тюркоязычные народы, народы Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа. «Сплав» этих и других народов России и есть гражданская нация, единство в многообразии.

В заключение следует отметить, что будущее России зависит исключительно от достижения единства ее народов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Шабаетов, Ю. П.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ) / Ю. П. Шабаетов, А. М. Чарина. — СПб. ; М., 2010. — 309 с.

П. И. Кузонков
(г. Нижний Новгород)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Анализ, прогноз и профилактика стихийных «сценариев» развития этносоциальных отношений в полиэтническом городе традиционно осуществляются социальными институтами, срабатывающими в момент «перегрева» этносоциального организма, резкого повышения этносоциальной напряженности.

Актуальная методологическая проблема заключается в определении «профиля» поля этносоциальных напряжений и реалистичности возникающих в этом поле конфликтов. Решение этой проблемы возможно, в частности, на пути конструирования адекватных познавательных моделей этносоциальной напряженности, которые должны презентировать процесс идентификации лиц, группы, организационных структур, блокирующих деятельность, движение к целям, приемлемым для основных этносоциальных групп города. Взаимная идентификация участников событий превращает объективно существующую напряженную ситуацию в ее субъективное отображение в форме переживания и отбор возможных «сценариев» поведения. В качестве основного механизма на этом этапе действует «избирательная рациональность», позволяющая выявлять и отмечать среди окружающих противников и союзников.

Рассматривая этносоциальную напряженность в крупном полиэтничном городе как проявление неудовлетворенности различных этнических групп состоянием этносоциальных отношений, мы должны иметь в виду, что феномен этносоциальной напряженности при определенных условиях может искажать реальную картину неудовлетворенности горожан этой стороной своей жизни. Опасность такого искажения существенно возрастает в том случае, когда неудовлетворенность этносоциальными отношениями приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия как для сознательной или бессознательной подмены объекта неудовлетворенности, так и для деформации процесса ее персонализации.

Искажение картины неудовлетворенности нередко связано и с тем, что в социальном пространстве крупного города не представлены или неадекватно представлены интересы различных этнических групп, что часто обусловлено не только отсутствием или неэффективностью механизмов их выявления, но и позицией властной элиты, по существу игнорирующей их. Как показывает практика, часто не принимаются во внимание и интересы местного населения, представляющего значительное большинство (Кондопога, Сальск, Ставрополь). Указанные факты представляют собой очевидный «кризис незащитности», поражающий атомизированные этнические сообщества перед лицом многосторонней экспансии сплоченных этнических кланов.

Изучение этносоциальных напряжений предполагает анализ места и роли этнической составляющей в сложном и противоречивом процессе изменений, происходящих в городе. Иерархизация наиболее важных проблем в городах России позволила определить место этносоциальных проблем в их структуре. Среди 24 наиболее важных проблем, названных респондентами, проблема этносоциальных отношений заняла седьмое место. Причем опрошенные в городах России поставили ее на различные места: от первого места в Ставрополе, второго в Черкесске до седьмого в Нижнем Новгороде¹.

Девять из десяти респондентов в Черкесске и Ставрополе обеспокоены проблемой этносоциальных отношений. Несколько лучше ситуация в Ярославле и Нижнем Новгороде. Однако и здесь о своем волнении заявил практически каждый второй из числа опрошенных. Анализ обеспокоенности проблемой межэтнических отношений в различных социальных группах свидетельствует об отсутствии резких колебаний, характерных для анализа в локально-территориальном разрезе: если «разброс» между крайними позициями опрошенных в разных городах составляет более 40 %, то

между крайними позициями различных социальных групп он не превышает 10—12 %.

Более трети опрошенных (37 %) считают, что в городе есть этнические группы, права которых ущемляются, что свидетельствует о заметной распространенности взаимных претензий между различными этническими группами, проживающими в крупных городах России. Очевидно, что игнорировать подобные настроения, выводить их на безличный уровень или сводить их к хулиганству скинхедов, как это делают либеральные СМИ, значит явно упрощать ситуацию.

Чаще других конфликтуют с окружающими из-за этнической принадлежности представители политических партий и бизнеса. Если учесть, что речь идет о наиболее активных субъектах политического и экономического пространства города, можно предположить, что повышение деловой и политической активности чревато ростом конфликтного потенциала миграции, поскольку мигранты сталкиваются прежде всего с представителями именно этих групп.

Узкие слои городского сообщества, привлекающие и использующие мигрантов в своих интересах, по существу, своими руками создают кризис межэтнических взаимодействий. Вместе с тем именно эти группы при необходимости имеют возможность отстраниться и разрешить кризис за счет той части населения, которая вынуждена жить рядом с мигрантами и поддерживать с ними личные отношения. Тем самым из пространства конфликта «уходят» группы, фактически принимающие решения и легитимизирующие их с помощью официальной власти. При необходимости на их место подставляются «чужие» — этнические группы, из которых в конкретной ситуации легче «вылепить» образ врага.

Такая политика не имеет серьезной перспективы и может лишь на короткий срок отодвинуть решение назревших проблем.

Учет социального контекста предполагает формирование социологической модели, описывающей процесс трансформации этносоциальной напряженности в конфликт и включающей, на наш взгляд, следующие структурные и динамические показатели:

- 1) показатели социальной депривации, фиксирующие оценку жизни, ее уровня и качества различных этнических групп;
- 2) показатели, определяющие уровень этносоциальной напряженности, фиксирующие процесс выявления и осознания причинно-следственной связи между характером объекта неудовлетворенности и деятельностью других этнических групп;
- 3) показатели этнической идентификации, отражающие прежде всего процесс выделения среди окружающих «своих» и «чу-

жих». Сюда же могут быть отнесены показатели, фиксирующие уровень доверия и «возлагаемой ответственности»;

4) показатели, определяющие особенности поведения различных этнических групп в реальных или проективных напряженных, конфликтных ситуациях;

5) показатели, фиксирующие связь между усилением этносоциальной напряженности в процессе уточнения позиций взаимодействующих субъектов и структурой реализуемых ими насильственных практик;

6) показатели, отражающие готовность к насильственным действиям, определяющие процесс трансформации этносоциальной напряженности в открытый конфликт.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что одним из оснований возникновения этносоциальных напряжений выступает противоречие между потребностями этносоциальной практики и консерватизмом существующей системы социальных институтов, прежде всего управленческих структур.

Разнообразие «сценариев» трансформации этносоциальных напряжений в этносоциальные конфликты позволяет предположить, что одним из наиболее перспективных способов достижения социального согласия в полиэтническом региональном центре выступает управление этносоциальным конфликтом на основе оптимизации этносоциальной напряженности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Представлены некоторые результаты социологического исследования, которое было проведено в 2006—2008 гг. Центром конфликтологии, Нижегородским отделом ИС РАН в Краснодаре, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Тюмени, Черкесске, Ярославле.

О. Н. Курмышкина
(г. Саранск)

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА (на примере Республики Мордовия)

Современные мировые процессы характеризуются массовой миграцией населения. С проблемами эмиграции и иммиграции населения сталкиваются все страны и регионы. Миграция прежде всего является средством глобальных изменений, она часто выступает источником как принимающих обществ, так и обществ, служащих основным «поставщиком» мигрантов.

По статистическим данным, в Республике Мордовия наблюдается постоянный миграционный отток населения с 60-х гг. XX в. В новом столетии ситуация не изменилась, ежегодно из республики мигрируют около десяти тысяч человек. В 2010 г. число выехавших составило 11 999 чел., а миграционная убыль населения — 2 154 чел. Основная доля мигрантов (6 164 чел.) перемещается в пределах республики, примерно такая же доля населения мигрирует за границы мордовского региона (5 800 чел.). Международная миграция населения в Мордовии представлена достаточно слабо, всего 35 чел. выехали на постоянное место жительства в другие страны, из них 27 чел. мигрировали в ближнее зарубежье (страны СНГ и Балтии).

В последнее время особенно актуальным становится социологическое изучение миграционного поведения различных групп населения: этнических, образовательных, профессиональных, возрастных. Особое внимание хотелось бы уделить проблеме миграции такой социальной группы, как молодежь.

В рамках опроса «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах»^{*}, проведенного в сентябре 2011 г., было изучено миграционное настроение населения Республики Мордовия. Под миграционным настроением прежде всего понимается желание населения уехать за пределы республики в ближайшее время или в отдаленной перспективе по объективным или субъективным причинам. В этом исследовании приняли участие 268 респондентов, из них 106 чел. — это молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Молодежь как социально-демографическую группу анализировали в целом, так как при условии деления ее на подгруппы процентное распределение по различным переменным не будет отличаться друг от друга, а наблюдаемые различия будут чисто случайными (значение Хи-квадрат Пирсона равно 1,873).

Согласно результатам социологического опроса, из региона в основном хочет уехать молодое поколение. Это молодежь, которая получает образование, начинает работать, ищет лучшее место, чтобы сделать карьеру, создать семью. После 35 лет мобильность населения резко падает. Сменить место жительства в ближайшее время желают 18,3 % респондентов в возрасте от 18 до 35 лет и такая же доля (18,6 %) — в отдаленной перспективе. Среди респондентов старшего поколения желающих уехать значительно ниже: 4,5 % — в ближайшее время и 9,9 % — в отдаленной перспективе. Данные исследования подтверждают давно устоявшийся факт, что молодежь — одна из самых мобильных групп

^{*} Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

населения, всегда «открыта» к чему-то новому, к переменам и изменениям.

Можно выделить две группы причин миграции молодежи: экономические и социально-досуговые. Первую группу составили следующие причины: отсутствие перспектив служебного и карьерного роста (ее отметили 52,6 % опрошенных), отсутствие работы (42,1 %), ухудшение материального положения (21,1 %) и неблагоприятные условия для предпринимательской деятельности (15,8 %). В социально-досуговую группу вошли такие причины, как не интересная в культурном отношении жизнь (36,8 %), смена семейного положения (вступление в брак, воссоединение с семьей) (15,8 %), желание путешествовать (15,8 %).

Около половины опрошенной молодежи ориентированы на внутреннюю миграцию: 31,6 % респондентов планируют сменить место жительства в пределах своего города и 15,8 % — переехать в столицу Мордовии. Треть потенциальных мигрантов желают покинуть пределы республики, 26,3 % из них — переехать в Москву или Московскую область, а 10,5 % — в другой регион России.

Мужчины по сравнению с женщинами чаще желают выехать за пределы региона. Около 20 % мужчин и 16 % женщин молодого возраста намерены сменить свое постоянное место жительства. Сильная половина человечества демонстрирует большую социальную мобильность. Так, среди будущих мигрантов доля мужчин составила 57,9 %, а женщин — 42,1 %.

Основная доля желающих мигрировать — это респонденты с высшим (57,9 %) или незаконченным высшим (15,8 %) образованием, пятая часть респондентов имеет среднее профессиональное образование. Данные проведенного исследования говорят о том, что большинство потенциальных молодых мигрантов — это перспективные высококвалифицированные специалисты.

Анализ основных сфер занятости потенциальных мигрантов в регионе показал, что более трети (36,8 %) опрошенных — работники бюджетной сферы, четверть (26,3 %) — учащиеся и студенты, около 16,0 % — инженерно-технические работники, десятая часть (10,5 %) — работники производственного предприятия. Этнический состав мигрирующего населения региона по результатам социологического исследования выглядит следующим образом: 52,6 % — русские, 42,1 % — мордва и 5,3 % — татары.

Большинство опрошенных будущих мигрантов (79 %) в настоящее время относят себя к среднему слою общества и только 5 % — к низшему слою. Таким образом, потенциальные мигранты из Мордовии — это лица со средним по республике материальным достатком, которые, вероятно, имеют накопления хотя бы «на

первое время» для жизни в другом регионе. Тем не менее эти респонденты чувствуют себя социально незащищенными государством. При оценке уровня своей социальной защищенности 50 % потенциальных мигрантов выбрали вариант ответа «вообще не защищены», а четверть (26,3 %) респондентов — «недостаточно защищены».

Таким образом, результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что Республика Мордовия и в дальнейшем будет ежегодно «терять» несколько сотен высококвалифицированных молодых специалистов с большим жизненным и социальным потенциалом, которые ощущают себя невостребованными в регионе.

Л. А. Сурайкина, В. П. Миничкина
(г. Саранск)

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ, ЦЕННОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ — ПОТЕНЦИАЛ ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ

Международная организация труда определила, что экономическая активность человека может продолжаться до 72 лет. Согласно российскому законодательству, трудовой возраст женщин заканчивается в 60 лет, мужчин — в 65. Но в последние годы российские ученые подводят общество к пониманию, что людям старше 50 лет надо создавать условия для их реализации.

По утверждению Маслоу, человек начинает себя осознавать как личность после 60 лет. Это высказывание ученого стало выражением сущности, мотивом прошедшего в ноябре 2011 г. в Москве форума «50 Плюс», на котором обсуждались вопросы по улучшению уровня жизни людей зрелого возраста в России.

Занятость пожилых людей — потенциал общественного развития. Так утверждают социологи Германии и других стран Европы. Однако при постоянном росте численности людей старшего возраста в западных обществах продолжает господствовать «культ молодости».

На основании достигнутых договоренностей к 2010 г. все государства Евросоюза должны были обеспечить 50 % -ю квоту для работников в возрасте 55—64 лет. Но указанного результата достигли только некоторые страны ЕС — Швеция, Финляндия, Дания, Эстония, Литва. Так, например, в Швеции занято 82 % высококвалифицированных специалистов старшего возраста.

В России из 140 миллионов граждан каждый третий — пенсионер. Как показал опрос, проведенный в 2011 г. Левада-Центром, почти каждый второй россиянин работает или планирует продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию (46 %). Кроме того, основным источником средств существования по достижении пенсионного возраста у 52 % жителей нашей страны является пенсия; доход от трудовой деятельности имеют 26 % пенсионеров, а денежные накопления — всего 3 % граждан пенсионного возраста¹.

Люди зрелого возраста становятся все более ценными для общества. По прогнозу Росстата, в 2021 г. доля лиц послепенсионного возраста составит 26,4 % населения. Ожидаемая продолжительность жизни в России — 71,8 года².

Уже сейчас, по данным Пенсионного фонда России, из 33 миллионов пенсионеров трудятся 12 миллионов. Чаще всего это работники образования и здравоохранения, являющиеся бесценным человеческим капиталом. Поэтому нужна продуманная пенсионная система и в целом социальная политика по обеспечению достойного уровня жизни старшего поколения и социальной устойчивости в обществе. Социальная политика должна максимально учитывать процесс адаптации—дезадаптации, происходящий в социальных отношениях людей старше 55 лет.

Со временем у людей формируется адаптированность к конкретным формам деятельности, к определенному укладу жизни. Утрата трудовой занятости, уход на пенсию разрушают привычное, устоявшееся. Наступает состояние дезадаптации. Это разлад между привычным, освоенным и тем, что требуется в изменившихся условиях. Дезадаптация возможна, когда резко меняются качественные признаки среды, в частности сферы деятельности. Проходит рассогласование интересов и действий, отчуждение от новой среды, привычных правил людей. Не подготовленный к изменениям человек может растеряться, уйти в себя, дистанцироваться от сложившихся связей.

Проблемы трудовой занятости, условия реализации накопленного опыта, знаний людей старшего поколения, их ценности стали предметом исследований социологов, экономистов, философов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В 2011 г. проведен социологический опрос «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах»^{*} в Удмуртской Республике, Республике Марий Эл и Республике Мордовия. В исследовании была выделена возрастная группа «люди старше

^{*} Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

55 лет». В ее состав вошли 45,0 % мужчин и 54,9 % женщин Удмуртии; соответственно 50 и 50 % Марий Эл; 40 и 60 % Мордовии.

По уровню профессионального образования респонденты распределились следующим образом: начальное профессиональное образование имеют в Удмуртии 5,9 %, Марий Эл — 8,7 %, Мордовии — 16,7 %; среднее профессиональное образование — в Удмуртии — 31,4 %, Мордовии — 23,3 %, Марий Эл — 19,6 %; высшее образование — в Мордовии — 43,3 %, Марий Эл — 37,0 %, Удмуртии — 23,5 %.

Данные опроса показали, что наибольшее число людей старше 55 лет имеют профессиональное образование в Республике Мордовия — 83,3 %, причем в регионе отмечен и наибольший показатель по высшему образованию — 43,3 %. Это значит, что образовательный потенциал исследуемой возрастной группы в республике высокий и он должен быть востребован в различных сферах регионального социума. Поэтому исследователей интересовал вопрос, как реализуется имеющийся интеллектуальный резерв людей старшего поколения. В первую очередь было обращено внимание на виды трудовой деятельности, в которых требуется высшее образование. Так, среди руководителей или заместителей руководителей предприятий, организаций доля лиц старше 55 лет составила 5,0 %, руководителей структурных подразделений предприятий, организаций — 5,0 %, инженерно-технических работников — 3,3 %, служащих органов государственной (муниципальной) власти — 1,7 %.

Итак, среди руководителей предприятий, государственных и муниципальных органов власти, инженерно-технических работников люди старшего поколения Республики Мордовия имеют высокий уровень образования. Следовательно, такая категория населения должна дольше по времени работать на производственном предприятии и более полно использовать свою трудовую активность.

Иная ситуация наблюдается в Удмуртской Республике и Республике Марий Эл. Среди руководителей предприятий и организаций этих регионов нет представителей данной возрастной группы. В Марий Эл не представлено старшее поколение свыше 55 лет и среди ИТР. За «удержание» пожилых работников в управлении также высказались 30 % руководителей, работающих в управленческих структурах России (по данным социологического опроса Роструда в мае 2010 г.³).

Кроме того, в Удмуртии и Марий Эл старшее поколение не находит применения своего опыта и навыков труда в качестве

индивидуальных предпринимателей (фермеров), тогда как в Мордовии доля лиц старше 55 лет, занимающихся предпринимательской деятельностью, составляет 1,7 % (ср.: поколение работников до 55 лет — 1,9 %). Видимо, в Республике Мордовия созданы более благоприятные условия труда для старшего поколения.

В процессе опроса изучался вопрос об источниках семейного бюджета поколения людей старше 55 лет. Исследование показало, что пенсия является основным источником бюджета у 74,5 % респондентов в Удмуртии, у 67,4 % в Марий Эл, у 56,7 % в Мордовии; заработная плата — у 25,5 % опрошенных в Удмуртии, 28,3 % в Марий Эл, 41,7 % в Мордовии. Следовательно, каждый четвертый респондент исследуемой категории в Удмуртской Республике, почти третья часть опрошенных в Республике Марий Эл и самая многочисленная группа — 2/5 респондентов в Республике Мордовия — работающие пенсионеры. Данные опроса позволяют сделать вывод: для работающих пенсионеров еще не наступил период дезадаптации, они заняты полезным трудом и ведут привычный образ жизни.

Однако большая часть данного сообщества уже испытывает трудности в своем трудоустройстве и своих детей. На вопрос «Сталкивались ли Вы и Ваши дети, внуки с проблемами при трудоустройстве?» ответили «да» 35,3 % опрошенных в Удмуртии, 51,7 % в Мордовии, 54,3 % в Марий Эл, т. е. почти половина совокупной численности респондентов трех регионов. Столько же опрошенных ответили «нет» (исключение составляет Удмуртская Республика, где наименьшее число пожилых людей испытали трудности при трудоустройстве на работу).

Трудовая занятость в системе ценностей пожилого человека является одной из приоритетных. Такое отношение к труду показали респонденты всех пилотных регионов ПФО. Труд как ценность и возможность более плавно адаптироваться в социальных отношениях проявляет старшее поколение России в целом.

Результаты опроса в финно-угорских регионах ПФО показали, что в процессе адаптации у людей старшего поколения обостряется восприятие фактов социальной несправедливости, неуважения со стороны окружающих. Так, респонденты всех трех анализируемых регионов (от 35,3 до 30,0 %) выделили социальную справедливость как наиболее значимую ценность. Таким образом, большая часть пожилых людей чаще встречается с несправедливым отношением к себе. Для них ценность «уважение окружающих» приобретает особый смысл: «справедливость и уважение едины».

Во всей системе ценностей семья является самой важной для респондентов. Она стала главным фактором адаптации пожилого человека к изменившейся для него социальной ситуации.

Социологическое исследование, проведенное Мордовским государственным университетом в финно-угорских регионах Приволжского федерального округа в 2011 г., подводит к следующим выводам.

Ответы респондентов возрастной группы «люди старше 55 лет» позволяют определить высокую степень ориентации людей на трудовую занятость в послепенсионном возрасте. Это важный ресурс адаптационных возможностей старшего поколения в изменившейся для них социальной среде. Но большая часть этого сообщества испытывает трудности в своем трудоустройстве и своих детей. Данную проблему отметили 35,3 % респондентов в Удмуртии, 51,7 % в Мордовии, 54,3 % в Марий Эл. Эта группа незанятых трудом испытывает давление дезадаптационных процессов, что не способствует их гармоничному состоянию в социуме.

Основным источником семейного бюджета людей старше 55 лет является пенсия. Согласно опросу, ее выделили 74,5 % респондентов в Удмуртии, 67,4 % в Марий Эл, 56,7 % в Мордовии. У остальной части данной возрастной группы основной доход — заработная плата, т. е. это работающие пенсионеры. Наибольший удельный вес работающих пенсионеров отмечен в Республике Мордовия.

В системе ценностей людей старшего поколения приоритетными являются трудовая занятость, семья, справедливость, уважение окружающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Опрос: пенсионеры, работа, доходы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tassgraphics.ru/item?id=25901>.

² См.: 50 плюс новая жизнь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/02/trud.html>.

³ См.: Рос. газ. — 2011. — 2 нояб. (№ 246).

Раздел 5

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Н. В. Андропова, Ю. В. Нуждина
(г. Саранск)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Особенностью любого полиэтнического региона является наличие межэтнического и межкультурного взаимодействия проживающих на одной территории граждан. Залогом бесконфликтного сосуществования представителей разных национальностей вполне объективно можно считать сформированную в субъектах РФ на должном уровне этническую толерантность.

Слово «толерантность» прочно вошло в нашу повседневную жизнь с 1995 г., когда по инициативе ЮНЕСКО был объявлен Международный год Толерантности. Представители более чем 185 стран подписали Декларацию принципов толерантности, в которой четко определили этот термин. Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) — терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Это уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Стержнем этнической толерантности является ценностная ориентация личности на позитивное полиэтническое взаимодействие, на восприятие другого человека как уникальной ценности.

Результаты проведенных специалистами в области этнопсихологии исследований свидетельствуют о существовании тесной связи между позитивной этнической идентичностью и межэтнической толерантностью. Исходя из этого при формировании этнической толерантности важно формировать позитивную этническую идентичность.

Толерантность, как и любое другое качество, невозможно сформировать у ребенка, если родители не являются союзниками педа-

гогов в решении этой задачи. Семья дает ребенку важный опыт взаимодействия с людьми, в ней он учится общаться, осваивает приемы коммуникации, учится слушать и уважать мнение других, терпеливо и бережно относиться к своим близким. В освоении опыта толерантного поведения большое значение имеет личный пример родителей, родственников. Прежде всего атмосфера отношений в семье, стиль взаимодействия между родителями, между родственниками, детьми существенно влияют на формирование толерантности у ребенка.

Для изучения особенностей процесса формирования и развития родителями этнической толерантности у подростков было проведено эмпирическое исследование посредством анкетирования. Вопросы, содержащиеся в анкете, позволяли получить от респондентов информацию об их национальной принадлежности, об отношении к родной культуре и культуре других народов, о способах воспитания уважения к традициям, свойственным различным этносам. В качестве респондентов выступали 26 родителей учащихся 5—6 классов одной из школ г. Саранска (15 чел.) и сельских школ Торбеевского и Ардатовского районов Республики Мордовия (11 чел.). Следует отметить, что по национальному признаку испытуемых можно разделить на четыре группы. Основную массу составляют русские (13 чел., или 50 %). Мокшан и эрзян среди респондентов было поровну (по 6 чел., или по 23 %), татар — 1 чел. (3,8 %).

Результаты опроса показали, что абсолютно все респонденты положительно относятся к культуре своего народа, знают родной язык. Однако следует обратить внимание на выявленный нами факт неоднозначного отношения испытуемых к культуре другого народа. В частности, 16 чел., или 62 %, относятся к иным культурам положительно, а 10 чел., или 38 %, — нейтрально. Обобщение ответов родителей позволяет говорить о том, что большинство из них (20 чел., или 77 %) формируют у детей положительные представления о различных национальностях, о культуре и традициях другого народа. Но при этом следует отметить, что почти четверть респондентов (6 чел., или 23 %) не отреагировали на соответствующий вопрос. Исследование также выявило, что 31 % родителей русской национальности помимо родного языка владеют другими языками, такими как английский, французский, а из языков народов Республики Мордовия знают эрзянский. Английский и французский используются ими при решении профессиональных задач, а эрзянский — в сфере общения или с целью помочь ребенку лучше усвоить этот язык.

Осуществив качественный и количественный анализ полученных эмпирических данных, мы выделили ряд наиболее часто упот-

ребляемых родителями способов формирования и развития этнической толерантности у детей младшего подросткового возраста. На первой позиции находятся беседа и рассказ (58 %). Заметим, что это достаточно просто с точки зрения реализации прием воспитания, который может быть использован в спонтанно возникающих ситуациях межэтнического взаимодействия. Второе место по популярности заняли СМИ (31 %). Здесь подразумевается просмотр телепередач и кинофильмов на так называемую культурную тематику. Одинаковая степень предпочтения обнаружилась относительно литературы, музеев и экскурсий (по 27 % соответственно). Незначительная доля приходится на предлагаемые школой дополнительные факультативы (8 %). Чтение сказок, легенд, притч, относящихся к фольклору разных народов, безусловно, способствует пониманию детьми национальных особенностей представителей соответствующих этносов.

В заключение нужно отметить, что нами пройден лишь первый шаг на пути к решению проблемы формирования этнической толерантности подростков. Однако полученные эмпирические результаты способствовали изучению роли родителей в развитии у детей понимания того, что гармоничная, активная этническая толерантность должна стать устойчивой чертой личности и главным императивом жизни в мультиэтническом мире.

Е. И. Долгаева
(г. Саранск)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ

Национальной идеей чаще всего называют систему ценностей-целей, разделяемых большинством и консолидирующих общество. В условиях современной России, переживающей ряд социальных расколов, поиски такой идеи остаются актуальными. Результаты социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах», проведенного в июле—августе 2011 г. кафедрой социологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева при поддержке РГНФ (грант № 11-03-1801е), позволяют выделить потенциальные элементы такой идеи (таблица).

По частоте упоминания различных ценностей в составе общенациональной идеи можно выделить пять групп.

Таблица
Распределение ответов респондентов на вопрос «В последнее время много говорят о необходимости общенациональной идеи (идеологии), способной объединить россиян. Какие основные понятия могли бы, с Вашей точки зрения, составить ее содержание?», %*

Вариант ответа	Удмуртская Республика		Республика Марий Эл		Республика Мордовия	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Державность (возвращение России статуса сверхдержавы)	18,4	7	22,6	6	20,8	7
Духовность	22,2	5	26,7	4	34,7	2
Интернационализм	6,0	11	7,5	9	3,8	12
Свобода	12,4	8	16,2	7	15,5	8
Демократия	7,9	10	14,3	8	12,8	9
Национальная гордость	22,6	4	24,1	5	23,4	6
Общественное самоуправление	3,0	12	2,3	12	3,4	13
Общественный порядок	23,7	3	22,6	6	29,4	4
Патриотизм	19,2	6	28,6	3	25,3	5
Права человека	39,5	1	36,1	1	32,8	3
Религия, религиозные традиции	2,3	13	3,4	11	5,3	11
Модернизация страны	9,8	9	6,0	10	9,8	10
Социальная справедливость и равенство	28,9	2	28,9	2	41,5	1
Другое	0,8	0	0,4	0	1,1	0
Затрудняюсь ответить	14,3	0	10,9	0	5,7	0

* Сумма процентов по столбцам превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Первую группу составляют ценности, потенциал которых в качестве консолидирующих наиболее высок: их отметили более 28 % опрошенных во всех республиках. Это социальная справедливость и равенство (по 29 % в Удмуртии и Марий Эл, почти 42 % в Мордовии), а также права человека (Удмуртия — 40 %, Марий Эл — 36 %, Мордовия — 33 %).

Такое сочетание интересно тем, что справедливость и равенство — достаточно традиционные ценности для российского общества, а права человека — относительно новые. Следует заметить, что респонденты Удмуртии и Марий Эл поставили права человека на 1-е место. В Мордовии это понятие отметило меньшее количество респондентов; в республике альтернатива «права человека»

заняла 3-ю позицию после социальной справедливости и равенства, а также духовности.

Во *второй группе* оказались ценности, которые во всех республиках упоминались чаще, чем в 20 % случаев: духовность, национальная гордость и общественный порядок. Духовность чаще называли жители Мордовии (35 %), более того, эта ценность заняла здесь 2-ю позицию сразу после социальной справедливости и равенства. В других регионах она находится лишь на 4—5-м местах и упоминается гораздо реже (Удмуртия — 22 %, Марий Эл — 27 %).

В Мордовии популярнее и вариант ответа «общественный порядок» (29,4 %). Например, в Удмуртии он упоминается третьим (24 %) и ценится респондентами больше, чем, например, патриотизм (19 %). В Марий Эл общественный порядок находится лишь на 6-м месте (23 %), его отмечали реже, чем духовность и национальную гордость. Частота упоминания национальной гордости во всех республиках составила 23—24 %.

В целом приоритетными элементами национальной идеи в Удмуртии чаще назывались (по степени убывания) права человека, социальная справедливость и равенство, общественный порядок; в Марий Эл — права человека, социальная справедливость и равенство, патриотизм; в Мордовии — социальная справедливость и равенство, духовность, права человека.

Это позволяет утверждать, что наиболее высоким интегрирующим потенциалом обладают социальная справедливость и равенство, а также права человека, которые во всех регионах находятся в первой тройке смысловых категорий.

Третья группа содержит достаточно важные, по мнению опрошенных, понятия, по которым, однако, не всегда достижимо полное согласие. Мы включили сюда категории, которые отметили от 23 до 29 % респондентов хотя бы в двух республиках, а именно: державность и патриотизм.

Державность, понимаемая как возвращение России статуса сверхдержавы, чаще упоминалась в Марий Эл (23 %), реже — в Удмуртии (18 %). Особое мнение у респондентов Удмуртии и по поводу патриотизма. Если в Марий Эл и Мордовии он упоминается в 25—29 % ответов, то в Удмуртской Республике его выделили менее 20 % опрошенных. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Удмуртии патриотизм находится лишь на 6-й позиции (в Марий Эл — на 3-й, а в Мордовии — на 5-й).

В целом тоска по величии собственной страны и потребность гордиться ею распространены в общественном сознании россиян, что подтверждается нашими данными. Однако в качестве элементов национальной идеи они уступают другим ценностям, обладающим большим объединяющим потенциалом.

Четвертую группу составили ценности, которые респонденты хотя бы двух республик отмечали в составе национальной идеи относительно часто (от 10 до 16 %). Сюда вошли свобода и демократия — распространенные лозунги периода становления новой России в начале 1990-х гг. Степень их востребованности в российском обществе снизилась еще в конце прошлого века. В глазах большинства населения они были дискредитированы реформаторами того времени, которые использовали эти ценности в ходе проведения в стране непопулярных либеральных реформ.

Свободу чаще упоминали в составе национальной идеи жители Марий Эл и Мордовии (по 16 %), реже — опрошенные в Удмуртии (12 %). Примерно с такой же частотой респонденты выбирали в качестве основы национальной идеи демократию: в Марий Эл и Мордовии — 13—14 %, в Удмуртии — 8 %.

Интересно в связи с этим, что такая либеральная ценность, как права человека, которая тоже известна россиянам с 90-х гг. XX в., в отличие от свободы и демократии закрепились в общественном сознании в качестве объединяющей.

Пятая группа состоит из ценностей, частота упоминания которых во всех регионах близка к статистической погрешности. Фактически можно говорить о том, что эти понятия, скорее, не объединяют, а разъединяют россиян. Группа включает как достаточно традиционные понятия (религия, интернационализм), так и относительно новые (общественное самоуправление и модернизация страны). Ни те, ни другие респонденты не считают приоритетными.

Непопулярность интернационализма, за который выступают от 4 до 8 % опрошенных, можно объяснить доминированием в постсоветском общественном сознании этнической идентичности, а не гражданской, последний вариант которой — советский — разрушился вместе с интернационализмом. Не находит достаточной поддержки и широко пропагандируемая идея модернизации страны: ее отметили в разных регионах от 6 до 10 % опрошенных. Не пользуется авторитетом общественное самоуправление (от 2 до 3 %), скорее всего в виде местного самоуправления, которое граждане не воспринимают как власть. Нет места в национальной идее и религиозным традициям (от 2 до 5 %), которые в общественном сознании заменило более широкое понятие «духовность» (его выделили от 22 до 35 % респондентов).

Таким образом, по результатам исследования формула национальной идеи, объединяющей россиян, может выглядеть так: права человека «плюс» социальная справедливость и равенство.

Если популярность левых ценностей не стала для исследователей неожиданностью, то авторитет прав человека несколько уди-

вил. Это одна из основ либеральной идеологии, которая всегда считалась в России нераспространенной. Сочетание идей равенства, справедливости и прав человека является достаточно новой комбинацией в российском общественном сознании. Возможно, нарастающие социальные расколы в России (между бедными и богатыми, властью и народом, центром и периферией, городом и селом) воспринимаются как несправедливость и порождают, в свою очередь, нарушения прав человека, закрепленных в конституции, на бесплатное образование и здравоохранение, на равенство всех перед законом и т. д. По-видимому, именно это позволяет гражданам ставить общенациональные цели, находящиеся вне традиционных идеологий.

А. В. Булавин, Н. С. Полутина
(г. Саранск)

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В «НАЦИОНАЛЬНЫХ» РЕГИОНАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1985—1991 гг.)

Современный этап отечественной истории, начавшийся в середине 1980-х гг., по глубине коллизий и перемен вполне сопоставим с самыми драматическими историческими эпохами. Распад Советского Союза и образование на его месте новых независимых государств, в том числе и России, становление идеологического и политического плюрализма, зарождение гражданского общества, новых классов — это только некоторые нововведения современной российской истории, начало которых можно датировать мартом—апрелем 1985 г. Данный период в политическом развитии страны ознаменовался процессом радикализации политических реформ, перерастанием горбачевской перестройки, направленной на модернизацию существовавшей политической системы, в политическую трансформацию, ведущую к формированию качественно нового типа политической системы, характеризующейся такими чертами, как свободные выборы органов власти, политический и идеологический плюрализм, разделение властей и т. д. Начатые перестройкой реформы впоследствии привели к изменению социально-экономического и политического устройства страны. Советский Союз распался на независимые республики. Существенную

роль в изменении политической карты СССР, становлении новой системы федеративных отношений в России, сохранении ее единства и территориальной целостности сыграли организации, выступающие под лозунгами этнического возрождения.

Однако еще до распада СССР центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых республиках, вызванных радикально-националистическими силами, а также с рядом кровавых этнических конфликтов, которые «Кремль» пытался решить в основном мирными средствами. Не получили жесткого отпора первые проявления этнически мотивированных погромов и других форм насилия в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Нагорно-Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты, в том числе мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Идеология и стратегия реформ были впервые изложены М. С. Горбачевым на Пленуме ЦК КПСС в январе 1987 г., а кульминацией нового реформаторского курса стала состоявшаяся летом 1988 г. XIX Всесоюзная партийная конференция. Политический выбор вылился в попытку замены командно-административной системы моделью демократического социализма (который до этого момента был лишь предметом теоретических разработок преимущественно в зарубежной марксистской мысли). В связи с этим вместо лозунга «ускорение» звучали слова «перестройка», «гласность» и «демократизация».

Новый главный реформаторский лозунг — «Больше демократии!» — трактовался все более широко, означая демократизацию отношений собственности, экономического управления, государственной власти и политической системы. Не менее радикальным был и замысел демократизации политической системы. В январе 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС было предложено ввести альтернативные выборы депутатов и иных государственных лиц на всех уровнях власти. В том же 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений, который решал вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр—периферия» и пытался урегулировать острые конфликтные ситуации в этнической сфере.

Новая доктрина политической демократии получила реальное воплощение в решениях XIX Всесоюзной партийной конференции. Ее резолюции, наносившие серьезный удар по сложившейся советской политической системе, казалось, создавали надежную

основу для запуска демократических механизмов в экономике и политической жизни страны.

Радикальными были решения конференции о реформе советского федерализма и межнациональных отношений. В резолюции подчеркивалось, что «речь идет, прежде всего, о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции СССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы. Важно, чтобы в каждом национальном регионе экономический и социальный прогресс сопровождался прогрессом духовным с опорой на культурную самобытность наций и народностей»¹. Решения конференции оказали огромное воздействие на советскую государственную и политическую систему и в итоге перевернули весь ход истории нашей страны.

На фоне происходящих демократических изменений этнополитические процессы в «национальных» регионах России выглядели почти незаметно. Однако и для этих территорий был характерен определенный уровень этнической нестабильности: для ряда групп его населения этничность все больше превращалась в политический ресурс, а национальные движения — в инструмент достижения соответствующих целей.

Эти и многие другие явления затронули нашу страну, оказав в последние десятилетия заметное влияние на политику, социальную сферу, систему ценностей населения и его этнокультурные и этнополитические ориентации. Распад СССР привел к параду суверенитетов национальных республик в составе Российской Федерации, а также позднее к первой и второй чеченским войнам, резко обострению межэтнических отношений на Северном Кавказе, нарастанию великорусского национализма и т. д.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Резолюции XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1988. — С. 33.

В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков,
(г. Саранск)

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Гражданское общество служит социальной предпосылкой становления демократического правового государства, ибо только наличие независимых от государства граждан, достаточно хорошо организованных, способных выражать и защищать свои интересы, создает возможность ограничить государственную власть, подчинить ее интересам граждан, сделать защиту их прав и свобод высшей целью и обязанностью государства.

Практика показывает, что гражданское общество не отделено от государства. Сегодня в мире эта структура создает (наряду с существующими вертикальными связями) горизонтальные связи в обществе и делает его более организованным, прочным, стабильным и динамичным. При отсутствии последних граждан «напрямую» связан с государством, и тогда возникает острое противоречие между личностью и государством. В демократическом обществе в приоритете ценностей граждан должны взаимовыгодно взаимодействовать государственные, национальные и личные интересы.

Гражданское общество имеет сложную структуру, включающую экономические, хозяйственные, религиозные, этнические и иные отношения.

Общественно-политические движения, в том числе этнополитической направленности, возникшие в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в стране и ее регионах, стали важнейшими элементами формирующегося гражданского общества. Нельзя полностью отрицать наличие элементов гражданского общества в советское время. Очевидно, элементами гражданского общества можно считать внепартийные, негосударственные организации, которые назывались неформальными, самодеятельными объединениями. Они носили неофициальный характер, но благодаря им граждане СССР, в основном высокообразованные, получали возможность объединяться по собственной инициативе, избавляясь тем самым от комплекса изолированности.

Неформальные ассоциации второй половины 1980-х гг. сыграли важную роль в процессе роста самосознания, позволили объединяться по интересам, развивать частную инициативу и чувство

гражданского долга. Сегодня всем ясно, что обществу, «выбирающемуся на свет» после десятилетий тоталитарно-авторитарного контроля, не может сопутствовать успех в модернизации, если его граждане пребывают в состоянии дезорганизации и не располагают в нем сетью структур, которые в состоянии мобилизовать и четко выражать всеобщую политическую волю, претворив ее в эффективный инструмент управления.

На рубеже 80—90-х гг. XX в. всплеск национального самосознания россиян привел к образованию многочисленных этнополитических движений. По сути, они сочетали в себе протест против застойных явлений, деформаций во всех сферах жизни, в том числе в области национальной политики. Значение национальных движений в становлении гражданского общества нельзя недооценивать. Уже на ранних этапах они мобилизовали массы на решение экологических, языковых, этнокультурных проблем, которых накопилось достаточно много, и в то же время они затрагивали интересы большинства населения. Следует отметить, что в требованиях национальных движений политико-властные вопросы в большей мере носили общедемократический характер. Так, народы Севера, Сибири и Дальнего Востока были больше обеспокоены разрушением среды обитания в результате добычи нефти, газа, вырубки лесов, загрязнения рек и т. д. В ряде союзных и автономных республик национальные движения выступали с требованиями решать языковые и этнокультурные задачи.

У финно-угорских народов, по мнению лидеров национальных движений, наибольшую озабоченность вызывали чрезмерное сокращение численности населения, проблемы сохранения языка, культуры, традиций и т. д. Однако с начала 1990-х гг. начинают преобладать политические требования. Притязания на государственную власть или хотя бы самоуправление от имени своего народа становятся наиболее массовым лозунгом большинства этнических движений страны. Словом, чрезмерная политизация национальных движений сыграла негативную роль в межнациональных отношениях, в формировании гражданского общества и гражданской нации в стране, ибо увлечение историей только своего народа, а не народов страны, региона, идеализация прошлого своего этноса, создание мифов о прошлом и будущем этносов не способствуют взаимопониманию народов, их единению.

Объединяя в своих рядах разные группы с различными интересами, этнические движения изначально обречены на раскол, идейную «разноголосицу». Как только объединяющая цель достигалась, начинались разброд и шатание внутри национальных движений и многие из них распадались на самостоятельные партии,

общественные организации, движения, а большинство из них переставали существовать. Примеров, подтверждающих данное направление развития этнополитических движений, достаточно: «Карабах», распавшийся на 80 различных объединений и партий, «Рух», «Возрождение» (национальное движение немцев), «Масторава» (национальное движение мордвы в Мордовии) и др.

Процесс образования многочисленных этнополитических движений в России затронул и финно-угорские народы, в том числе и мордву. В 1989 г. появляются национальные движения финно-угорских народов, такие как «Коми войтыр» в Коми, Общество удмуртской культуры в Удмуртии, «Масторава» в Мордовии, Общество карельской культуры в Карелии, Ассоциация кольских саамов в Мурманской области. Позднее возникают Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югэр» в Коми-Пермяцком автономном округе, Общество вепсской культуры, ассоциация «Спасение Югры» в Ханты-Мансийском автономном округе, общество «Марий ушем» в Марий Эл.

На начальном этапе в программных документах национальных движений ставились задачи возрождения национальной культуры, языка, сохранения самобытности, героизировалась история народа и его лидеры. К середине 1990-х гг. национальные движения все больше начинали политизироваться.

О политизации национальных движений свидетельствует тот факт, что именно по инициативе их лидеров осуществлялись подготовка и проведение съездов финно-угорских народов. Так, в Республике Коми по инициативе общества «Коми войтыр» был проведен первый съезд коми народа. В Карелии первый съезд карельского народа состоялся по инициативе Союза карельского народа. Общество удмуртской культуры провело Всесоюзный съезд удмуртского народа. В Мордовии первый съезд мордовского народа был организован обществом «Масторава».

В дальнейшем политизации этнических движений способствовало появление многочисленных местных отделений республиканских организаций, а также молодежных, женских и иных организаций. По мнению Ю. П. Шабая и А. М. Чариной, развитие финно-угорских этнонациональных движений условно можно разделить на несколько периодов. Первый (1989—1992 гг.) — когда происходило становление этих движений и оформление их идеологий. Второй (1993—1994) — это период их высшего подъема и наибольшего влияния на власть и население. Третий (1995—2000) — начало спада активности движений и появление кризисных явлений в их развитии, падение их политической роли. Четвертый период (начинается с 2000 г.) — это время затяжного

кризиса и постепенного отказа от политической деятельности и переквалификация движений из этнополитических в этнокультурные (общественные) организации¹. Попытки политизировать этничность, «огосударствить» ее противоречили становлению гражданского общества и гражданской нации в России.

Одним из первых общественных движений этнополитического характера в Мордовии считается «Масторава» (мать-земля). Оно было создано в 1989 г. как культурно-просветительское общество мокшан и эрзян и просуществовало до середины 1990-х гг., выполнив в основном свою миссию неполитической организации. Согласно мнению демократически настроенной группы — сторонников «Масторавы», ее деятельность должна была ограничиваться культурно-просветительской сферой, а политические вопросы предлагалось обсуждать через государственные органы, которые со временем становились более демократическими. Оппоненты этой группы требовали немедленного оформления «Масторавы» как политической организации, с помощью которой можно было бы заставить власть решать этнические проблемы. В то же время национально-культурная деятельность организации должна стать второстепенной. В итоге подобный крен вначале расколол движение, а потом привел к прекращению его существования.

На территории Мордовии действуют этнокультурные ассоциации и других народов (азербайджанцев, армян и т. д.), что вполне соответствует Концепции государственной национальной политики Российской Федерации и закону «О национально-культурной автономии», а также формированию гражданского общества и гражданской нации.

Национальная политика, осуществляемая в Республике Мордовия, позволяет сделать вывод о том, что десятки народов, населяющих республику, считают ее второй родиной, а межнациональные отношения характеризуются в целом как дружеские и толерантные. Проведенное в 2011 г. исследование в трех республиках Поволжья (Удмуртии, Марий Эл и Мордовии) показало, что респонденты в Мордовии при оценке характера межнациональных отношений в республике выбрали следующие варианты ответа: «межнациональные отношения спокойные» — 70,2 % (это наиболее высокий показатель среди трех исследуемых республик), «внешне все спокойно, но межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне» — 21,5 %, «имеется сильная межнациональная напряженность, возможны межнациональные конфликты» — 2,3 %, «имеют место межнациональные конфликты» — 1,1 %, затруднились ответить 4,9 % опрошенных.

Таким образом, идейный кризис этнонациональных движений во второй половине 90-х гг. XX в. не означает, что национальные

движения как важнейший фактор становления гражданского общества исчерпали свои возможности. Поэтому, как только экономическая ситуация стабилизируется, многие идеи этнополитических движений вновь будут востребованы, ибо большинство накопившихся проблем народов России и ее регионов не решены до настоящего времени. Остается также нерешенным вопрос и об эффективном контроле над деятельностью государства, который возможен только при зрелом гражданском обществе с высокой самоорганизацией граждан, социальных и этнических групп и их объединений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: *Шабаев, Ю. П.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ) / Ю. П. Шабаев, А. М. Чарина. — СПб.; М., 2010. — С. 150.

Е. Ю. Каштанова
(г. Саранск)

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ И МУСУЛЬМАН В РЕГИОНЕ (социологический аспект)

Данный доклад построен на анализе результатов исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах», которое было проведено в 2011 г. кафедрой социологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева в трех республиках Приволжского федерального округа — Мордовии, Марий Эл, Удмуртии*. При анализе результатов опроса был сделан акцент на социальном самочувствии жителей Республики Мордовия — последователей православного христианства и ислама. В результате исследования в Мордовии к православным христианам себя отнесли 90 % опрошенных, к исламу — 7 %.

Социальное самочувствие населения является индикатором, который определяет степень удовлетворения социальных потребностей. На данный показатель влияет множество факторов, такие как здоровье человека, его настроение, эмоциональное состояние, а также взгляд на происходящие события в стране и в обществе в целом. Мониторинг социального самочувствия жителей региона

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

также позволяет изучить их восприятие своего положения в обществе, оценить достаточность или «нехватку» социальных благ.

В связи с этим для анализа был выбран ряд вопросов, с помощью которых можно выявить корреляцию между конфессиональной принадлежностью респондентов и степенью их религиозности, возрастом и степенью религиозности; оценку респондентами своего денежного дохода; значимость различий между группами населения; наиболее актуальные социальные проблемы, а также проявления дискриминации на основании различных социальных признаков.

В результате анализа были получены следующие выводы.

Половина опрошенных респондентов (причем как представители православия, так и ислама в равной степени) относит себя к группе так называемых потенциально верующих. Для таких людей характерна «внутренняя вера», то есть наряду с верой в существование божественной силы люди отвергают соблюдение обрядов, обычаев и традиций, а также выполнение религиозных предписаний, норм и правил. И хотя в данном случае может иметь место ношение религиозной атрибутики, тем не менее нельзя данную группу людей отнести к категории «практикующие верующие». Около трети опрошенных респондентов указали на то, что стараются соблюдать религиозные обычаи и обряды, причем из них женщин практически вдвое больше, чем мужчин. Одной из причин такой разницы по полу является то, что мужчины более склонны к логическому восприятию действительности, чем женщины, для которых свойственна более высокая эмоциональность.

Также было выявлено, что люди более старшего возраста относят себя к группе «практикующие верующие», тогда как молодежь — к категории «потенциально верующие». Это подтверждается также тенденцией уменьшения процента потенциально верующих с увеличением возраста. Возможно предположить, что они пополняют группу практикующих верующих, так как процент безразлично относящихся к вере и неверующих с возрастом увеличивается несущественно, в то время как процент «выпадающих» из группы потенциально верующих значительно выше. Уменьшение с возрастом процента еще не сделавших выбор между верой и неверием также вписывается в общую картину, свидетельствующую о том, что с переходом в более старшую возрастную группу у индивида происходит повышение степени религиозности.

При оценке денежного дохода респондентов можно сделать следующие выводы. В целом как православные, так и мусульмане в основном считают свой доход средним, однако некоторые православные, особенно люди более старшего возраста, считают, что могут позволить себе покупку более дорогих вещей, которая у

большинства мусульман, как показал опрос, вызывает затруднения. Также полученные данные свидетельствуют о том, что среди опрошенных жителей региона около трети сталкивались с ущемлением прав на материальной почве, менее трети — по возрасту и состоянию здоровья, в то время как на религиозной и национальной почве случаи с ущемлением прав довольно редки.

Мусульмане по сравнению с православными как религиозная категория составляют меньшинство в республике. Это во многом объясняет повышенное внимание к вопросам социальной несправедливости и проблеме ущемления прав по национальному признаку. Можно предположить, что беспокойство представителей ислама относительно безработицы вызвано случаями ущемления прав, где главную роль играла их национальная и конфессиональная принадлежность.

Таким образом, на основе результатов исследования социального самочувствия представителей христианства и ислама в Мордовии можно сделать вывод, что серьезных негативных тенденций относительно дискриминации какой-либо социальной общности не наблюдается. Однако население республики, будучи полиэтническим и поликонфессиональным, нуждается в максимально комфортных социальных условиях жизни представителей всех этнических групп, проживающих на территории региона.

Е. А. Коваль, Л. В. Митякина
(г. Саранск)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗЛИЧИЙ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В поликультурном и полинациональном регионе неизбежно возникновение проблемы достижения диалога в вопросах определения общественных ценностей. На обыденном уровне данная проблема выражается в виде особенностей межличностного взаимодействия в морально значимых ситуациях (например, ситуация морального выбора, работа внутренних и внешних моральных санкций и т. д.). В качестве субъектов подобного взаимодействия могут выступать любые представители региональной социальной общности, чье моральное сознание способно функционировать. Однако наиболее репрезентативной, на наш взгляд, будет такая социальная группа, как пожилые люди.

Пожилые люди обладают устойчивым жизненным опытом, в том числе в сфере совершения моральных поступков. Под устой-

чивостью в данном случае понимается повторяемость или схожесть ситуаций, требующих от личности принятия морального решения. Моральный аспект старения подробно изучается в таком направлении социальной психологии, как психометрический подход. Однако данный подход «осуществляется с помощью батареи (комплекса) стандартизированных тестов; процедура проводится под строгим контролем и направлена на выявление индивидуальных различий, уровней обработки когнитивного стимульного материала»¹. В рамках данного подхода сравнение специфики морального сознания пожилых людей русской и мордовской национальностей можно было бы осуществить, разработав или используя готовые тесты, подобрав испытуемых обеих национальностей, обработав результаты и сравнив их между собой. Однако данное исследование является конкретно научным. Оно, так или иначе, должно иметь основание в общенаучных, точнее, философских представлениях относительно рассматриваемой проблемы.

Итак, философские основания различий морального сознания пожилых людей русской и мордовской национальностей, или представителей славянской и угро-финской групп, можно описать следующим образом.

1. Менталитет русских и мордвы имеет разные корни, что отражается на содержании элементов структуры и специфики работы морального сознания индивидуальных представителей этих национальностей.

Ментальность русских тесно связана с православным христианским мировоззрением и культурой, сформировавшейся в русле данного мировоззрения.

Согласно И. В. Емелькиной, «корни менталитета мордовского этноса, его специфика, структура, содержание — производны от мифологического сознания»². Безусловно, не стоит отрицать и влияния православного христианства на содержание морального сознания мордвы, однако христианизация этого этноса совершилась гораздо позднее, чем русских. Следовательно, мифологичность еще оказывает большое влияние на моральное сознание и поведение представителей мордовского этноса. Особенно это явление можно наблюдать в так называемых национальных селах (Ташто Кшуманца, Теризморга, Паево и др.).

2. Ментальность мордовского народа формировалась под воздействием религиозных, культурных, социально-экономических и других представлений русского народа, сохраняя при этом свою национальную идентичность, в том числе в сфере морали. В результате данных процессов сформировалось довольно эклектичная ментальность современного представителя мордовской нацио-

нальности, в том числе эклектичное моральное сознание, включающее в себя разнообразные ценности и модели поведения.

3. Моральное сознание пожилых людей имеет наднациональные особенности, которые в большинстве случаев одинаковы для представителей рассматриваемых групп: возрастание значимости смысловых проблематики, склонность к размышлению о прошлом, стремление к раскаянию, сожаление о невозможности исправления результатов поступков, выходящих за пределы морали, и др.

4. Специфика морального сознания пожилых людей русской и мордовской национальностей заключается в том, что:

— моральное сознание пожилых русских системно, моральное сознание пожилых представителей мордовской национальности — несистемно, эклектично. Однако есть различия и в механизме процесса систематизации. Для славян систематизация осуществляется при антропологическом смещении по общему, а для финно-угров — по локально-общему³;

— моральное сознание пожилых представителей мордовской национальности оказывается более устойчивым к инновационным и модернизационным процессам современности, чем моральное сознание пожилых русских. Можно предположить, что это связано со спецификой ментальности и системности сознания русских и мордвы. Система быстрее включается в переходные макропроцессы, чем эклектичное образование.

Итак, можно отметить тот факт, что в формировании морального сознания личности большое значение имеют культурная и религиозная традиции. Современные пожилые представители русского и мордовского этноса были воспитаны и прожили большую часть жизни под влиянием советской идеологии, пропагандирующей наднациональные ценности и моральные нормы. Тем не менее различия в содержании элементов и механизмов функционирования их морального сознания существуют и корни этих различий — в особенностях культурных и религиозных традиций русского и мордовского народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краснова, О. В. Социальная психология старения: учеб. пособие / О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Изд. центр «Академия», 2002. — С. 23.

² Емелькина, И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль / И. В. Емелькина: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2011. — С. 47.

³ См.: Гагаев, А. А. Философия и психология естественных, технических и гуманитарных наук: культурно-типическая и личная модель науки (логика открытия) / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев // Космо-психо-логос уникального человека. Система философии: в 3 ч. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — Ч. 2, 3. — С. 146.

Н. Е. Лобанова
(г. Саранск)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИУМЕ

В современном мире актуальной в теоретическом и практическом плане остается проблема гармонизации межнациональных отношений, интеграции различных этнических групп в полиэтническое сообщество с целью сохранения их культурной самобытности и поддержания внутренней целостности таких сообществ, изучения различных форм мирных взаимодействий различных этнических групп с целью решения стоящих перед обществом проблем.

В России в настоящее время этносоциальные процессы протекают в условиях модернизации общества. Одним из социальных институтов, выполняющих функцию регулирования межэтнических отношений, остаются республики, расположенные в районах преимущественного проживания отдельных национальностей. Национальные республики, по своему этническому составу представляющие собой полиэтнические сообщества, тем не менее продолжают играть важную роль в сохранении культурного многообразия страны и внутренней интеграции этнических общностей.

Гармонизация межэтнических отношений — это динамическая характеристика состояния межэтнических отношений и процесс, нацеленный на достижение гармонии в отношениях этнических групп, а также совокупность социально-психологических технологий, рассматриваемых в качестве средств достижения этой цели. Она представляет собой единство процессов воспроизводства этничности и этнических различий, с одной стороны, а также интеграции этнических групп в полиэтническое сообщество — с другой.

К основным аспектам гармонизации межэтнических отношений относятся баланс между этническими и неэтническими практиками, межкультурная интеграция, равенство этнических групп в правовом отношении, их психологическая конформность, преобладание в общественном сознании установок на межэтническое сотрудничество и институционализация отношений межэтнической кооперации в виде различных форм социального партнерства. Эти аспекты можно рассматривать в качестве факторов гармонизации межэтнических отношений, взаимно усиливающих друг друга.

Как показывают исследования, в настоящее время для межэтнических отношений присущи основные черты модели гармонизации: баланс между этническими практиками, локализуемыми в сфере семейного общения, этнокультурного образования, профессиональной и самодеятельной этнической культуры, этнической прессы, и неэтническими практиками. Положение этнических групп характеризуется толерантностью, «размытостью» этнических границ, равенством в правовом и политическом отношении, преобладанием установок на сотрудничество. Регионы с гармоничными межэтническими отношениями отличаются позитивным восприятием как своей, так и других этнических групп, стабильностью межличностных и межгрупповых отношений.

Основной характеристикой межэтнических отношений является толерантность — терпимость к межгрупповым различиям, способность принять партнера по взаимодействию таким, каков он есть, с присущими ему этнокультурными особенностями. Однако социальная дистанция между этническими группами в таком регионе сохраняется: несмотря на то что в большинстве сфер социальной жизни отношения строятся без учета этничности, она все же актуализируется в социально значимых отношениях, в наибольшей степени влияющих на статус индивида, в основном при выборе брачного партнера, родственных, дружеских отношениях.

К социально-психологическим предпосылкам гармонизации межэтнических отношений следует отнести баланс этнической, региональной и общероссийской идентичности, к структурным предпосылкам — примерное равенство социального статуса этнических групп, к институциональным факторам гармонизации межэтнических отношений на региональном уровне — сбалансированную этническую (национальную) политику, основанную на принципах равноправия жителей региона вне зависимости от этнической принадлежности, всесторонней поддержки меньшинств и сотрудничества с этнокультурными организациями, а также консенсус в отношении национально-государственного устройства региона и России в целом.

Особенностями этнических границ в регионах с гармоничными межэтническими отношениями являются формирование и поддержание этих границ на основе культурных символов, а не идеологических и политических факторов. В качестве таких факторов выступают язык, традиционная культура (включая религию), а также этнические автостереотипы — представления об общности черт характера. Этнические отношения в регионе, соответствующем гармоничной модели, строятся на основе преобладания этноконтактных установок, ориентирующих на сотрудничество и вза-

имную толерантность. Совокупность позитивных этноконтактных установок и общих ценностей составляет основу культуры межэтнических отношений, являющейся одним из основных социальных факторов сохранения стабильных межэтнических отношений.

Таким образом, рассмотрение процесса гармонизации общественных отношений между различными социальными субъектами актуально прежде всего потому, что в нем нарастают дезинтеграционные процессы, ведущие к обострению их экономических, политических, социально-психологических и иных интересов. В связи с этим возникает необходимость выработки эффективных способов преодоления углубляющихся противоречий между социальными группами и стабилизации общества. Речь идет в первую очередь о различных уровнях согласования и в конечном счете о гармонизации интересов всех социальных групп.

И. С. Луконькина
(г. Саранск)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА МИГРАНТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

В настоящее время привлечение рабочей силы из-за границы приобретает в России все большие масштабы, что объясняется потребностью бизнеса в использовании малоквалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы, на роль которой соглашается все меньшая часть местных жителей. Приток мигрантов способен радикально изменить этнический состав населения страны в течение ближайшего столетия. В связи с перспективой расширения масштабов привлечения иностранной рабочей силы особенно большую значимость приобретает проблема взаимной толерантности мигрантов и принимающего сообщества.

Рост числа иностранцев, желающих работать в Мордовии, вызван экономическим подъемом нашей республики и большим количеством строящихся объектов. Иностранные мигранты участвовали в строительстве Мордовского государственного национального театра, Ледового дворца, стадиона «Старт», реконструкции ООО «ВКМ-Сталь», а также в отделочных работах Кафедрального собора святого праведного воина Феодора Ушакова.

Включение трудовых мигрантов в местное сообщество приводит к социальному взаимодействию, в основе которого лежат ус-

тоявшиеся представления и стереотипы. Исследования показывают, что образ мигранта у населения формируется, как правило, под воздействием средств массовой информации. Именно СМИ в современном обществе создают своеобразные модели действия, поведения и отношения.

В современных СМИ образ мигранта выступает одним из центральных. Известно, что общественное сознание вырабатывает стереотипы как в отношении «чужих», так и в отношении «своих». Однако именно образ «чужих» более подвержен конструированию. «Чужой» воспринимается более схематично и оценивается менее благоприятно, чем члены «своей» группы.

Нами было проведено исследование, посвященное анализу образа трудового мигранта в региональных СМИ. Методом исследования выступил контент-анализ региональных газет («Вечерний Саранск», «Известия Мордовии» и «Столица С») по проблеме трудовой миграции.

Анализ показал, что журналисты в качестве синонима к понятию «трудовой мигрант» используют выражения «иностранцы граждане», «выходцы из ближнего и дальнего зарубежья», «наемные работники», «гастарбайтеры», «нелегалы или нелегальные мигранты».

После вступления в силу с января 2007 г. процедуры упрощенной постановки иностранцев на миграционный учет значительно возросла численность иностранных граждан, обратившихся за получением разрешений на работу. В соответствии с Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» отменена регистрация иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания и введен миграционный учет иностранных граждан по месту пребывания в Российской Федерации. На фоне законодательных изменений меняется тематический сюжет публикаций. Большая часть статей стала посвящаться трудовой деятельности мигрантов.

В процессе анализа газетных статей нами было выявлено, что СМИ к приезжим из других стран относятся с пренебрежением, стараются представить информацию с негативной окраской. Такое отношение к трудовым мигрантам конструируется на основе темы, связанной наркотиками. Связка «наркотики — миграция» формирует следующий негативный ассоциативный ряд: «мужчина — таджик — мигрант — иностранец — гастарбайтер — наркоторговец». Данная стратегия является преобладающей.

Перечислим основные составляющие стереотипа мигранта, регулярно встречающиеся в публикациях.

Мигранты — преимущественно выходцы с Кавказа или из Средней Азии; имеют неопрятный внешний вид; часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ); не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих; плохо знают русский язык; не уважают «наши» правила поведения, обычаи и культуру; берутся за любую, самую тяжелую и грязную работу, которую не хотят выполнять коренные жители, готовы трудиться за многократно меньшую заработную плату, получать деньги через «черную» кассу, не иметь страховки и трудовых льгот; обладают сплоченностью, образуют этнические криминальные группировки, занимающиеся ограблениями, наркоторговлей, контрабандой оружия и причастные к терроризму; создают социальные проблемы, обостряют обстановку в российских городах, селах и т. д.

Последствия миграции оцениваются авторами публикаций в лучшем случае как неоднозначные, в худшем — как безусловный вред интересам страны и серьезная угроза ее безопасности.

Таким образом, публикации в средствах массовой информации предлагают в основном негативно окрашенный образ иностранного трудового мигранта как «чужого», «опасного», «врага». Этот стереотип может способствовать обострению социальной напряженности и возникновению межнациональных конфликтов.

Г. И. Макарова
(г. Казань)

РОССИЙСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ?*

1990—2000-е гг. были периодом активного конструирования новых национально-гражданских идентичностей в постсоветском пространстве. В частности, с провозглашением суверенитета Татарстана (1990 г.) в республике начинается формирование региональной общности, в первое время позиционировавшейся местными властями как альтернативная общероссийской. Ее построению способствовали особая экономическая стратегия республики («мяг-

кое вхождение в рынок»), находившая поддержку среди части татар и русских региона; а также важная для значительной доли татар политика воплощения в жизнь лозунга их «этнокультурного возрождения». Федеральный центр был на том же этапе крайне слаб, раздираем социально-политическими, экономическими противоречиями и не мог обеспечить последовательное формирование единой государственно-гражданской идентичности.

Первое десятилетие 2000-х гг. озаменовано попытками ведущих политических сил страны сплотить неоднородное в социокультурном плане население России. Задача формирования российской нации ставится в рамках политического дискурса, на ее решение направляются законы и законодательные акты, реализуются конкретные «идеологические проекты интеграции». В то же время элита Татарстана продолжает, хотя и с меньшей интенсивностью, но безуспешно, проводить политику этнокультурного развития титульной группы, а также укрепления региональной солидарности.

Нашей целью является изучение динамики соотношения общероссийской и региональной идентичностей представителей наиболее многочисленных этнических групп — татар и русских — в Республике Татарстан в названный период на основе сравнения результатов трендового массового анкетирования 2001 и 2010 гг., проводившегося в городах и сельских районах Татарстана¹, с данными массового социологического опроса, проведенного в Республике Татарстан в 1994 г. под руководством Л. М. Дробижевой².

Согласно данным опроса 1994 г., у большинства татар (трех пятых горожан и четырех пятых сельчан) чувство принадлежности к региону в 1990-е гг. доминировало. Еще почти для трети горожан и десятой части сельчан оно являлось важным наряду с российской идентичностью; процент же «исключительно россиян» (по данным ответа на вопрос «Кем Вы себя больше чувствуете — татарстанцем или россиянином?») был ничтожно мал. В свою очередь, русские практически разделились на три группы: треть горожан и сельчан ощущали себя россиянами и татарстанцами в равной мере; пятая часть горожан и четвертая часть сельчан — больше татарстанцами; более трети городских и пятая часть сельских русских указывали на то, что они относят себя к россиянам.

К 2001 г. в контексте начавших проявляться тенденций централизации и идеологических усилий федеральной власти в Татарстане обозначается поворот к повышению значимости общероссийской идентичности. Однако он происходит здесь не за счет идентичности региональной, а наряду с ней. Так, доля респонден-

* Тезисы подготовлены при поддержке РГНФ, проект № 00-03-00002.

тов, идентифицирующих себя и с Россией, и с республикой, возрастает как среди татар, так и среди русских-горожан (на 10—11 %). Соответственно, часть населения, относившая себя исключительно к татарстанцам, снижается (среди татар-горожан — на 17 %, сельчан — на 10 %; городских русских — на 9 % и сельчан — на 20 %). Процент «россиян» у русских остается на том же уровне, а у татар-горожан незначительно возрастает (с 3 % до десятой их части).

На протяжении последнего десятилетия действие обозначенной тенденции продолжается. К россиянам себя относят уже 69 % татар, что в целом вписывается в среднероссийские показатели гражданской идентичности, полученные в 2006 г. по проекту РМЭЗ, а также ЕСИ³. Одновременно среди русских цифры близки к средним данным по регионам с доминирующим русским населением: абсолютное их большинство (95 %) указало, что считает себя россиянами либо «татарстанцами и россиянами в равной мере»⁴. Соответственно, доля «чисто татарстанцев» существенно снижается: у татар — с половины почти до четверти, у русских — с 10 до 3 %, количество же «только россиян» практически остается и у тех, и у других на прежнем уровне — 36 % русских и 7 % татар.

Обозначенная специфика соотношения российской и региональной идентичностей, когда число татарстанцев, чувствующих принадлежность к России, растет при сохранении важности локальной идентичности, объясняется рядом факторов. Во-первых, это относительно высокий уровень социально-экономического развития региона, позволяющий успешно осуществлять социальные программы. Второй фактор — это усилия и воля политической элиты республики, умеющей ставить и достигать стратегические цели. В-третьих, это современная этнокультурная политика, в которой части татар импонирует стремление региональных властей сохранить достижения 1990-х гг. в развитии татарского языка и культуры; определенной же доле русских близка выдвигаемая в 2000-е гг. формула равенства татарской и русской культуры в Татарстане. Непротиворечивому совмещению региональной и российской идентичностей способствует также продвигаемый в последние годы в республике тезис о татарстанской идентичности как части общероссийской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О выборке см.: Макарова, Г. И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан / Г. И. Макарова. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. — С. 9—10.

² О выборке см.: Дробижеева, Л. М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижеева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева и др. — М.: Мысль, 1996. — С. 3—10.

³ См.: Российская идентичность в Москве и регионах. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. — С. 20, 22. Следует заметить, что в РФ есть республики, в которых показатели национально-гражданской идентичности представителей титульной национальности ниже, чем в Татарстане, например в Чечне (см.: Там же. — С. 21) или в Якутии (см.: Там же. — С. 33).

⁴ См.: Российская идентичность в Москве и регионах. — С. 20.

Н. П. Миронова

(г. Сыктывкар)

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ У СТУДЕНТОВ г. СЫКТЫВКАРА (по материалам социологических исследований 2004—2011 гг.)

Для понимания того, как происходит формирование духовной культуры молодежи в настоящее время, важны исследования общегражданских и этнокультурных установок, особенно в свете усилившихся проявлений ксенофобии и этнонационализма.

Основными источниками по данной теме являются данные этносоциологических исследований и мониторингов общественного мнения, проводившихся в Республике Коми в последние годы. Наиболее крупными из них являются следующие исследования: 1) республиканский социологический опрос «Я и мой народ» (2004 г.; выборка учащейся молодежи составила 429 чел.); 2) республиканский мониторинг, организованный Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН по заказу Министерства национальной политики Республики Коми (2008 г.); 3) опрос «Север и северяне» (март 2010 г.; всего приняло участие 900 чел.). Некоторые сведения по содержанию и функционированию этнических стереотипов в молодежной среде содержатся и в полевых материалах автора, которые включают данные этносоциологического опроса студенческой молодежи г. Сыктывкара (выборка — 500 чел.), а также глубинных интервью со студентами (всего приняло участие 35 чел.).

Цель данной работы — выявление содержания основных этнических стереотипов среди студентов г. Сыктывкара.

В целом Республику Коми можно охарактеризовать как спокойный по межэтническому взаимодействию регион, где не было сколько-нибудь значимых конфликтов на этнической или религиозной почве. Тем не менее уровень латентной конфликтности довольно высок.

Опросы, проводившиеся в республике в 1990-е гг. и в первой половине текущего десятилетия, неизменно фиксировали высокий уровень «кавказофобии», который не только не снижался, но и имел тенденцию к возрастанию. Данные опроса «Я и мой народ» (2004 г.) показали, что ксенофобские настроения стали важной составляющей массового сознания: 40,2 % респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов¹. По данным того же опроса, среди молодежи уровень «кавказофобии» выше общереспубликанского на 10 %. На вопрос анкеты 2007 г. об отношении к мигрантам из стран ближнего и дальнего зарубежья основная масса молодежи ответила «нейтрально», но при этом количество респондентов, выбравших вариант ответа «скорее отрицательно», в 2 раза превосходит выбравших альтернативу «скорее положительно». Результаты республиканского мониторинга 2008 г. также показали, что, по мнению жителей Республики Коми, более подвержены нетерпимому отношению к лицам других национальностей молодежь школьного возраста (34,6 %) и студенчество (40,8 %)². Весьма показательными являются ответы на вопрос о недавних этнических мигрантах, полученные в рамках проекта «Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре». Респондентам предлагалось выделить этнические группы населения Республики Коми, которые, по их мнению, возникли недавно, а затем определить свое отношение к данным группам. Среди таких групп на первом месте по упоминанию находятся «кавказцы» (37,0 %), на втором — азербайджанцы (27,5 %), на третьем — армяне (10,9 %), затем идут китайцы (7,4 %) и вьетнамцы (7,2 %). Последние группы, конечно, являются «мифическими», ибо количество и тех, и других ничтожно, но в массовом сознании уже прочно сформировано представление об угрозе из Азии — данные группы по упоминанию «обошли» реально формирующиеся группы. Высокий уровень этнической интолерантности доказывают и данные, полученные в ходе глубинных интервью со студентами вузов г. Сыктывкара. Так, в материалах опроса часто встречаются замечания по отношению к мигрантам из кавказского региона: «...я совсем не хотела бы быть кавказской национальностью в Республике Коми, мне кажется, я чувствовала бы себя неуютно...»³ или «...могу честно сказать, что испытываю личную неприязнь к лицам кавказской национальности, т. к. они засоря-

ют нашу республику и занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители...»⁴

Такая нетерпимость по отношению к «кавказцам», причем в эту категорию (по мнению жителей республики) входят не только выходцы из Северного Кавказа, но и молдаване, узбеки, киргизы (все «черные»), со стороны представителей титульного населения подкрепляется широко распространенной в СМИ и общественном мнении националистической риторикой, которая приводит к конструированию образа «чужого». При этом этничность выступает как демаркационная линия между «своими» и «чужими».

Высокий уровень мигрантофобии среди молодежи и населения республики в целом говорит о проблемах внутри регионального сообщества. На сегодняшний день признается низкий уровень региональной идентичности среди молодежи. Республика не является привлекательным в социально-экономическом и культурном планах регионом для молодежи. Отмечается фрагментированность самого республиканского сообщества, что не позволяет сложиться обществу с едиными целями и тесными территориальными связями и затрудняет процессы интеграции мигрантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шабаетов, Ю. П. Коми / Ю. П. Шабаетов // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. — М. : УОП ИЭА РАН, 2007. — С. 98.

² См.: Рожкин, Е. Н. Межнациональные факторы социокультурной динамики в XX веке в Республике Коми / Е. Н. Рожкин, В. В. Фаузер // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века : материалы Междунар. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина, г. Сыктывкар, 19—20 февр. — Сыктывкар, 2009. — С. 136—143.

³ Полевые материалы автора: интервью № 23, г. Емва — колледж экономики и права Сыктывкарского государственного университета.

⁴ Полевые материалы автора: интервью № 47, п. Троицко-Печорск — колледж экономики и права Сыктывкарского государственного университета.

Е. Н. Мокшина, Т. Н. Бегаева
(г. Саранск)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В МОРДОВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мокша-мордовское с. Салазгорь — одно из крупнейших сел в Торбеевском районе Республики Мордовия, находящееся в восьми

километрах от райцентра. Возникло оно во второй половине XVII в. Согласно местным легендам, первыми поселенцами в этих местах были крестьяне в основном из с. Анаево и частично из с. Ачадово современного Zubovo-Полянского района. Переселенцы, выбрав салазгорские окрестности, стали селиться куреньями (морд. «куроня» — сообщество соседей части улицы, часто имеющее родственные связи).

Православное христианство местные мордва-язычники приняли в 1742 г. Первая деревянная Никольская церковь построена в 1763 г., однако впоследствии она сгорела при пожаре. По преданиям, она уже тогда играла в селе огромную роль. Все его жители должны были посещать по праздникам службу. В селе действовала церковно-приходская школа, в которой преимущественно обучались дети более состоятельных крестьян.

В начале XX столетия в селе началось строительство новой церкви, большой и величественной. Поныне эта церковь, именуемая Живоначальной Троицы и располагаемая в центре села, является гордостью его жителей.

Недавно церковь обрела икону новомученика Иоанна Салазгорского, канонизированного Архиерейским собором Русской православной церкви в августе 2000 г. Икону писали в Московской епархии, в с. Салазгорь святыню доставила одна из племянниц новомученика Иоанна Сельманова, расстрелянного в 1937 г. за религиозную агитацию. Жители с. Салазгорь являются довольно верующими, они вместе с настоятелем церкви Живоначальной Троицы прикладывают огромные силы на восстановление разоренного в советский период храма в своем родном селе.

В июле 2011 г. в с. Салазгорь работала этнографическая экспедиция Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Задача ее состояла в том, чтобы изучить уровень и характер религиозности жителей села на современном этапе. Основным инструментарием исследования служил вопросник, составленный доктором исторических наук, профессором кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Е. Н. Мокшиной. Он заполнялся в процессе интервьюирования без указания фамилии, имени и отчества информатора. Такая анонимность способствовала сбору более объективной информации. Было опрошено 139 чел. мордвы-мокши, из них мужчин — 61 чел., женщин — 78 чел.

На вопрос «Какой религии Вы придерживаетесь?» все респонденты выбрали вариант ответа «православие». Крещеными оказались 93 % информаторов.

В церковь ходят большинство жителей села. Это подтвердили 87 % опрошенных. Правда, делают это регулярно 30 % информа-

торов, остальные (57 %) бывают в церкви реже, по религиозным праздникам и при исполнении некоторых православных обрядов (крещения, венчания, отпевания и др.).

В целях изучения отношения жителей сельских районов Республики Мордовия к происходящим в стране в постсоветское время переменам в религиозной жизни, возможностям их использования в решении ряда важных общественно-политических и культурных задач, в духовно-нравственном возрождении народов России, в укреплении ее единства в анкете были поставлены следующие вопросы: 1) «Как Вы думаете, возросла ли роль религии в жизни общества и как Вы к этому относитесь?»; 2) «Как Вы думаете, может ли религия помочь возрождению России, упрочению целостности государства, укреплению нравственных устоев общества?».

На первый из них большинство респондентов (68 %) ответили, что роль религии в обществе возросла, верующих стало больше и это хорошо. Однако среди опрошенных были и такие, кто, отмечая возросшее влияние религии, выражал по этому поводу недовольство, но их немного — 7 %. Несколько иного взгляда придерживались 19 % информаторов. По их мнению, роль религии в обществе в последнее время не возросла в связи с тем, что и раньше она была не меньшей, так как они всегда верили в бога. Возрастающее влияние религии в обществе отрицали 6 % опрошенных.

При ответе на второй вопрос большинство информаторов (75 %) ответили положительно, хотя некоторые из них (39 %) считают, что такая помощь вряд ли будет существенной. Отрицательный ответ был получен от 2 % респондентов. Остальные (23 %) не знали ответа на вопрос.

В современном мире нередко этнополитические конфликты, в которых религиозный фактор играет немаловажную роль. Несмотря на то что Мордовия является относительно спокойным регионом России, проблема отношения населения к людям иных религиозных убеждений остается актуальной для исследователей. Поэтому в анкете содержались вопросы «Каково Ваше отношение к людям другого вероисповедания?» и «Как Вы думаете, могут ли возникнуть конфликты в Мордовии на религиозной основе?».

Отвечая на первый из них 46 % опрошенных заявляли, что к людям другого вероисповедания относятся доброжелательно. Терпимое отношение к таковым высказали 27 % информаторов, полагая, что каждый человек сам выбирает веру. Не терпят иноверцев 4 % опрошенных. Считают, что каждый человек должен придерживаться той веры, что и другие представители его национальности, 13 % респондентов. Остальные (10 %) признались, что не задумывались над этим вопросом.

При ответе на второй вопрос 27 % респондентов заявили, что не исключают возможность возникновения конфликтов в Мордовии на религиозной почве, особенно если их будут разжигать искусственно. 26 % информаторов полагают, что подобные конфликты в республике не возникнут, ибо в ней нет серьезных противоречий в религиозной сфере и никому не удастся их создать. Некоторые опрошенные считают такое нереальным из-за вообще малого влияния религии на население (10 %). Большая часть респондентов (37 %) ответила, что не знает ответа на этот вопрос.

В постсоветский период в Россию хлынул поток проповедников различных религий из-за рубежа. С чрезвычайной быстротой увеличивалось количество сект. Не обошли своим вниманием иностранные миссионеры и Республику Мордовия. И хотя подавляющее большинство населения Мордовии, как русские, так и мордва, придерживаются православия, сектанты пытаются вести здесь прозелетическую работу.

В ходе анкетирования, проведенного этнографической экспедицией, сельчанам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что в Мордовию, в Россию приезжает и ведет религиозную агитацию среди населения большое число проповедников зарубежных, а также сектантов различных „мастей“?». Мнения опрошенных разделились. Резко отрицательно отнеслись к деятельности иностранных миссионеров и сектантов, считая, что им нельзя давать возможность вести агитацию населения, 36 % респондентов. Другие опрошенные были менее категоричны и заявили о том, что поскольку в нашей стране существует свобода совести, то пусть они продолжают вести свою работу свободно (31 %) либо под контролем органов государственной власти (15 %). Все остальные респонденты не дали ответа на поставленный вопрос (18 %).

В целом позитивные результаты анкетирования жителей с. Салазгорь свидетельствуют о том, что в сфере их религиозной жизни нет серьезных проблем и противоречий. Тем не менее опрос выявил некомпетентность, пассивность и безразличие многих сельчан к важным для будущего мордовского народа вопросам (в т. ч. в области этноконфессиональной жизни и т. д.). Поэтому необходимо уделять больше внимания развитию и росту этнического самосознания жителей Мордовии.

В. Н. Мотькин
(г. Саранск)

РУССКИЕ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ

Чтобы представить социальный портрет русских в полиэтничных регионах, оценить их экономическое положение и социальное самочувствие, обратимся к результатам исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах», проведенного кафедрой социологии Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева в 2011 г. на территории республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республики*. Всего в этих субъектах РФ было опрошено по 227 чел.

Основным источником дохода русских респондентов в Удмуртии, Марий Эл и Мордовии является заработная плата (таким образом ответили соответственно 76,4; 79,2 и 82,7 % опрошенных). Вариант ответа «заработная плата» также выбрали большинство представителей титульных этносов — удмуртов (81,2 %), марийцев (75,7 %), мордвы (71,1 %). В качестве дополнительных источников доходов в Удмуртии и Марий Эл русские респонденты чаще называли «помощь родственникам» (32,1 и 41,5 %). В Мордовии большая часть опрошенных (34,6 %) указала на альтернативу «случайные (временные) заработки». При этом на доходы от подсобного хозяйства рассчитывают в Удмуртии 29,6 % опрошенных русских, в Мордовии — 19,2 %, в Марий Эл — 15,1 %. На государственные пособия и компенсации надеются 21,7 % русских респондентов в Марий Эл, 8,6 % в Удмуртии и 7,7 % в Мордовии. Доходами от собственности и ценных бумаг располагают только 1,2 % опрошенных русских в Удмуртии, 2,8 % в Марий Эл и 4,8 % в Мордовии. При этом в Марий Эл на подобный источник ориентируются 25 % опрошенных татар, а в Мордовии — 33,3 % опрошенных татар. На благотворительную помощь в Удмуртии надеются только 2,5 % опрошенных русских и 4,1 % удмуртов, в Мордовии эту позицию выделили только 1,6 % опрошенной мордвы, а в Марий Эл эту позицию все опрошенные этносы оставили без внимания. Титульные этносы в качестве дополнительных источников чаще называли «доходы от подсобного хозяйства» (удмурты — 38,8 %), «государственные пособия и компенсации» (марийцы — 35,7 %), «случайные (временные) заработки» (мордва — 29,5 %). Свои доходы русские в трех республиках оценили следующим образом: 52,0 % опрошенных в Удмуртии, 53,0 % в

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-1801е.

Марий Эл и 55,4 % в Мордовии выбрали вариант ответа «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако крупные покупки приходится откладывать». Ту же позицию выделили большинство опрошенных, представляющих титульные этносы, в Удмуртии — 43,6 % и Мордовии — 55,7 %. У 27,0 % опрошенных русских в Удмуртии, у 22,0 % в Марий Эл и 25,7 % в Мордовии денег хватает только на приобретение продуктов питания (37,3 % опрошенных марийцев в Марий Эл ответили так же). Товары длительного пользования могут себе позволить 10,8 % опрошенных русских в Удмуртии, 11,9 % в Марий Эл и 12,2 % в Мордовии. Альтернативу «денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг» отметили 6,1 % опрошенных русских в Удмуртии (10,9 % удмуртов), 8,9 % в Марий Эл (14,7 % марийцев) и 3,4 % в Мордовии (8,3 % мордвы). При этом 1,4 % опрошенных русских в Удмуртии (удмуртов — 1 %), столько же респондентов в Мордовии и 2,4 % в Марий Эл (марийцев — 2,7 %) указали на то, что денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать. Как показал опрос, существенных различий в материальном положении русских в трех республиках не наблюдается, также отсутствуют значительные различия по этому показателю между русскими и титульными этносами, проживающими в одних субъектах.

Большая часть опрошенных русских в республиках (43,2 % в Удмуртии, 47,3 % в Марий Эл и 42,7 % в Мордовии) идентифицирует себя со средней частью среднего слоя; 27,0 % русских респондентов в Удмуртии, 24,7 % в Мордовии и 21,0 % в Марий Эл — с низшей частью среднего слоя; 14,9 % в Удмуртии, 11,3 % в Мордовии и 4,2 % в Марий Эл — с низшим слоем. К высшей части среднего слоя отнесли себя 14,4 % опрошенных русских в Марий Эл, 8,0 % в Мордовии и 4,7 % в Удмуртии; к высшим слоям — только 1,2 % русских респондентов в Марий Эл. Представители титульных этносов в основном солидарны в ответах на этот вопрос с русскими, однако к низшему слою они отнесли себя в большем количестве (удмурты — 16,8 %, марийцы — 10,7 %, мордва — 17,5 %), чем опрошенные русские.

Таким образом, существенные различия в экономическом статусе респондентов в зависимости от их национальности не просматриваются. Большинство опрошенных среди представителей всех национальностей считают себя малообеспеченными, но при этом причисляют себя к средним слоям общества.

По мнению русских, проживающих в полиэтничных республиках, наиболее значимыми для всех групп населения являются различия по доходам (бедные, богатые, средний класс) — (Удмур-

тия — 50,0 %, Марий Эл — 53,3 %, Мордовия — 74,0 %); между населением и властью, политиками — (Удмуртия — 21,6 %, Марий Эл — 35,9 %, Мордовия — 50,7 %); социально-классовые — (Удмуртия — 19,6 %, Марий Эл — 19,2 %, Мордовия — 24,0 %). Позицию «различия по национальности» выбрали 8,8 % опрошенных русских в Удмуртии (и 9,0 % удмуртов), 6,6 % в Марий Эл (и 13,3 % марийцев), 11,6 % в Мордовии (и 9,4 % мордвы).

В ходе опроса выяснилось, что больше всего русских в республиках беспокоят такие проблемы, как алкоголизм, наркомания, СПИД — 50,0 % опрошенных в Удмуртии, 64,3 % в Марий Эл и 40,3 % в Мордовии; рост цен — 43,2 % респондентов в Удмуртии, 42,3 % в Марий Эл и 41,6 % в Мордовии; безработица — 37,2 % опрошенных в Удмуртии, 38,7 % в Марий Эл и 47,0 % в Мордовии. На проблему ухудшения отношений между людьми разных национальностей в Удмуртии обратили внимание 1,4 % опрошенных русских и 4 % удмуртов, в Марий Эл — 1,2 % русских, а в Мордовии — 1,0 % мордвы, т. е. русские в Мордовии и марийцы в Марий Эл вообще не придали ей значение. Это свидетельствует о невысокой степени угрозы для стабильности межнациональных отношений в этих республиках.

Согласно исследованию, русские во всех анализируемых республиках указали, что за последние три года им не приходилось сталкиваться со случаями ущемления своих прав по национальности: в Марий Эл — 90,4 %, Удмуртии — 91,8 %, Мордовии — 92,5 %.

Большинство опрошенных русских респондентов во всех трех субъектах оценивают межнациональные отношения как спокойные: (Удмуртия — 58,8 %, Мордовия — 66,4 %, Марий Эл — 67,3 %). Вместе с тем считают, что внешне все спокойно, но межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне, 21,6 % опрошенных русских в Удмуртии, 23,8 % в Марий Эл, 24,8 % в Мордовии. Определенная часть русских респондентов испытывает беспокойство по поводу межнациональной напряженности и возможности межнациональных конфликтов (Удмуртия — 6,1 %, Марий Эл — 1,8 %, Мордовия — 1,3 %). Особую тревогу вызывает тот факт, что 4,1 % опрошенных русских в Удмуртии, 1,8 % в Марий Эл и 0,7 % в Мордовии уверены в том, что в их республиках имеют место межнациональные конфликты. Представители титульных этносов в целом оценивают ситуацию в области межнациональных отношений в своих субъектах так же, как и русское большинство с незначительными расхождениями. Так, на имеющиеся межнациональные конфликты указали 3 % опрошенных удмуртов, 2,7 % марийцев и 2,1 % мордвы.

Чаще всего в качестве основных причин напряженности в отношении между людьми разных национальностей русские называли — в Удмуртии: «неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей» (55,6 %) и «экономический кризис» (28,9 %); — в Марий Эл: «неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей» (44,7 %) и «исторически сложившиеся предрассудки и предубеждения о людях других национальностей» (36,2 %); — в Мордовии: «неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей» (50,0 %) и «назначение на руководящие должности по национальному признаку» (32,5 %). Представители титульных этносов на первое место поставили ту же причину, что и русские, но мнения по второй позиции разделились: удмурты и мордва указали на исторически сложившиеся предрассудки и предубеждения о людях других национальностей (соответственно 26,3 и 40,0 %), марийцы — на неравенство доходов представителей различных национальностей (33,3 %).

Интересен тот факт, что в Мордовии определенная часть русских (15 %) и значительная часть татар (30 %) обеспокоены ростом этнического самосознания национальностей, проживающих в республике, при этом данную позицию мордва вообще оставила без внимания. Следует отметить то, что 100 % опрошенных марийцев, проживающих в Удмуртии, указали на единственную причину — неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей.

Опрос показал, что за последние три года межнациональные отношения в трех субъектах, по мнению большинства опрошенных как русских, так и представителей титульных этносов, остались без изменения. Вместе с тем 10,1 % опрошенных русских и 12,9 % удмуртов в Удмуртии, 4,8 % русских и 10,7 % в Марий Эл, 8,1 % русских и 4,2 % мордвы в Мордовии считают, что эти отношения ухудшились.

Таким образом, в результате социологического исследования было выявлено, что и у представителей титульных национальностей, и у русских в финно-угорских регионах в установках и поведении преобладает межэтническое согласие.

Е. А. Попкова
(г. Саранск)

ВОЦЕРКОВЛЕННОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Воцерковление человека — это освоение им церковного образа жизни, церковного способа мышления, церковных точек зрения на современную реальность. Именно образ жизни показывает, насколько глубоко верующий знает культуру своей религии, насколько он соотносит свои жизненные поступки с каноническими правилами Русской православной церкви.

Люди, называющие себя православными, находятся на разных стадиях воцерковления. О реальной глубине верования и степени участия граждан в жизни Церкви позволяют судить некоторые индикаторы православного образа жизни. Согласно методике расчета индекса воцерковленности, разработанной В. Ф. Чесноковой, к ним относятся посещение храма, причастие, чтение Евангелия, молитва, соблюдение постов¹.

В 2010 г. в Республике Мордовия проведено социологическое исследование «Религиозность и этничность в Республике Мордовия»*. Опрошено 1 000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше в 22 муниципальных районах и городском округе Саранск. Метод сбора данных — очное формализованное интервью по месту жительства респондента. Использовалась республиканская квотная выборка с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов (доверительный интервал — ± 3).

Исследование показало, что абсолютное большинство респондентов считают себя верующими (90,3 %), в том числе половина из них не соблюдает религиозные обычаи и обряды (47,2 %). К неверующим отнесли себя около 5 %. Доля респондентов, которые еще не сделали выбор между верой и неверием либо относятся к религии безразлично, не превышает статистической погрешности исследования.

Уровень православной самоидентификации в Республике Мордовия чрезвычайно высок. По данным опроса, православными себя считают 91,2 % верующих, мусульманами — 6,6 %. Остальные респонденты причисляют себя к протестантам (баптистам, лютеранам, пятидесятникам и т. д.) или не относят себя ни к одной конкретной религии.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 09-03-23306а/В.

Рассмотрим социально-демографические характеристики группы православных христиан. Среди них больше женщин (58,4 %), чем мужчин (41,6 %); чаще всего православными себя считают лица от 35 до 49 лет (27,9 %). Несколько реже (22,9 %) православные встречаются в самой старшей возрастной группе (более 60 лет). В возрасте от 25 до 34 лет и от 50 до 59 лет количество православных примерно одинаковое (17,5 и 17,3 % соответственно). Самая низкая доля православных (14,4 %) зафиксирована среди молодежи (от 18 до 24 лет). В целом по возрастным группам наблюдается относительно равномерное распределение православных верующих.

Результаты опроса позволяют утверждать, что доля респондентов, идентифицирующих себя с православием, снижается по мере возрастания уровня образования. Так, больше всего православных среди лиц со средним профессиональным (35,0 %) и общим средним (29,3 %) образованием, гораздо меньше — среди респондентов, имеющих высшее образование (15,9 %). В других группах доля православных не превышает 6 %.

Особенностью современной религиозной ситуации, сложившейся в России, является то, что количество представителей православной религии (76,0 %) превышает долю респондентов, самоопределяющихся как верующие (59,0 %). Данный феномен обычно объясняется тем, что в общественном сознании православие служит объектом не только религиозной, но и культурной самоидентификации. Однако в нашем исследовании данная тенденция проявилась менее отчетливо. Количество верующих (90,3 %) и тех, кто причисляет себя к православным (91,2 %), практически совпадает.

Из пяти названных выше индикаторов важнейшим критерием степени воцерковленности является посещение церкви. Согласно правилам святых апостолов, православный человек должен посещать храм каждое воскресенье и во все великие праздники. Если это требование не выполняется без уважительных причин, то человек считается отпавшим от церковной общины. Большинство опрошенных православных (61 %) бывают в храме не реже одного-двух раз в год. Посещают церковь реже одного раза в год 23,3 % православных. Никогда не были в храме 15,7 % респондентов. Из тех, кто посещает церковь не реже одного раза в год, около половины бывают в ней один-два раза в год; примерно 40 % опрошенных присутствуют на службах несколько раз в год, 10 % — раз в месяц и чаще. В итоге всего 6,4 % представителей православной религии можно отнести к истинно верующим — это те респонденты, которые посещают храм почти каждое воскресенье и во все великие праздники.

Согласно результатам исследования, значительная часть православных (39,2 %) не причащается никогда, около трети (28,2 %) — реже одного раза в год. Более или менее регулярно совершают этот обряд 31,9 % респондентов (в том числе один-два раза в год — 24,0 %; несколько раз в год, но не чаще чем раз в месяц — 7,2 %; раз в месяц и чаще — 0,7 %). Исходя из самых жестких требований по этому критерию, воцерковленными можно считать лишь 7,9 %.

Опрос показал, что с религиозными текстами (Библией, Евангелием и др.) знакомы более половины (60,6 %) православных, никогда не читали их 38,5 %, раз в месяц и чаще обращаются к религиозной литературе 0,9 %. Одним из главных религиозных текстов является Евангелие. Лишь 1,2 % православных читают его регулярно, около 15,0 % — перечитывали недавно. Согласно правилам Русской православной церкви, православный должен читать Евангелие и другие религиозные тексты каждый день. Лишь 0,9 % опрошенных православных соответствуют этому требованию.

Еще один показатель воцерковленного образа жизни — молитва. Молятся хотя бы иногда большинство православных (72,5 %), в том числе 41,8 % — «своими» молитвами, а 23,7 % — церковными. Каждый день молятся церковными молитвами 5,6 % верующих и только 1,4 % ежедневно выполняют утреннее и вечернее молитвенные правила. Таким образом, к воцерковленным можно отнести лишь 7 % православных.

Большинство православных респондентов (65,2 %) не соблюдают религиозных постов. Постятся иногда и лишь во время некоторых постов более трети (34,8 %) респондентов, назвавших себя православными. Из них вариант ответа «иногда пощусь, но нерегулярно» выбрали 22,2 %; «соблюдаю некоторые посты» — 7,6 %; «соблюдаю все главные посты» — 4,4 %. Соблюдают все главные посты, а также стараются не есть скоромную пищу в среду и пятницу 0,6 % православных. В целом лишь 5 % верующих соблюдают все главные посты, а также в среду и пятницу. Их мы и отнесем к воцерковленным православным.

Проанализировав полученные результаты исследования в соответствии с методикой В. Ф. Чесноковой, мы можем сделать вывод о том, что воцерковленных православных в Республике Мордовия насчитывается около 8,5 %. Такое «неглубокое» участие в церковной жизни можно объяснить тем, что современный человек чаще всего приходит в Церковь не в детском возрасте (в ходе социализации личности), а гораздо позже. Советское общество, в котором происходила социализация большинства россиян, формировала атеистическое мировоззрение и соответствующий образ

жизни. Современный россиянин до обращения к религии уже обладает своим жизненным укладом, привычками в поведении, которые трудно преодолеть, иногда он проходит через не христианские духовные практики. Поэтому воцерковление — длительный процесс, в ходе которого одни элементы религиозной жизни усваиваются быстрее и легче, а другие — медленнее и труднее.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Синелина, Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных / Ю. Ю. Синелина // Соц. исслед. — 2006. — № 11. — С. 89—97.

О. Н. Тюлякова
(г. Саранск)

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

При активном участии средств массовой информации последние пятнадцать лет стали в этническом плане особыми в жизни народов России. Не случайно этот период называют временем «взбунтовавшейся» этничности, или нового национального возрождения, когда у многих народов страны усилились тенденции к национальному самоопределению, возрос интерес к исторической национально-культурной памяти, наметился подъем национального самосознания.

В. А. Маркин в статье «Роль средств массовой информации в гармонизации межнациональных отношений в Республике Марий Эл» отмечает: «В формировании культуры межнациональных отношений, в воспитании подрастающего поколения, в обогащении повседневного быта населения и самосовершенствовании людей большую роль может сыграть их приобщение к материальной и духовной культуре народов, к этнической истории и историческим памятникам прошлого. В условиях постоянно происходящей переоценки ценностей очень важно дать людям понять, что наша традиционная культура, опирающаяся на многовековое этнокультурное наследие, имеет гораздо больше шансов защитить человека и все общество от бескультурья, безнравственности и слепого преклонения перед ложными ценностями... СМИ призваны помо-

гать людям в осознании влияния этой традиции и научить творчески использовать ее в повседневной жизни»¹.

В региональном социуме неизбежно устанавливается диалогическая взаимосвязь национальных культур, на основе которой постоянно происходит их взаимообогащение, в том числе с помощью средств публицистики. При такой этнической специфике межнациональные отношения, особенно культурного плана, обретают здесь важную социальную роль, которая тщательно учитывается и умело интерпретируется в журналистской деятельности. Журналисту следует помнить, что Поволжье в России является одним из наиболее полиэтнических регионов с большим количеством населенных пунктов, имевших в недалеком прошлом смешанные по этническому признаку крестьянские общины, способствовавшие появлению уникальной локальной культуры.

Для Республики Мордовия характерен своеобразный поликультурный колорит, обусловленный совокупностью демографических, исторических, социальных, культурных особенностей, который находит свое непосредственное выражение в образе жизни, менталитете, национальных и культурных обычаях, фольклоре населяющих республику народов.

Многие периодические издания региона объективно рассматривают этнические проблемы («Известия Мордовии», «Эрзянь правда», «Мокшень правда», «Республика молодая», «Голос Мордовского университета»). По нашему мнению, существуют три основные проблемы, которые обсуждаются в региональной прессе в контексте проблематики гармонизации межэтнических отношений: 1) межэтническое сотрудничество; 2) этническое доминирование; 3) развитие и поддержка существующих этнокультурных организаций.

Межэтническое сотрудничество — самая эксплуатируемая во все времена публицистическая тема с настойчивой пропагандой тезиса о равенстве всех народов. Напротив, этническое доминирование — фактически запретная в доперестроечный период публицистическая тема, которая в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. становится самой популярной не только в Мордовии, но и в других региональных массмедиа. В настоящее время все это трансформируется в идею о спасении национального возрождения.

Таким образом, значительный вклад региональной прессы в этнокультурные процессы современного информационного общества, а также обусловленная социальной необходимостью ее роль в национальном возрождении народов России заключается прежде всего в системном культивировании в массовом сознании этнокультурных ценностей, представленных в историческом аспекте в

трудовых, семейных, бытовых традициях, а также духовных ценностей, воплощенных в языке, культуре, искусстве, науке, образовании.

На наш взгляд, в целях содействия гармонизации межэтнических отношений в области информационного пространства и социальных медиа необходимо сделать следующее:

— расширить информационное сотрудничество между финно-угорскими народами;

— осуществлять всемерную поддержку национальных изданий, обеспечить государственный заказ на создание теле- и радиопередач, фильмов на языках финно-угорских народов;

— усилить работу по размещению аудиовизуальной информации о финно-угорских народах, проектах и мероприятиях финно-угорской молодежи, в том числе на национальных языках, в сети Интернет.

Следовательно, обязанностью региональной прессы является объективное освещение этнокультурных и этнополитических процессов во избежание возможных межэтнических конфликтов. В этой связи можно отметить, что смягчение этнополитических противоречий в регионе и последующее их разрешение, как правило, достигается на основе приоритета этнокультурного развития, в том числе через создание условий для культурно-национальной автономии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Маркин, В. А. Роль средств массовой информации в гармонизации межнациональных отношений в Республике Марий Эл / В. А. Маркин // Роль СМИ в межкультурной коммуникации. Социальная миссия в современном этнокультурном пространстве: материалы науч.-практ. конф. — Н. Новгород, 2011. — С. 58.

А. П. Шумилин, П. Д. Чернюк
(г. Пенза)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ

Вопросы миграции и иммиграции часто рассматривают в России с позиции действия этих двух видов перемещения населения как на демографическую ситуацию, так и на межэтнический фактор. При этом этнический фактор в условиях безвизового режима, действующего между Россией и бывшими территориями Советско-

го Союза, определяемыми как ближнее зарубежье, иногда становится главным в анализе причин дискомфорта жизнедеятельности населения самостоятельных государств. Большинство иммигрантов России мало думают о том, чтобы возвращаться в постсоветский период в свои ослабленные и преимущественно нищие родные государства.

Россия, таким образом, постепенно превращается в общество иммигрантов, состоящих из разных народов, этносов, представляющих титульные и нетитульные национальности бывшей советской страны.

В связи с этим в настоящее время обращают на себя внимание факторы расширенного взаимодействия этносоциальных общностей. Они связаны с перемещениями работников, представляющих различные этносы.

Мобильность трудовых ресурсов в период проведения экономической реформы в России в 90-е гг. XX в. имела свою специфику. Этот вид подвижности населения был одним из ключевых в изменении как его социального состава, так и этнонационального характера процесса идентификации в постисторический период.

Трудовая мобильность обеспечивала саморегуляцию занятости населения в сфере производства, услуг, организации малого предпринимательства как в межрегиональном разрезе, так и на уровне стран СНГ, снижая тем самым социальную напряженность в наиболее дефицитных вакансиях в отраслях регионов¹.

Миграция населения смягчила также глубину депопуляции населения регионов, способствовала увеличению численности населения. Важной функцией и особенностью процесса миграции выступила трансформация социально-экономических связей и отношений на разных уровнях взаимодействия наций, народов в тех или иных социально-территориальных системах расселения с образованием в постсоветское время новых республик в рамках России, основу которых составили титульные этносы. Однако основными проблемами являлись идентификация и самоидентификация по признаку титульного этноса, с одной стороны, и идентификация малых (нетитульных) этносов с понятием «российская нация» — с другой².

В региональных аспектах проблемы взаимоотношений народов, этнических общностей и групп остаются наиболее важными и актуальными в связи с расширением социально-территориального пространства. При переходе к эпохе всеобщих взаимосвязей существенно претерпевают в сторону модифицирования те ценности, которые были заложены на уровне локального (замкнутого) существования этнических общностей и групп. «Синдромом» этих

явлений является наличие латентных форм накопления «конфликтного вещества». Чаще это наблюдается в сфере малого бизнеса и порождает недовольство местного населения.

В Поволжском наиболее многонациональном регионе России миграция привела, например, к контролю со стороны мигрантов некоторых ниш в сфере обслуживания, в торговле. С другой стороны, в ряде регионов Центрального федерального округа наращивание капитала в руках олигархов способствовало увеличению дифференциации доходов и, соответственно, росту уровня благосостояния населения, что породило конфликтные настроения у наименее обеспеченных слоев населения.

В Приволжском федеральном округе эксперты провели исследование, позволяющее оценить региональную конфликтность по пятибалльной шкале: экономические проблемы — 4 балла; внутриполитическая нестабильность — 3 балла; миграционное напряжение — 2,5 балла³.

В Южном федеральном округе как на территории с устойчивым уровнем конфликтности причины конфликтов определяются прежде всего современными факторами, среди которых важнейшими являются экономические.

Межэтнические конфликты представляют собой конфликты, происходящие между отдельными представителями, социальными группами различных этносов, а также конфронтацию двух или нескольких этносов. Методологией исследования такого рода на напряженности между этническими общностями и группами является дифференциация причин, основу которых составляют этнопсихологические, социально-экономические и политические факторы, а также социокультурные различия.

Важным фактором изучения межэтнических связей и отношений как условия стабильности регионов России выступают проблемы межконфессионального характера, вопросы государственности, двуязычия ведения документации в системе власти и управления, а также конституционного оформления прав вновь образовавшихся республик на территории России и соотношения законодательных документов этих республик с федеральными законами.

Необходимо отметить, что большинство исследователей выделяют глобализацию как процесс формирования некоего мирового сообщества, выходящего за национально-государственные границы и обретающего общие экологические, политические, экономические, цивилизационные характеристики⁴.

Любопытен в этом аспекте фактор идентификации этнических меньшинств с более крупными по размерам этносоциальными общностями. Так, согласно проведенному в 2003 г. социологиче-

скому исследованию по теме «Позиция народов Северного Кавказа в отношении России», три четверти опрошенных идентифицировали себя прежде всего как дагестанцы, при этом две трети одновременно отнесли себя к россиянам. Лишь 14,5 % респондентов усматривали основание своей идентичности в принадлежности к своему этносу и еще менее значительная часть — в своей принадлежности к религии и местному сообществу⁵.

На макроуровне в России и странах ближнего зарубежья наблюдается расширение политического, социального и этнического пространства и, соответственно, более тесное межэтническое взаимодействие.

Традиционно на территории России проживает большое количество наций и народностей. Многие социально-культурные ценности, заложенные в советский период и трансформируемые в новые базовые и национальные ценности народов молодых государств СНГ, постепенно синтезируются и являются ключевыми в формировании нового типа отношений народов, этносов, идентифицируемых с европейской идентичностью и способами ее продвижения⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чернюк, П. Д. Миграционная подвижность населения и трудовых ресурсов в Пензенской области / П. Д. Чернюк, А. П. Шумилин // Проблемы социальной защиты населения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. — Пенза, 2008. — С. 70—73.

² См.: Чернюк, П. Д. Вопросы идентификации и самоидентификации населения России в постперестроечный период / П. Д. Чернюк, И. Н. Казимиров // Этнические и межэтнические проблемы современного российского общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2008. — С. 153—156.

³ См.: Авксентьева, В. А. Экономические и социальные перемены. Уровень конфликтности в российских регионах / В. А. Авксентьева, Г. Д. Грищенко, А. В. Дмитриев // Мониторинг общественного мнения. — 2008. — № 3 (87), июль—сентябрь.

⁴ См.: Чумакова, С. В. Этническое пространство в глобализирующем мире / С. В. Чумакова // Качество жизни населения в транзитивном российском обществе: правовые, социально-культурные и социально-экономические аспекты : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. — Пенза, 2009. — С. 184.

⁵ См.: Паньшин, А. И. Миграция населения и вопросы социальной стабильности в современной России / А. И. Паньшин // Традиционное, современное и переходное в российском обществе : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. — Пенза, 2010. — С. 125—127.

⁶ См.: Пянева, А. О. Основные критерии европейской идентичности и способы их продолжения / А. О. Пянева // Государственная власть и местное самоуправление в России : материалы VI Междунар. науч. форума / под общ. ред. А. С. Горшкова. — СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008. — Т. 2, кн. 2. — С. 48—52.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные письма участникам конференции 3

**Раздел 1. Гармонизация социальных отношений
в научном наследии профессора А. И. Сухарева**

С. М. Вдовин. Вехи жизненного и творческого пути А. И. Сухарева.....	7
А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. Жизнь как долг: Александр Иванович Сухарев	11
И. В. Капитонов. Слово о Сухарева	22
В. В. Козин, А. И. Пантюшин. Категория «гармонизация» в творчестве А. И. Сухарева	25
В. В. Маркин. Многоуровневый характер социально-территориальной идентификации россиян и региональная идентичность	29
В. П. Миничкина. Методологические подходы А. И. Сухарева к программированию социально-экономического развития региона	32
В. А. Писачкин. Мастер социологической мысли	39

Раздел 2. Территориальное развитие регионов

И. А. Грошева. Гармонизация социальных отношений в институциональном пространстве	44
Т. И. Кирдяшкина. Экономико-правовые механизмы устойчивого развития сельских поселений в Республике Мордовия	47
В. А. Нежданов. Территориальная мобильность	50
С. В. Полутин, А. В. Седлецкий. Региональные условия инновационного развития общества	53
Ю. А. Рыжкова, Е. С. Голосова. Региональный опыт решения проблемы женской безработицы	59
В. М. Сидоркина. Некоторые региональные особенности ценностных ориентаций населения	63

**Раздел 3. Культурно-ценностные основы межэтнических
и межконфессиональных отношений в полиэтнических сообществах**

Н. Н. Азисова. Межкультурный диалог в системе семейных ценностей	67
Ф. А. Айзатов, Л. Ф. Айзатова. Теория самоорганизации как парадигмальная основа исследования разноуровневых этнических систем	70
В. В. Букарский. Роль Русской православной церкви в гармонизации социальных отношений в современной России	74
И. Л. Грошев. Роль религиозного образования в гармонизации личности	78
М. А. Елдин. Диалог духовных традиций Руси и финно-угорских этносов Поволжья (культурфилософский аспект)	81
В. В. Красулина. Некоторые конфессиональные особенности нравственной детерминации предпринимательской деятельности	84
Т. А. Мешкова. Значимость психологической культуры в формировании этнического самосознания, межэтнических и межкультурных отношений мордовского народа	87

О. В. Мизонова. Нравственная культура современных россиян и русское духовное наследие	88
К. М. Романов, И. С. Осипова. Выражение психического состояния мордвы в традиционном общении	92
Л. В. Рожкова, Г. Б. Кошарная. Эмоциональные компоненты гражданской идентичности студентов вузов Среднего Поволжья	95
В. В. Французов. Социализация в семье и межличностные коммуникации как факторы формирования этнической идентичности	99

**Раздел 4. Социальная структура
и социальное развитие полиэтнических регионов**

А. А. Адамеску. Значение комплексного регионального социально-экономического развития в гармонизации полиэтнических этносов	101
О. А. Богатова. Этносоциальная стратификация в республиках Марий Эл, Мордовия и Удмуртской Республике	104
Д. Ю. Голов. Роль PR-технологий в формировании этнической солидарности в регионе	107
А. В. Данилов. Российские макрорегионы в дискурсе «традиции—инновации»	109
Е. В. Еремина. Региональная идентичность в России: особенности и проблемы формирования	113
В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков. Финно-угорские народы в формирующейся гражданской нации России (россиян)	115
П. И. Кукольников. Социологическая модель этносоциальной напряженности: необходимость и возможность	119
О. Н. Курмышкина. Миграционные настроения молодежи региона (на примере Республики Мордовия)	122
Л. А. Сурайкина, В. П. Миничкина. Трудовая занятость, ценности старшего поколения — потенциал гармоничного развития социума финно-угорских регионов	125

Раздел 5. Межэтническая и межконфессиональная толерантность

Н. В. Андропова, Ю. В. Нуждина. К вопросу о формировании этнической толерантности подростков	130
Е. И. Долгаева. Национальная идея в общественном мнении финно-угорских регионов	132
А. В. Булавин, Н. С. Полутина. Истоки формирования национальных движений в «национальных» регионах Советского Союза (1985—1991 гг.)	136
В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков. Становление гражданского общества в России и этнополитические движения финно-угорских народов	139
Е. Ю. Каштанова. Специфика социального самочувствия православных и мусульман в регионе (социологический аспект)	143
Е. А. Коваль, Л. В. Митякина. Философские основания различий морального сознания пожилых людей русской и мордовской национальностей	145
Н. Е. Лобанова. Психологический компонент гармонизации межэтнических отношений в социуме	148

И. С. Луконькина. Конструирование образа мигранта в региональных СМИ	150
Г. И. Макарова. Российская и региональная идентичности в постсоветском Татарстане: конкуренция или взаимодополнение?	152
Н. П. Миронова. Этнические стереотипы у студентов г. Сыктывкара (по материалам социологических исследований 2004—2011 гг.)	155
Е. Н. Мокшина, Т. Н. Бегаева. К вопросу об этноконфессиональной ситуации в Мордовии на современном этапе	157
В. Н. Мотькин. Русские в полиэтническом социуме	161
Е. А. Попкова. Воцерковленность православных в Республике Мордовия	165
О. Н. Тюлякова. Роль средств массовой информации в гармонизации межнациональных отношений в Республике Мордовия	168
А. П. Шумилин, П. Д. Чернюк. Межэтнические связи и отношения как условие стабильности регионов	170

Научное издание

**ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ
I СУХАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Саранск, 23—24 декабря 2011 г.**

ТОМ 1

Редакторы *Е. Н. Маскаева, Е. А. Кочеткова*
Макет *И. А. Пакишиной*
Дизайн обложки *И. А. Пакишиной*

Сдано в набор 01.02.2012. Подписано в печать 30.03.2012.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура SchoolBookCTT. Усл. печ. л. 10,23.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»
430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а

Отпечатано в типографии Издательства Мордовского университета
430000 г. Саранск, ул. Советская, 24